

461765

ЦАРСТВО
СЕРБСКОЕ.

ОЧЕРКЪ
Е. Гилярова.

МОСКВА.
1877.

ЦАРСТВО
СЕРБСКОЕ.

ОЧЕРКЪ
Е. ГИЛЯРОВА.

(Изъ газеты «Современныя Известія».)

~~2982~~

МОСКВА.

Типографъ «Современныхъ Известій», Воздвиженка. Ваган. пер.
1877.

СЕРИЯ

ЭКОНОМИКА

ИСТОРИЯ

ПЕДАГОГИКА

ИСКУССТВО

**НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
для Сельскохозяйств.**

Дозволено цензурою. Москва, января 24 дня. 1877 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава.	I.	Географія древней Сербіи.— Греческое владычество.— Христіанство.—Немани.—Св. Савва.	3
Глава	II.	Бѣгство Растка на Аеопп.— Черняевъ XII ст.—Древнѣй- шіе храмы.—Постриженіе Сте- фана Немани.—Прославленіе государей	9
Глава	III.	Скорое причисленіе Симеона къ лику святыхъ.—Столкновеніе съ Болгаріею.—Стрѣза.— Сербская архіепископія.—Сте- фанъ Первоверхняный.—Что скажутъ угры?	19
Глава	IV.	Внутреннія распоряженія св. Саввы.—Смерть Стефана Пер- вовѣщаннаго.—Спошенія св. Саввы съ Кало-Иваномъ Ва- тацомъ.—„Несоставленіе ума“ Родослава.—Владиславъ.—Но- вое путешествіе св. Саввы.— Асапъ болгарскій.—Кончина св. Саввы.—Сожженіе его мощей.—Значеніе св. Саввы для южныхъ православныхъ славянъ	27

- Глава V. Савва II.—„Храпавый“кряль.— Драгутичь. — Святотатство Знобичей.—Милутичь.—Его политика.—Женщины.—Огльбление сына Стефана.—Сношение съ Римомъ.—Примиреніе съ сыномъ 36
- Глава VI. Византійская зараза въ дому Неманичей. — Легендарное сказаніе о Милутиѣ и Стефанѣ.—Клевета Симониды.—Явленіе св. Николая.—Еретикъ Варлаамъ.—Исцѣленіе Стефана.—Примиреніе отца съ сыномъ.—Монастырь Сопочанскій 43
- Глава VII. Коцчина Милутина. — Значеніе богослуженія для южныхъ славянъ.—Новый порядокъ престолонаследія.—Война съ Константиномъ.—Политика Стефана.—Война съ Михаиломъ болгарскимъ.—Прозваніе „Дечанскій“.—Добродѣтели Стефана.—Предсмертное видѣніе 50
- Глава VIII. Мученическая смерть Стефана Дечанскаго. — Народная пѣсня.—Пророчество о паденіи сербскаго царства.—Какъ объясняетъ исторія преступленіе Душана?—Неродимля.—Романическое преданіе.—Проклятая память Душана. 58
- Глава IX. Стефанъ Душанъ Сильный.—Дѣла на востокъ и западъ.—

		„Отъ Руси всеконечное оставление“. — Патриаршество въ Сербіи. — Усиленіе королевской власти. — Изна о смерти Душана	67
Глава X.		„Законникъ“ Стефана Душана. — Церковное право. — Право собственности. — Сословія. — Слѣдники: военные и гражданскіе. — Судьи. — Доходы.	74
Глава XI.		Сербская женщина XIV в. по народнымъ пѣснямъ. — Воевода Хрѣд и его жена. — Видосава, Момчилова жена. — Евросима, его сестра. — Жена и дочь короля Вукашина. — Молодая Гойковица.	81
Глава XII.		Урошь, сынъ Душана. — Ослабленіе царской власти. — Вукашинъ. — Усиленіе Волка. — Урошь ищетъ гостепрѣимства у влстелей. — Лазарь — Убіеніе Уроша. — Народныя преданія объ этомъ	95
Глава XIII.		Судъ Марка королевича. — Ссора наследниковъ. — Протополь Недѣлька. — Марко. — Наставленіе Евросимы. — Лстивыя рѣчи соискателей престола. — Рѣшеніе Марка. — Вукашинъ покушается на самоубійство. — Чудо. — Проклятіе Марка Вукашиномъ и благословеніе Урошемъ.	102
Глава XIV.		Смутное время. — Соборъ на Вукашина. — Война съ турка-	

- ми.—Разореніе сербской земли.—Смерть Вукашина.—Характеристика его.—Народная пѣсня о саблѣ Вукашина . . . 103
- Глава XV. Распаденіе царства сербскаго.—Борьба съ турками.—Паденіе царства.—Предательство Вука Бранковича и подвигъ Милоша Обилича.—Житіе царя Лазаря.—Сношеніе съ Цареградомъ.—Вѣнчаніе Лазаря на царство.—Раваница.—Разсказъ житія о Косовомъ . . . 117
- Глава XVI. Лазарица.—Событія, предшествовавшія Косову.—Женитьба Лазаря.—Ссора Милоша Обилича съ Вукомъ Бранковичемъ.—Построеніе задушбины Раваницы . . . 127
- Глава XVII. Боснійское католичество накануне паденія царства сербскаго.—Состязаніе Милоша Обилича съ господами латинами.—Отношеніе Сербіи къ мадьярамъ.—Милошъ въ плѣну у Вучи генерала.—Подвигъ Марка королевича . . . 141
- Глава XVIII. Письмо Мурада къ Лазарю.—Выборъ царства.—Кануиъ Косовской битвы.—Общаніе Милоша Обилича.—Просьба царицы Милицы.—Утро Видовицъ.—Бошко и Воишъ Юговичи.—Голубанъ . . . 155
- Глава XIX. Разговоръ Милоша Обилича съ Иваномъ Косанчицемъ.—

	Мусликъ Стефанъ и слуга его Вавстяна. — Стефанова лю- ба. — Косовка дѣвица. — Боль- шая пѣсня о Косовой битвѣ. — Бушичъ Степанъ. — Вѣщій сонъ жены Бушича и Мили- цы. — Подвигъ Милоша Обили- ча. — Смерть Лазаря. — Память о Милошѣ	164
Глава XX.	Милица узнаетъ о ходѣ Ко- совской битвы. — Разказъ Вла- дѣты воеводы. — Утро другого дня. — Прилетъ вороновъ съ Косова поля. — Разказъ Ми- лутина слуги. — Смерть жены Югъ - Богдана. — Обрѣтеніе главы князя Лазаря.	184

Славянская война большую часть изъ насъ застала врасплохъ. Школьникъ, заучивая въ 1976 году событія настоящаго года, навѣрно, не одну перевернетъ страницу своего краткаго учебника. Тамъ быстро падаютъ одно за другимъ событія. Вотъ почему и наше дѣятельное сочувствіе къ бойцамъ Балканскаго полуострова не могло не опередить, и притомъ такъ далеко, всякое теоретическое отношеніе къ славянству. Больше въ силу сердечнаго порыва, чѣмъ точнаго знанія, увлеченія, чѣмъ убѣжденія, и обильныя пожертвованія полились, и лучшіе изъ насъ стали на кровавой исторической аренѣ. Но увлеченіе прочно лишь освѣщенное сознаніемъ. Продолжимъ и еще усилимъ нашъ дѣятельный порывъ, но не уклонимся и отъ спокойнаго теоретическаго изученія дѣла, которое по справедливости признали своимъ.

Историческія судьбы славянства большин-

ству читателей журналовъ и газетъ все еще, къ сожалѣнiю, не стали знакомѣе. Исторiя сербовъ и болгаръ, за которыхъ мы теперь проливаемъ кровь, — о преснiя судьбы! — остается для многихъ изъ насъ менѣе знакомою, чѣмъ исторiя ассирiянъ или египтянъ. Какой нибудь Хеопсъ, годный развѣ только какъ мумiя, ближе для насъ Стефана, Первоначальнаго краля сербскаго, и преподавателю исторiи полуженщина полуптица Семирамида любезнѣе несчастной Милицы, жены Лазаря. А Неманя, по просьбѣ сына инокъ ивнiющiй престолъ на мантiю монаха, несчастный Стефанъ Дечанскiй, убитый сыномъ своимъ Душаномъ, Лазарь, предпочтнiй жизни и земному царству смерть и царство небесное, — кому знакомы эти трагическiя тѣни такъ же хорошо, какъ всевозможные Людовики и Генрихи?... Даже Георгiй и Милошъ — о позоръ! — извѣстны намъ въ 10 разъ меньше, чѣмъ такъ вывѣтрившiеся за послѣднее время Муции и Ганнибалы, Алкивиады и Эпаминонды....

Нисколько не имѣя притязанiя на строго историческое изложенiе, — да и не смѣнно ли было бы ожидать этого отъ газетной статьи? — ограничимся скромною задачею — познакомить читателей лишь съ нѣкоторыми выдающимися фактами исторiи царства сербскаго.

Географія древней Сербіи. — Греческое владѣн-
ство. — Христіанство. — Исмаил. — Св. Савва.

«Добы получить понятіе о географическомъ положеніи древней Сербіи, надобно поста-
вить себя мысленно въ центрѣ того высо-
каго горнаго хребта, который отъ Альпъ тя-
нется къ Черному морю, и своими отрасля-
ми, текущими съ него рѣками и ручьями,
долинами, наполняетъ все пространство ме-
жду Дунаемъ съ одной стороны, Адриатиче-
скимъ моремъ и Архипелагомъ съ другой.
Сербы издавна владѣли горными проходами
этихъ террасообразно подымающихся вы-
сотъ, этими, по выраженію народныхъ пѣ-
сенъ, «нестрыми планинами», въ которыхъ
лѣсной мракъ смѣняется бѣлыми скалами и
глыбами долго не тающаго снѣга. Они оби-
тали также по низовьямъ Дрины, Босны и
обѣихъ Моравъ; къ югу занимали земли до
верхней Македоніи и населяли адриатическое
побережье». ¹⁾ Такъ поэтически описываетъ
столь знакомую теперь многимъ изъ нашихъ
друзей часть Балканскаго полуострова слав-

¹⁾ Ист. Сербіи Л. Ранке, 2.

ный берланскій профессоръ, авторъ исторіи папъ, реформаціи и т. п. Тому, замѣтимъ мимоходомъ, кто пожелалъ бы познакомиться съ исторіею борьбы Сербіи за независимость при Георгии и Милошѣ, нельзя указать лучшаго сочиненія и по таланту изложенія, и по безпристрастію.

Эта цвѣтущая страна, которой только часть отрѣзана на нынѣшнее княжество сербское, даже и теперь поражающая богатствомъ природныхъ условій, искони входила въ составъ римской имперіи. Съ раздѣленіемъ имперіи на западную и восточную, Сербія отошла къ послѣдней. Этимъ опредѣлилась и вся послѣдующая ея судьба.

Самостоятельною политическою жизнью сербы начали жить позднѣе русскихъ, болгаръ и поляковъ. Долгое время составляя часть восточной имперіи, сербы, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, безпрепятственно управлялись собственными выборными начальниками. Въ 11 столѣтіи греки пожелали непосредственно управлять Сербіею. Въ Сербію прибылъ греческій намѣстникъ; его появленіе повело ко всеобщему возстанію. Сербскій старшина Стефанъ Воиславъ, сидѣвшій въ Константинополѣ въ заключеніи, бѣжалъ оттуда на родину. Сербы, подъ его предводительствомъ, изгнали гре-

ческаго намѣстника и его чиновниковъ, алчныхъ и корыстолюбивыхъ. Въ 1043 г. греческій императоръ Константинъ Мономахъ послалъ въ Сербію многочисленное войско для восстановления утраченной власти; сербы встрѣтили его въ горахъ, и вся греческая армія погибла въ непроходимыхъ горныхъ ущельяхъ. ²⁾

Вотъ еще какъ давно начались счеты между сербскимъ и греческимъ народомъ. По мѣрѣ нашего поступанія впередъ, больше и больше будутъ накапливаться подобнаго рода факты. Вотъ она, вотъ та несчастная рознь, которая и прежде, даже и сейчасъ — одна изъ главнѣйшихъ причинъ неустойства Балканскаго полуострова.

Первую проповѣдь о Христѣ, какъ у насъ на Руси, такъ и у сербовъ, преданіе относитъ ко временамъ апостольскимъ. «По первая проповѣдь благочестія», такъ говорятъ сербскія лѣтописи, «угасла; различныя ереси умножились на много лѣтъ, и начальствующие никакъ не заботились объ истребленіи еретическихъ плевелъ до самаго того времени, когда явился великій журналъ Цемана, который и возобладаль самовластно этою землею». ³⁾

²⁾ Ранке, 3

³⁾ Русс. Вес 1860 г. II Смѣсь, 19.

Тоже свидѣтельствуютъ и наши хронографы, разумѣется, заимствуясь изъ тѣхъ же сербскихъ источниковъ: «Бѣлоурошъ роди Тѣхомила, Тѣхомиль роди Неманю, иже есть святыи Семіонъ, иже утверди православіе и ереси отгна»⁴⁾.

Цитата, заимствованная нами изъ замѣчательнаго труда А. Н. Попова, который по достоинству оцѣнить будущій исторіографъ, невольно наводитъ насъ на замѣчаніе: пересмотрите наши лѣтописи, перелистуйте хронографы, и вы на каждомъ почти шагу за статьей, повѣствующей о событіи у насъ, встрѣтите статьи съ такимъ заглавіемъ: «царство греческое», «царство сербское», «царство болгарское». Хронографы—такъ тѣ положительно представляютъ полную параллель русской, греческой, болгарской и сербской исторіи. Куда все это дѣлось? И не стыдно русскимъ историкамъ 18 и 19 столѣтія передъ своими предшественниками 16 и 17 вѣка?...

Какъ бы то ни было, но христіанство было принято сербами на томъ же самомъ, такъ понятномъ для нихъ языкѣ, на которомъ получено и нами, и болгарами, и уже въ началѣ 10 столѣтія сербскіе священники рукополагались епископомъ города Ноны, славянскомъ по происхожденію⁵⁾

⁴⁾ Изборникъ слав. и русск. соч. и статей, внес. въ хроногр. русск. редакціи, А. Попова, 37

⁵⁾ Ранке, 3.

Великій деспотъ (господарь) Неманя, со дня крещенія котораго сербы начинаютъ свою исторію, родился въ 1103 году, какъ разъ въ тотъ годъ, какъ русскіе князья, Святополкъ и Владиміръ Мономахъ, сйдя въ Долобекъ въ одномъ и томъ же шагръ, сговаривались идти войною на поганыхъ половцевъ. Не случайно сдѣлали мы это сопоставленіе. Когда въ русской исторіи все ясно какъ день, когда говорить современникъ, даже по жалуду, очевидецъ, какая еще темнота у сербовъ! Время Неманя— это время нашего Рюрика, много много Игоря.

Древнѣйшій періодъ каждой исторіи не знаетъ хронологіи. Такъ и у сербовъ. Мѣтапися сербскія называютъ Неманю внукомъ сестры Равноапостольнаго Константина, и между Константиномъ, умершимъ въ 337 году, и Неманею, родившимся въ 1103 году, помѣщаютъ только два поколѣнія! Достоинно замѣчанія соображеніе покойнаго Гильфердинга, что этотъ безсмысленный анахронизмъ есть выраженіе того историческаго факта, что весь тотъ долговременный періодъ, небезславно прожитой сербами, отъ паденія римской имперіи и до крещенія Немани, когда сербскій народъ былъ въ подчиненіи у римской церкви, «исчезъ въ сознаніи народа, какъ нѣчто несущественное для него. Такъ велико было значеніе вѣры для этого народа!»⁶⁾

⁶⁾ Зап. Им. Р. Геогр. Общ. кн. XIII, 136.

Изъ трехъ дѣтей Немани самый замѣчательный младшій Раство, въ послѣдствіи св. Савва.

Русская исторія тѣмъ между прочимъ отличается отъ исторіи другихъ народовъ, что въ инныя минуты власть отъ князя переходитъ вся цѣликомъ къ какому нибудь изъ духовныхъ подвижниковъ. Припомнимъ Θεодосія Печерскаго, передъ которымъ смолкали органы и гусли Святослава; припомнимъ Петра митрополита, положившаго основаніе едиподержавію на Руси; не забудемъ и настоящаго побѣдителя на Куликовомъ полѣ, Сергія Прендобнаго, наконецъ великихъ государей Филарета Никитича и Никона. Въ сербской исторіи тоже самое. Сначала отецъ потомъ братъ, далѣе племянники св. Саввы—властители только по имени; дѣйствительный же правитель и даже основатель государства св. инокъ, живущій даже не поблизости, какъ Θεодосій въ Печерскомъ монастырѣ, а спасающійся гдѣ то далеко, на Аѳонѣ, или разъѣзжающій по всему извѣстному тогда міру. Явленіе, въ высшей степени поучительное!

Остановимся подробнѣе на этомъ лицѣ, которое могло бы собою украсить любую исторію.

1876 г. 8-го сентября.

II.

Бѣгство Растка на Аоонъ.—Черилевъ XII ст.—
Древнѣйшіе храмы.—Постриженіе Стефана Не-
мани.—Прославленіе государей.

Пришли разъ иноки святой горы Аоон-
ской къ деспоту (господарю) Неманѣ. Такъ
разсказываетъ житіе св. Саввы, помѣщаемое
въ нашихъ хронографахъ. Въ числѣ стран-
никовъ былъ какой то сербинъ. Увлеченный
его бесѣдой, младшій сынъ деспота, Растко,
рѣшился послѣдовать его примѣру—посту-
пить въ иноки св. горы.

Приходъ иноковъ съ Аоона къ князю,—
какъ это по-русски!

Но Доментіаново житіе св. Саввы говоритъ,
что юношу-князя увлекъ въ монашество не
сербинъ, а «русинъ»¹⁾

Оставимъ критикамъ текстовъ рѣшать, ка-
кое чтеніе древнѣе и потому вѣрнѣе. Здѣсь
и теперь намъ важно только указаніе на
дружескія связи древней Руси и древней
Сербіи, а не все ли равно, въ эпоху ли со-
ставленія житія было это, или во время
его передѣлки, переписки?

¹⁾ Изб. А. Попова, 39.

Но одинокій, издалека явившійся русиизъ, увлекающій молодого сербскаго князя статья во главѣ историческаго призванія народа на пути духовнаго преуспѣнія, — вѣдь это читатель, точно не 12 столѣтіе, а весня 1876 года. Пусть же критики древнихъ лѣтописныхъ текстовъ обращаются иногда за ключемъ и къ газетной современности.

У отца, полагающаго основаніе государственности, проситься въ монахи — умѣстно ли? Могла бы повториться, но, разумѣется, не въ тѣхъ размѣрахъ, исторія нашего Алексѣя Петровича Романова. И вотъ Растко просится у отца «на ловъ»

Кто знакомъ съ нашимъ Несторомъ, тотъ припомянетъ княгиню Ольгу, оставившую свои «ловища по всей землѣ»; припомянетъ и Свѣисельдича, именемъ Люта, изъ Кіева гнавшагося за звѣрями по лѣсу; припомнятъ и Метислава Храбраго, разболѣвшагося «на ловахъ», и многихъ другихъ, не говоря уже о Мономахѣ.

Какъ, опять скажемъ, все это по-русски!

Ра умѣется, «ловы» были только предложомъ уйти изъ дому: Растко вмѣстѣ съ гостями отца отправляется на Аѳонь.

Видно, «ловы» продолжались такъ долго, какъ никогда. Отецъ въ безпокойствѣ; онъ догадывается. Отправлена погоня и прямо на Аѳонь.

Посланные Немани приходятъ на св. гору. Раство еще мірянинъ. Какъ быть? Погоня, разумѣется, устала съ дороги, да и гостепріимство такъ въ славянской природѣ. Дѣло кончилось тѣмъ, что Раство «упоилъ» земляковъ «виномъ».

Не въ порицаніе замѣтимъ, что «вино холодно» встрѣчается въ жизнеописаніи св. мужа и еще разъ. Въ жаркую пору онъ любилъ пить его со льдомъ и для этого разъ, въ знойное время, даже свелъ съ неба, по сказанію легенды, обильный градъ для себя и для короля угорскаго.

Все это драгоценныя народныя черты, не пропавшія подъ перомъ даже стариннаго книжника.

Должно быть, не только русекой, но и сербской землѣ «есть веселіе пити: не можетъ безъ того быти».

Посланные снятъ. Раство восходитъ «на столпъ», постригается и получаетъ монашеское имя Саввы.

Сколько припомнимъ, столпничество, этотъ особый видъ подвижничества, встрѣчается исключительно въ исторіи восточной церкви: греческой и русской. Укажемъ на извѣстнаго Симеона Столпника и на наивсего Никиту Черыславскаго.

Проснулись посланные и стали было укорять инокъ св. горы, но Савва показался

передъ ними на столпъ, сбросилъ имъ свою мірскую одежду и волосы, отрѣзанные при постриженіи. Съ плачемъ отошли посланные и возвѣстили отцу и матери о новомъ, такъ близкомъ для нихъ, подвижникѣ. Тѣ тоже много скорбѣли съ боярами и сродниками.

Савва постригается въ *Русскомъ* монастырѣ; потомъ, по повелѣнію прота св. горы, начинаетъ жить въ Ватопедѣ.

Памятники не говорятъ, что заставило Савву изъ множества другихъ монастырей аеонскихъ избрать монастырь русскій; умалчиваютъ они и о томъ, что побудило прота св. горы повелѣть Саввѣ перейти изъ русскаго монастыря въ Ватопедь.

Но кто былъ протъ? Вѣроятно, грекъ. Если бы славянинъ, житіе оговорилось бы. Начальникъ *грекъ* переводить *сербскаго* князя изъ *русскаго* монастыря въ *греческій*. Понятно. И догадка наша, что не сербинъ, а русинъ увлекъ Растко въ монашество, подтверждается. Русинъ, вѣроятно, и самъ былъ изъ русскаго монастыря и разказами о жизни въ русскомъ же монастырѣ подѣйствовалъ на воображеніе молодого серба.

Житіе мало говоритъ о дѣятельности отца св. Саввы. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что въ самомъ фактѣ вступленія на великожупанскій престолъ Стефана Немани, отца Саввы, въ послѣдній разъ выказалось

преобладающее вліяніе грековъ на внутреннія дѣла Сербіи. Вступленіемъ младшаго Немани на престолъ нарушенъ былъ обычный родовой порядокъ, по которому старшій братъ преимуществовалъ. Не безъ борьбы со старшими братьями получилъ Стефанъ въ наслѣдіе отцевскую землю, и потомъ окончательно освободилъ сербскія земли отъ грековъ.

Сербская земля наблюдательному путешественнику такъ и дышетъ народными преданіями. Только на Руси да въ славянскихъ земляхъ, гдѣ не отшибена еще историческая память, можно написать цѣлую исторію по народнымъ рассказамъ, все еще мало знакомымъ историкамъ, изучающимъ старицу по архивамъ. Въ другихъ странахъ все или поблекло, или вылущено собирателями преданій. Къ числу такихъ путешественниковъ, которымъ говоритъ сама земля, безспорно, принадлежалъ покойный Гильфердингъ, скончавшійся безвременною смертію во время собиранія преданій въ такъ еще недавно открытой для русской науки нашей Олонеккой губерніи. Его капитальное сочиненіе: «Поѣздка по Герцеговинѣ, Босніи и Старой Сербіи», заключающее въ себѣ около 700 страницъ, рекомендуемъ всѣмъ любителямъ славянской этнографіи, богатое какъ содержаніемъ, такъ и сердечнымъ участіемъ къ несчастному народу. Читая Гильфердинга, испытываешь то же

чувство, что и на кладбищѣ, гдѣ схоронилъ близкихъ сердцу. Развалины «задушбинъ» (церкви, построенныя заупокой души) Неманичей, оскверенныя турками, это настоящія надгробныя плиты минувшей славы и силы. Онѣ-то чаще всего и встрѣчаются путешественнику.

Въ верстѣ отъ Новаго Пазара Гильфердингъ видѣлъ маленькую церковь св. ап. Петра и Павла, въ которой великій жупанъ Стефанъ Неманя, крещенный въ младенчествѣ римскимъ священникомъ, сорока лѣтъ отъ роду принялъ въ 1143 году новое крещеніе въ православную вѣру изъ рукъ рашскаго епископа Леонтія и тѣмъ навсегда рѣшилъ будущую судьбу сербскаго народа.)

Въ небольшомъ разстояніи отъ церкви св. ап. Петра и Павла возвышается гора, увѣчанная большимъ зданіемъ. Это монастырь св. Георгія «о дву столпахъ», построенный Стефаномъ Неманею по обѣту, данному имъ, когда онъ былъ посаженъ своими братьями «въ пещеру каменну». Народъ называетъ этотъ монастырь «Юрьевыми столпами» и показываетъ подъ церковью родъ подвала или пещеры, утверждая, что въ этомъ мѣстѣ родоначальникъ сербскихъ государей сидѣлъ узни-

комъ. Внутренность церкви покрыта стѣнною живописью, но все это поругано: у тѣхъ изображеній, что пониже, турки выковыривали глаза гвоздями, а что повыше—тѣ служили мишенью турецкимъ ружьямъ и пистолетамъ ³⁾.

Но возвратимся къ нашему разсказу.

43 уже года господствовалъ великій жуланъ Стефанъ Неманя, какъ получаетъ онъ отъ сына «епистолю» (*epistola*—письмо), «да оставитъ царство земное и придетъ къ нему въ монастырь» ⁴⁾.

Не напоминаетъ ли и это обычай нашихъ князей и царей постригаться и даже принимать схиму въ послѣднія минуты жизни?... Что грѣха таить: бывали и такіе у насъ примѣры, что постригали уже мертвыхъ.

Но Стефанъ еще не при смерти. Постригнись, онъ еще жилъ и даже распоряжался дѣлами монастырскими.

Приглашеніе отцу послѣдовать примѣру сына—и на это пѣтъ недостатка въ нашей старинѣ. И если позднѣйшія житія нашихъ святыхъ составлялась по извѣстному шаблону, ариписывая и святому и его родителямъ много общихъ мѣстъ, въ числѣ которыхъ и послѣдованіе родителей примѣру

³⁾ Ibidе 132.

⁴⁾ Изб. А. Попова, 30.

сына-инока занимало. не послѣднее мѣсто; то житіе Θεодосія, уговорившаго свою мать постричься, дышетъ, по своей древности, неподдѣльностію. Не забудемъ, что и Анна, мать св. Саввы, тоже постриглась одновременно съ мужемъ.

И такъ Стефанъ оставляетъ все, назначаетъ сына своего Стефана «самодержцемъ» и постригается въ монастырѣ «Студенцы», подъ именемъ Симеона. Со множествомъ имѣнія приходитъ онъ на св. гору. Потомъ этотъ престарѣлый славянскій король Лиръ, болѣе счастливый въ своихъ дѣтяхъ, чѣмъ британскій, испрашиваетъ у греческаго императора, у своего свата (сынъ Немани Стефанъ былъ женатъ на дочери императора) монастырѣ «Хиландарь» со всѣмъ «стяжаніемъ» и со всѣми «селитвами».

Симеонъ проситъ сына своего Стефана — принять монастырѣ «во свое имя», и Стефанъ жалуетъ Хиландарскому монастырю множество имѣній и сель въ сербской землѣ, обогащаетъ обитель «скотомъ приплоднымъ» и принимаетъ ее «въ свое имя». Императоръ даетъ грамоту на владѣніе этимъ монастыремъ. Послѣ того отецъ и сынъ иноки поселяются въ этой обители, гдѣ «преподобный» Симеонъ и отходитъ ко Господу.

«И молитвами святаго Саввы истече миро

отъ гроба его». Такъ наивно заканчивается эта часть житія ¹⁾).

Возведеніемъ Стефана, въ иночествѣ Симеона, въ число святыхъ открывається та поразительная черта древней сербской исторіи, по которой все сербскіе государи Неманичи до самаго паденія сербскаго царства (кромѣ отцеубійцы Душана) причислялись современниками и потомками къ лику святыхъ.

Древне-русская агіологія не знаетъ другихъ святыхъ, кромѣ князей и монаховъ. Съ точки зрѣнія старинныхъ нашихъ книжниковъ ни одинъ мірянинъ не княжескаго рода, кромѣ Артемія Веркольскаго, не могъ понасть въ царство небесное. Сербы въ этомъ пошли еще дальше насъ и отрицательный нашъ недостатокъ замѣнили положительнымъ своимъ порокомъ. Ничѣмъ инымъ, какъ духомъ рабскаго лицемерія, нельзя объяснить это идолопоклонство предъ властію. Замѣчательно, что даже самый способъ выраженій о царственныхъ особахъ у большинства древнихъ сербскихъ книжниковъ пропитанъ этимъ же духомъ.

Вотъ на выборъ нѣсколько фразъ:

«Сему благочестивому кралю Урошу (Милутину), осмѣлившему сына своего возлюбленнаго Стефана» ²⁾).

¹⁾ Изб. Поп. 30.

²⁾ Данилъ, въ житіи Милутина.

Или:

«Сей *благочестивый* краль Урошь третій (Дечанскій) *ненависть* воздвиже на сына своего *возлюбленного*» (Душана)³⁾, и т. д.

Не вліяніє ли это современной, такъ близкой къ сербамъ, до мозга костей въ то время развратившейся Византіи?... И дальше, не отголосокъ ли это даже преданій римско-языческой имперіи, гдѣ каждый императоръ по смерти замосился въ списокъ боговъ?...

11-го септября.

³⁾ Давидъ, въ житіи Стефана Дечанскаго.

III.

Скорое причисленіе Симеона къ лику святыхъ.— Столкновение съ Болгаріею.— Стрѣза.— Сербская архіепископія.— Стефанъ Первовѣчанный.— Что скажутъ угры?

По смерти своего отца, Савва выказываетъ особенную заботу о его прославленіи. Новую народную святыню, мощи Симеона «преподобнаго», перваго угодника сербской земли, онъ переноситъ съ Аэона въ сербскій монастырь «Студенцы» и, по моленію брата своего «деспота» (господаря) Стефана, принимаетъ начальствованіе надъ этимъ монастыремъ.

Потребность политическая—создать народную святыню изъ княжескаго рода совершенно понятна. Припомнимъ скорое прославленіе нашей княгини Ольги, еще скорѣйшее Бориса и Глѣба. Достояна въ этомъ смыслѣ замѣчанія ранняя исторія Москвы. Когда въ Кіевѣ Ольга, Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ, Святоша, въ Новгородѣ Александръ Невскій, въ Псковѣ Всеволодъ Гавріиль, въ Твери Михаилъ Ярославичъ и т. д.; когда у каждаго древнерусскаго города есть своя мѣстная святыня въ лицѣ своего мѣстнаго князя,—у Москвы 12 и 13 столѣтія не встрѣчаемъ свя-

тыхъ не только изъ княжескаго рода, но даже и изъ простыхъ людей. Чѣмъ объяснить это?—стоитъ подумать. Попытка прославленія Давиіла московскаго окончательно не удалась, а позднѣйшіе угодники преимущественно изъ іерарховъ: Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ. Тоже и въ Новгородѣ въ ту же эпоху: Василій, Моисей, Евѣимій, Іона. Какъ объяснить и это?... Но еще бѣднѣе, замѣтимъ ужъ кстати, своею мѣстною святынею Петербургъ, и, разумѣется, трудно ожидать, что станетъ когда нибудь богаче. Александръ Невскій и Петербургъ—это ужъ слишкомъ вѣшнее сочетаніе.

Итакъ, скорое прославленіе деспота Стефана, въ иночествѣ Симеона, совершенно отвѣчаетъ подобнымъ же фактамъ и въ нашей ранней исторіи.

Въ эпоху деспота Стефана, брата св. Саввы, Сербіи пришлось принять участіе въ болгарскихъ смутахъ.

Борьба Сербіи и Болгаріи, кажется, ни чѣмъ не различается отъ столь знакомой намъ борьбы Москвы съ Тверью въ XIV, Россіи и Польши въ XV столѣтіи. Почему? за что? для чего? какой смыслъ всей этой борьбы? отказываемся понимать.

Это споръ славянъ между собою,
Домашній, старый споръ, ужъ взвѣщенный
судьбой.

Описываемое столкновение между Сербією и Болгарією произошло, по свидѣтельству статьи хронографа «О болгарскомъ царствѣ», слѣдующимъ образомъ:

Болгарскій царь Калуйнъ отторгнулся отъ Греческой имперіи; «имъ (т. е. Калуйномъ) обновившаяся царствія скипетры и процвѣте увядшая насиліемъ греческимъ». Калуйнъ множество греческихъ городовъ частью разрушилъ, частью покорилъ. Такъ дошелъ онъ до Селуня, столь извѣстнаго теперь трагическою судьбою французскаго и германскаго консуловъ, гдѣ, по сказанію легенды, и былъ убитъ во время сна коніемъ Димитрія Селунскаго. По смерти Калуйна, Болгарія, по видимому, раздиралась усобицами между родственникомъ Калуйна Стрѣзою и Борисомъ, «инымъ царемъ». Стрѣза былъ принужденъ искать убѣжища въ Сербіи. Деспотъ Стефанъ побратался съ бѣглецомъ и помогъ ему стать болгарскимъ «самодержцемъ».

До сихъ поръ понятно. Что же дальше?

«Стрѣза же, по времени совокупивъ вой, поиде на Стефана, забывъ благодаренія его»¹⁾.

Совершенно по славянски!

Далѣе рассказъ принимаетъ опять легендарный характеръ, но и сквозь религіозно-поэтическую оболочку видно преобладающее

¹⁾ Изб. А. Попова, 30—31.

значеніе Саввы монашествующаго надъ Стефаномъ господарствующимъ.

Стефанъ молитъ брата отправиться къ Стрѣзѣ съ предложеніемъ мира. Архимандритъ Савва соглашается.

Отправленіе архимандритовъ и вообще лицъ духовныхъ въ качествѣ пословъ не рѣдкость въ исторіи отношеній и нашихъ князей.

Пришелъ Святый къ Стрѣзѣ, много поучаль его, но не могъ «преложить отъ буйства» и, по словамъ легенды, ночью убилъ его.

Утромъ Стрѣзу нашли еще дышущимъ, и онъ могъ только проговорить:

— «Страшный нѣкто въ ночи представъ предо мною, Саввою посланный, взявъ мой мечъ, прободаль меня».

Окружавшіе отошли съ ужасомъ.

Черезъ нѣсколько времени св. мужъ отправился на Аѳонъ въ свои «молчальныя келліи», а оттуда въ Цареградъ.

Императоръ принялъ его съ сугубою честью, какъ близкаго родственника: дочь императора была замужемъ за Родославомъ, роднымъ племянникомъ св. Саввы.

Поѣздка въ Константинополь имѣла важную церковно-политическую цѣль.

— «Зловѣрія ересь отцемъ моимъ и мною отогнана, и благочестіе множится, говорилъ св. Савва императору и патріарху константинопольскому.—Благочестіе въ одномъ ну-

ждается: своего архіепископа не имѣемъ, чтобы учить о Господѣ».

Царь и патриархъ согласны на учрежденіе сербской архіепископіи. Вопросъ только въ томъ, кому быть архіепископомъ. Савва предлагаетъ кого либо изъ своихъ учениковъ; царь и патриархъ настаиваютъ самого его посвятить. Наконецъ Савва соглашается.

Этого мало. Ходатай за сербскую землю колить царя и патриарха, да дадутъ ему власть и «по немъ сущимъ» своими епископами посвящать своихъ архіепископовъ, а къ Цареграду не ходитъ, т. е., просить о самостоятельности сербской архіепископіи.

— Тяжко прошеніе, отвѣчали царь и патриархъ, однако согласились.

Ранняя независимость сербской церкви отъ греческой невольцо напоминаетъ намъ, что русскіе митрополиты еще при Дмитріи Донскомъ ѣздили въ Константинополь за ставленіемъ.

Въ Сербіи есть свой независимый архіепископъ, но еще нѣтъ царя. Савва вѣнчаетъ Стефана царскимъ вѣнцомъ и ставитъ его «кролемъ» ³⁾.

Такъ сухо рассказываетъ житіе о приобрѣтеніи царскаго титула Стефаномъ Первовѣнчаннымъ, стараясь, разумѣется, стусневать

³⁾ Ibid.

то, что было въ этомъ не совсѣмъ одобри-
тельного.

Изъ другихъ источниковъ узнаемъ, что Савва удалялся на Афонъ, будучи недово-
ленъ связями Стефана съ папою. Можетъ
быть, и самое исканіе сана архіепископа
имѣло цѣлью—авторитету Рима противо-
ставить равный авторитетъ Константино-
поля. По крайней мѣрѣ, посвященный въ
Никеѣ въ архіепископы Сербіи, Савва вер-
нулся на родину только тогда, когда Сте-
фанъ, достигши своихъ цѣлей, порвалъ всѣ
связи съ Римомъ. Тогда-то Савва и повѣн-
чалъ на царство своего брата.

Отмѣченный моментъ въ сербской исторіи
въ высшей степени поучителенъ и для на-
шего времени. Римъ хорошо знаетъ, какъ ла-
комы до царскаго титула славянскіе князья,
и охотно раздаетъ его съ извѣстнымъ усло-
віемъ. Это началось не вчера, не нынче и
не ограничится только завтра.

Припомнимъ нашего Даниїла и пожалован-
ный ему Иннокентіемъ IV титулъ короля
Галицкаго и не въ мануту торжества его
оружія, а во время паисильвѣйшаго давле-
нія Батыя. И до сихъ поръ томится подъ
иноземнымъ ярмомъ наслѣдіе Даниїла Галиц-
каго, точно неся наказаніе за преступную
попытку—промѣнять на вѣнецъ королевскій
предація отеческія.

Что же было ближайшимъ слѣдствіемъ такого принятія королевскаго вѣнца великимъ жупаномъ? Разумѣется, то же, чего должно ожидать и теперь, при провозглашеніи сербскаго князя королемъ, о чемъ вотъ, вотъ принесеть вѣсть телеграфъ.

Но продолжимъ разсказъ.

Услыхаль угорскій (венгерскій) король о поставленіи на королевство Стефана деслота и вознегодовалъ:

— Подобна намъ, рече, сотвори себе!

И онъ пошелъ войною на сербскаго краля. Архіепископъ Савва вышелъ къ нему на встрѣчу и много «вѣщаль» ему о мирѣ, но тотъ не преклонялся.

Здѣсь опять переходимъ въ область легенды.

Итакъ, тогда стояла сильная жара. Святой послалъ просить у угорскаго короля льду. Льду, разумѣется, не нашлось. Святой помолился, и палъ градъ великій около того мѣста. Возблагодаривъ Бога, наложилъ Савва градинъ въ вино, прохладилъ жажду свою и послалъ къ королю угорскому «каменія граднаго» блюдо великое серебряное.

Увидавъ это, страхомъ былъ объять угорскій король, принялъ православіе и утвердилъ со Стефаномъ вѣчный миръ. По смерти короля угорскаго, отъ гроба его стали твориться чудеса.

«О немъ же (т. е. объ этомъ угорскомъ королѣ), — такъ ядовито замѣчаетъ другая редакція житія Саввы, — угромъ хвалищемся и глаголющимъ, и яко имамы краля свята и чюддѣва въ гробѣ лежаща» ⁴⁾).

Когда были уже написаны эти строки и даже набраны, мы прочли:

«Последнее условіе (т. е., письменное признаніе княземъ Миланомъ турецкой верховной власти) есть, очевидно, отвѣтъ со стороны Австріи на провозглашеніе Милана королемъ Сербіи» ⁵⁾).

Этого мы ждали. «Подобна намъ, рече, сотвори себе»!....

17-го сентября.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ *Москов. Вид.* № 234.

IV.

Внутреннія распоряженія св. Саввы. — Смерть Стефана Первовѣчаннаго. — Сношенія св. Саввы съ Кало-Ивапомъ Ватацомъ. — «Несоставленіе ума» Родослава. — Владиславъ. — Новое путешествіе св. Саввы. Асанъ болгарскій. — Кончина св. Саввы. — Сожженіе его мощей. — Значеніе св. Саввы для южныхъ православныхъ славянъ.

Повѣнчавъ брата своего на королевство и отклонивъ враждебное столкновеніе съ уграми, св. Савва занялся внутреннимъ устроеніемъ Сербіи. Съ помощью приведенныхъ изъ Цареграда иконниковъ и «мраморниковъ» строить онъ великую и чудную церковь, «поднимаетъ» ее и украшаетъ различными «мраморами»; еретиковъ, обращающихся къ церкви, но некрещенныхъ, онъ повелѣваетъ крестить, а крещенныхъ, но впадшихъ въ «латинскую лесь», приобщаетъ къ церкви черезъ миропомазаніе, непокорныхъ же приказываетъ брату своему Стефану изгонять съ безчестіемъ изъ отечества, да не «подадутъ и прочимъ своея красоты».

Кончина Стефана Первовѣчаннаго обставляется въ житіи св. Саввы чудесными подробностями, въ которыхъ св. архіепископъ сербскій возводится до апотеозы.

Стефанъ боленъ при смерти; онъ умоляетъ своего брата облечь его въ иноческій образъ. Но Савва медлитъ, будучи занятъ дѣлами архіепископіи. Снова посылаетъ къ нему Стефанъ съ слезною мольбою:

— «Ты меня не увидишь въ живыхъ!»

Поспѣшилъ Савва, но было уже поздно. «Оскорбился» святой мужъ, помолился со слезами и, по словамъ легенды, — воскресилъ умершаго. Облекши его въ иноческій образъ и причастивъ св. таинъ, Савва подвелъ къ нему сына его, а своего племянника, Родослава, и благословилъ его королевствомъ. Потомъ, обратясь къ Стефану, въ иночествѣ Симеону, повелѣлъ ему «уснуть», говоря:

— «Пріими въ мирѣ душу его, Господи!»

Устроивъ дѣла государственныя, св. архіепископъ отправился въ далекое странствованіе. Прежде всего онъ посѣтилъ Іерусалимъ. Не забывая о своей родной землѣ, приобрѣталъ онъ здѣсь мощи святыхъ, сосуды и ризы съ тѣмъ, чтобы принести все это въ свое отечество.

Около этого времени (1204 г.) Царегрцѣ былъ взятъ латинами, и царство греческое «надвое пересѣклось»: въ Фессаліи, Иллиріи и Селуни царствовалъ Феодоръ Ласкаръ, а по всему Понту, въ Галатіи и въ Азіи — царь Кало-Иванъ Ватацъ.

Къ этому-то царю Ивану и отправился по

возвращеніи изъ Іерусалима св. Савва. И здѣсь заботился онъ о приобрѣтеніи св. мощей: покупалъ и у царя испрашивалъ. Царь одарилъ его и частію животворящаго древа и на прощаніе сказалъ ему:

— «Молися о насъ грѣшныхъ!»

На императорскомъ кораблѣ, сопровождаемый вооруженными мужами, поплылъ оттуда архіепископъ сербскій на св. гору. Съ Аеопа отправился онъ къ другому сосѣднему государю, въ Селунь, къ Ѳеодору Ласкарю, а оттуда на родину.

Услыхавъ о приближеніи св. Саввы къ сербскимъ предѣламъ, повелѣлъ король Родославъ епископамъ, игуменамъ и всѣмъ «благороднымъ» встрѣтить святаго на краю сербской земли, потому и самъ отправился къ нему на встрѣчу.

Что же Сербія? Въ какомъ положеніи застанеть ее святой мужъ?

Во всемъ хорошъ былъ Родославъ, говоритъ житіе Саввы, но, сдѣлавшись «жепопкоривымъ», сталъ отъ этого «врежень умомъ». Властели (вельможи) вознегодовали на «несоставленіе ума» его и отступили отъ него къ меньшему брату его, Владиславу.

Видно, «несоставленіе ума» короля было непоправимо, потому что Савва предоставилъ все это волѣ Божіей. Родославъ былъ изгнанъ и побѣжалъ въ городъ Драчь. «Жено-

покорившій» король, лишившись власти, лишился было и жизни. Фрязину, владѣвшему тѣмъ городомъ, куда бѣжалъ изгнашикъ, полюбилась его жена, и тотъ рѣшился отнять ее у него, а самого его убить. Родославъ узнаеть о коварномъ замыслѣ своей жены и ея возлюбленнаго и прибѣгаетъ къ св. Саввѣ. Тотъ, поучивъ его, «украшаетъ» его иночествомъ въ монастырь «Студенцы».

Славянская война, безъ сомнѣнія, настроить кого либо изъ нашихъ драматурговъ на мысль — попытать свои силы въ выборѣ сюжета изъ славянской и, въ частности, сербской исторіи. Вотъ одинъ изъ такихъ драматическихъ моментовъ, которыхъ впрочемъ много представится и впереди.

Постригши Родослава, Савва вѣнчалъ на королевство брата его Владислава и сочеталъ его бракомъ съ дочерью Асана (Асѣня), царя болгарскаго и загорскаго.

Между новыми мѣрами св. Саввы по благоустройству государства отмѣтимъ здѣсь распоряженіе вѣнчать бракомъ лицъ, живущихъ незаконно, и введеніе въ монастыряхъ уставовъ.

Новое путешествіе, и на этотъ разъ болѣе отдаленное и продолжительное, предпринимаетъ св. архіепископъ. Но предварительно онъ желаетъ поставить себѣ преемника и посвящаетъ въ архіепископы іеромонаха

Арсенія. Простившись съ народомъ, св. паломникъ со многимъ богатствомъ восходитъ на корабль въ западномъ морѣ, въ Діоклітія. Разбойники, видя, что съ нимъ много золота, скрываются въ «пазухахъ» морскихъ. И вотъ подымается страшная буря, мракомъ и мглою покрывается волнующееся море, и корабль готовъ уже разбиться, но святой молитвою успокоиваетъ море и избѣгаетъ грозившей ему отъ разбойниковъ опасности.

Не станемъ останавливаться на нѣскольکو утомительномъ описаніи этого путешествія: снова побывалъ св. Савва въ Іерусалимѣ, потомъ отправился въ Александрію, затѣмъ въ Вавилонъ. Здѣсь сарацінскій султанъ далъ ему «домъ на покой». Побывавъ у султана вмѣстѣ съ христіанскимъ митрополитомъ, св. Савва отъ этого сарацінскаго владѣтеля получилъ провожатыхъ до Египта. И отъ египетскаго султана съ такою же честію былъ принять св. паломникъ. Тотъ далъ ему проводниковъ на Синайскую гору, снабдилъ его «благонивными ароматами индійскими», «сахаромъ» и «финиками». Отсюда снова отправился св. мужъ въ Іерусалимъ, затѣмъ въ Великую Антіохію, Великую Арменію, «мощи святыхъ изыскавъ». Во время плаванія по «сирскому» морю на пути къ Цареграду, «крѣпкая» болѣзнь напала на святаго. Уже много дней оставался

безъ пищи больной паломникъ. Спутники уговаривали его вкусить брашна; святой требовалъ рыбы «новопойманной».

— «Немощно ея обрѣсти», горевали спутники.

И вотъ, по словамъ легенды, внезапно надувшись, волна морская бросила точно руками къ ногамъ святаго огромную рыбу, не окропивши его водою. Рыбы этой на много дней хватило Саввѣ и бывшимъ съ нимъ. Тѣ потомъ говаривали:

— «Никогда не ѣли мы такой сладкой рыбы».

Вотъ странники уже въ Цареградѣ и оттуда «кораблемъ» направляются въ болгарскую и загорскую землю.

Савва увѣдомляетъ Асана, царя болгарскаго, свата своего, о своемъ прибытіи. Тотъ посылаетъ къ нему на встрѣчу, потомъ и самъ выходитъ. Вступаетъ святой въ городъ Терновъ; царь и патріархъ Іоакимъ встрѣчаютъ его съ великою радостію. Асанъ даетъ ему «теплыя полаты».

Это было какъ разъ около праздника Богоявленія. Въ навечеріе праздника просили святаго совершить службу и освятить воду. Много торжества было у царя въ эти дни ради св. мужа.

Прошелъ праздникъ; царь отправился «на ловъ», а святой впалъ въ болѣзнь.

Чувствуя приближеніе смерти, св. Савва пишетъ завѣщаніе: всѣ св. мощи, сосуды, свѣтильники золотые съ «бисеромъ» и «каменіемъ», священныя одежды, — все, купленное имъ, отправляетъ съ учениками въ свое отечество.

И посылаетъ патріархъ Іоакимъ къ царю Асану:

— «Гдѣ положить святаго?»

Услыхалъ Асанъ о смерти дорогаго гостя и сильно опечалился, что не извѣстили его о болѣзни св. мужа.

И повелѣлъ царь положить мощи святаго въ монастырѣ и много золота роздалъ при его погребеніи.

Потомъ самъ король Владиславъ пришелъ къ тестю своему Асану царю и едва выпросилъ у него св. мощи.

Сербская народная святыня была перенесена въ отечество. Владиславъ въ годъ перваго татарскаго на русь нахожденія (1237 г.) положилъ мощи въ монастырѣ Вознесенія Господня, созданномъ самимъ Саввою.

Здѣсь много чудесъ бывало «и до дне». «До сего дне» не еказалъ русскій переписчикъ житія. Видно, до его дней не дошла уже сербская святыня!...

И въ загорской землѣ, въ церкви св. четыредесяти мучениковъ, въ монастырѣ, гдѣ былъ первый гробъ св. Саввы, и тамъ мно-

гія чудеса бывали и до сего дня 1). Этимъ оканчивается житіе.

Такъ скончался одинъ изъ величайшихъ людей міра славянскаго, своими послѣдними минутами и посмертными чудесами навсегда связавшій неразрывными нравственными узами царство сербское и царство болгарское.

Герцеговина, составляющая удѣль св. Саввы, когда онъ былъ еще миряниномъ, и потомъ хранившая его мощи, получила съ тѣхъ поръ названіе «области св. Саввы» и извѣстна была подъ этимъ именемъ всему западу много столѣтій по смерти просвѣтителя сербской земли. Владѣтели Герцеговины, сдѣлавшись въ XV ст. независимыми, послали титуль «херцеговъ (герцеговъ) св. Саввы», величались, какъ хранители его гроба.

Гдѣ же теперь эта величайшая народная святыня Герцеговины и вообще всей сербской и даже болгарской земли?

Въ виду Дуная, на Врачарскомъ полѣ, подъ Бѣлградомъ, военачальникомъ султана Мурада III Сиванъ - нашею въ 1595 г. мощи св. Саввы были сожжены и развѣяны по вѣтру 2).

Но и огнемъ невозможно изгладить историческую память народа.

1) Изб. А. Попова, 32—37.

2) Зап. Им. Р. Геогр. Общ. кн. XIII, 310—311.

— «Знаешь ли ты, спросилъ нѣкогда покойный Гильфердингъ у одного простолюдина въ Сремѣ:—знаешь ли ты, въ чемъ разница между шокцами (католиками) и риштянами (православными)?»

— Какъ же, отвѣчалъ тотъ: шокцы вѣруютъ въ Римъ-папу, а мы въ св. Савву³⁾.

21-е сентября.

³⁾ Ibid.

V.

Савва II. — «Храпавый» король. — Драгутинъ. — Святотатство Знобичей. — Милутинъ. — Его политика. — Женщины. — Ослѣпленіе сына Стефана. — Сношеніе съ Римомъ. — Примиреніе съ сыномъ.

Стефанъ Первовѣнчаный имѣлъ четырехъ сыновей. Двоихъ мы уже знаемъ. Это Родославъ и Владиславъ. Остальныхъ звали Предиславъ и Стефанъ же или Урошъ. Предиславъ пошелъ по слѣдамъ своего дяди. Онъ пострится подъ именемъ Саввы же и былъ во всемъ подобенъ «стрию» своему (дядѣ по отцу). Послѣ св. Арсенія, втораго сербскаго архіепископа, Савва II занялъ его мѣсто. Такимъ образомъ свѣтская и духовная власть снова сосредоточились въ одной и той же семьѣ.

Послѣ Владислава на престолъ вступилъ братъ его Стефанъ или Урошъ, «храпавый король» ¹⁾. Въ Босніи, близъ Баньскаго монастыря, до сихъ поръ указываютъ на цѣлебный источникъ, идѣ, по преданію, король излѣчился отъ своей болѣзни, которая дала ему названіе «храпаваго» (т. е. покрытаго сыпью). Въ благодарность за исцѣленіе онъ

¹⁾ Иаб. А. Попова 47.

построилъ подлѣ источника монастырь во имя св. Николая ²⁾. «Храпавый» король не даромъ получилъ названіе «Великаго». Онъ умѣлъ сохранить цѣлость и спокойствіе Сербіи и между прочимъ отразить нашествіе монголовъ, на возвратномъ пути своемъ изъ Кіева въ Венгрію захватившихъ и часть сербской земли.

Урошь I-й имѣлъ двухъ сыновей: Драгутину и Милутину. Драгутину, женатому на дочери короля угорскаго, отецъ обѣщалъ уступить престолъ еще при жизни, и уже Драгутинъ начиналъ уединенно напоминать объ этомъ обѣщаніи, какъ Урошь вдругъ рѣшился отдать престолъ способнѣйшему, Милутину. Оскорбленный Драгутинъ, съ помощью угорскаго войска, разбилъ отца и принудилъ его бѣжать въ Драчь, гдѣ Урошь и умеръ въ 1272 г. ³⁾

Драгутинъ владѣлъ Сербіею съ 1270 по 1275 г. Мать и архіепископъ Савва II до такой степени пробудили въ немъ раскаяніе въ поступкѣ съ отцемъ, что онъ рѣшился отказаться отъ престола въ пользу брата своего, Милутина. Пытался было потомъ Драгутинъ возвратить уступленную власть, но этому помѣшало духовенство, увлеченное способностями и дарами Милутина.

²⁾ Зап. Им. Р. Геогр. Общ. XIII, 114.

³⁾ Исторія сербскаго языка, А. Майкова, 225.

«Моши» Драгутина, въ монашествѣ Теофтиста, были положены въ монастырѣ «Юрьевы столпы», возобновленномъ этимъ королемъ, и долго покоились тамъ, пока святотатственная рука какихъ-то новопазарскихъ христіанъ, по имени Знобичей, не похитила ихъ для распродажи по частямъ. Съ ужасомъ рассказывали новопазарцы русскому путешественнику о той карѣ, которая постигла совершителей этого богомерзкаго дѣла: не только сами похитители, но и весь многочисленный ихъ родъ, погибли злою смертію въ сумасшествіи и другихъ ужасныхъ болѣзняхъ. *)

Драгутину наследовалъ братъ его Милутинъ и держалъ сербское королевство съ 1275 по 1321 г., т. е., нашъ Александръ Невскій цемного не дожился до вступленія его на престолъ, а самъ Милутинъ скончался не задолго до восшествія на московскій престолъ Ивана Даниловича Калиты.

Милутинъ, иначе Урошъ II, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ сербскихъ государей. Стоя въ уровень съ своимъ вѣкомъ, не шадилъ онъ ни оружія, ни хитрости для достиженія своихъ цѣлей. Правда, политика его часто противорѣчила началамъ нравственности, но за то всюду умѣла одержать

*) Зап. Им. Р. Геогр. Общ. XIII, 140.

верхъ. Окруженный сильными и враждебными сосѣдами, стѣсняемый притязаніями западной церкви, Милутинъ не былъ разборчивъ на средства, по цѣлю его было спокойствіе и могущество Сербіи. Не забудемъ и того, что ближайшимъ его сосѣдомъ, съ которымъ наиболѣе онъ имѣлъ дѣла, была Византія, не щадившая хитрости и денегъ въ сношеніяхъ съ иноземными народами. Съ такимъ сосѣдомъ, спустившимся уже на крайнюю степень внутренней порчи и государственнаго растлѣнія, приходилось бороться равнымъ оружіемъ и хитрости противопоставлять хитрость.

Женщины играли видную роль въ политикѣ Милутина. Первоначально женатый на дочери Іоанна Ангела, севастократора Тессалии и Локряды, и прикрываясь этимъ родствомъ, Милутинъ постоянно вторгался въ греческія владѣнія. Ни греческіе вельможи, ни помощь татаръ, турокъ и Франковъ, ничего не могли сдѣлать. Въ нѣсколько походовъ достигъ сербскій король до Селуня и Авоны. Потомъ онъ обратилъ вниманіе на Босну, и чтобы получить ее, оставилъ свою первую жену и женился на Елисаветѣ, сестрѣ угорскаго короля, въ приданое за которой и получилъ эту часть сербской земли. Оставалось задобрить папу. Милутинъ обѣщаль ему ввести въ Сербію католичество и

изгнать еретиковъ патареновъ. Отъ этого отвлекло его предстоящее непріязненное столкновение съ Болгарією, но и оно было устранено тѣмъ, что Милутинъ, отвергнувъ Елисавету, женился на сводной сестрѣ Святослава болгарскаго. Между тѣмъ продолжалось опустошеніе южныхъ греческихъ земель, и Андроникъ Старшій не нашелъ лучшаго средства къ укрощенію опаснаго врага, какъ предложить сорокалѣтнему Милутину жениться на его восьмилѣтней дочери Симонидѣ. Теперь уже зять не тревожилъ греческой имперіи, но за то смотрѣлъ на нее какъ на свою собственность. По словамъ г. Майкова, превосходнымъ трудомъ котораго мы теперь пользуемся, далекіе виды на Грецію требовали отъ Милутина дѣлъ благочестія: онъ строилъ и обогащалъ церкви въ Сербіи и самой Греціи: въ Солунѣ, Цареградѣ, на Аѳонѣ и даже въ Іерусалимѣ. Плодоносная и прекрасная равнина Македоніи, населенная по большей части славянами, составляла главную цѣль оружія сербскихъ королей. Сербія упиралась въ эту равнину: стоило только перейти горы, и естественнымъ продолженіемъ Сербіи являлась эта страна, открывающая свободный путь къ морю и Аѳону. Уже Неманя сдѣлалъ первый шагъ за горы, овладѣвъ Призрѣномъ, Скоплемъ и Средцемъ: Милутинъ дошелъ до Сера (Сере-

са), и это было южнымъ предѣломъ его владычій.

Вѣрный своему приему дѣйствовать черезъ женщинъ, Милутинъ умѣлъ снискать благоволеніе супруги Андроника, царицы Ирины, которая готовила ему византійскій престолъ, посылала множество денегъ и даже отправила въ Сербію двухъ сыновей своихъ. Соединеніе обоихъ государствъ было цѣлью ея и Милутина. Однимъ изъ важнѣйшихъ къ тому препятствій былъ незаконный сынъ Милутина, Стефанъ Урошъ. Но и это препятствіе было устранено, и даже самъ Стефанъ подалъ къ тому поводъ. Между тѣмъ какъ греческая партія, съ Симоидою и Ириною во главѣ, старалась очернить Стефана въ глазахъ отца, бояре, сербская сторона, боясь владычества грековъ, убѣдили Стефана, жившаго въ Зетѣ, возстать противъ отца. Стефанъ былъ побѣжденъ и вслѣдъ затѣмъ ослѣпленъ и отосланъ въ Цареградъ подъ надзоръ къ грекамъ.

Бракъ Милутина съ греческою царевною не могъ нравиться матери его Еленѣ, тяготившей къ Риму. И вотъ Милутинъ снискать увѣрить папу въ своей преданности католицизму. Между тѣмъ явился другой притязатель на византійскій престолъ, Карлъ Валуа. Нужно сойтись и съ нимъ. Заключенъ былъ взаимный союзъ, но безъ участія

напы. Уже римскій первосвященникъ прислалъ Милутину исповѣданіе вѣры и священное знамя, какъ скоро съ Венеціею разстроила всѣ замыслы Карла. Видя его безсиліе, Милутинъ прекратилъ съ нимъ сношенія, а папу извѣстилъ, что не можетъ ввести у себя римско-католическое вѣроисповѣданіе, боясь гнѣва теши и брата. Въ это то время сербское духовенство и бояре, воспользовавшись несогласіемъ Милутина съ Симоноюю, успѣли склонить его къ возвращенію изъ Греціи сына его Стефана. Что до папы, тотъ обратился къ обыкновенному средству Рима, при неудачѣ властолюбивыхъ покушеній: онъ снова началъ проповѣдовать противъ Милутина крестовый походъ, но Милутинъ и на этотъ разъ счастливо избѣгъ грозы запада. ³⁾

24-е сентября.

³⁾ Исторія сербскаго языка, А. Майкова, 226—230.

VI.

Византійская зараза въ дому Неманичей.—Легендарное сказаніе о Милутинь и Стефанъ.—Клевета Симониды.—Явленіе св. Николая.—Еретикъ Варлаамъ—Исцѣленіе Стефана.—Примиреніе отца съ сыномъ.—Монастырь Соночакскій.

Съ Милутина начинаются въ родѣ Неманичей тѣ страшныя злодѣянія, которыя еще ждуть своего Шекспира. Близкія сношенія съ Греціею не прошли безслѣдно для царственнаго рода. Весь отстой 1 000-лѣтней смрадной исторіи Византіи заразилъ родъ Неманичей, и не знаешь, гдѣ больше злодѣяній, въ византійскомъ ли императорскомъ домѣ, или въ сербскомъ королевскомъ.

Но умѣстно ли это говорить *теперь*? Правда всегда умѣстна, и притомъ: развѣ всевозможные Генрихи и Людовики чище Милутиныхъ и Душановъ? А если бы и не такъ, то неужели же изъ за Сватополка Окаяннаго, московскихъ князей эпохи борьбы съ Тверью, Ивана Васильевича Грознаго наконецъ, неужели изъ за всѣхъ этихъ старыхъ грѣшниковъ намъ, нашему поколѣнію, отвернуться съ омерзѣніемъ отъ самихъ себя?..

Особенность источниковъ для сербской исторіи та между прочимъ, что почти каж

дое выдающееся событіе и получает легендарную окраску подъ перомъ книжника, и переходитъ въ область народной поэзіи, въ томъ и другомъ случаѣ дѣйствуя на читателя примиряющимъ образомъ: у книжника религиознымъ, а у народа эпическимъ своимъ характеромъ.

Посмотримъ же, какъ говорить легендарное сказаніе о возникновеніи этого начала въ сербской исторіи. Легенда стоитъ за Стефана, не порицаетъ Милутина и всю вину возлагаетъ на гречанку Симоиду.

Милутинь король, обладая сербами, рождаетъ Стефана, «великаго благочестія столпа и царствія вѣнецъ и добродѣтели сокровище». По «умертвіи» матери Стефановой, Милутинь «пріобщается» второму браку у греческаго царя Андроника Палеолога. Отъ императорской дочери родится у него сынъ Константинъ.

Царица-мачиха—гречанка; у нея уже родился сынъ. Древнерусскій читатель, навѣрно, предчувствовалъ здѣсь недоброе, вспоминая Софью Палеологъ и Ивана Васильевича III, дѣда Грознаго, поочередно то вѣнчавшаго на царство, то заключавшаго въ оковы, то внука Дмитрія, то сына своего отъ коварной гречанки, Василія.

Царица же, видя Стефана любимымъ всѣми, ненавидѣла его. Слезы испуская и съ-

«драхлымъ» лицомъ приходитъ она къ отцу Стефана, къ мужу своему, будто о спасеніи его «промышляя». Она клевететь на «праведнаго», «яко къ ней рачительнѣ прилежаша».

— «И на отца недоброе мыслить», заканчиваетъ свой павѣтъ вторая жена Пентефрія.

«Князья» совѣтуютъ Стефану, собравъ войско, «уклониться» въ другую страну и избыть «сшиваемыя лести», но тотъ отказывается.

Что же потомъ?

Потомъ превозмогла «женская лесь» и угасила «родительную» любовь.

Стефанъ схваченъ и ослѣпленъ, какъ нашъ Василько, какъ потомъ Василій Васильевичъ Темный.

Была же тутъ церковь св. Николы: такъ продолжаетъ легенда. «Праведный лежалъ, зѣло болѣзнуя». Онъ задремаль ¹⁾.

Вѣрная своему примиряющему характеру, легенда пытается смягчить острое впечатлѣніе при видѣ ослѣпленнаго юноши. Не такъ представляетъ исторія; не такъ скажетъ очевидецъ

Сравненіе напрашивается. За двѣсти лѣтъ съ небольшимъ до этого событія везли во Владиміръ только что ослѣпленнаго нашего князя Василько. «И сняли съ него сорочку кровавую, и отдали попадѣ выстирать; по-

¹⁾ Изб. А. Попова, 47.

падья же, выстиравъ, возложила на него, когда тѣ (ослѣпители) обѣдали; и плакаться начала попадья, «яко мертву есущу оному». И ошутиль плачь и сказалъ: гдѣ есмь? Они же сказали ему: «въ Звиздени городѣ». И попросилъ воды; они же дали ему. И испилъ воды, и вступила въ него душа и вспоманулся, и пощупалъ сорочку и сказалъ: «къ чему сняли съ меня? Въ той бы сорочкѣ кровавой смерть принялъ и сталъ предъ Богомъ!»²⁾

Въ такой же полудремотѣ лежалъ и только что ослѣпленный Стефанъ. И вотъ является ему святой Николай:

— «Не скорби, Стефане! Се очи твои на мою дланію!»

Послѣ этого видѣнія несчастнаго слѣпца съ двумя его сыновьями, Душманомъ и Душаномъ, отвезли въ Цареградъ.

Не научится тамъ добру молодой Душанъ. Придетъ время, и Душанъ задушитъ своего слѣпаго отца.

Царь Андроникъ Палеологъ, тестъ Милутина, повелѣваетъ «святому» Стефану пребывать неизменно въ обители «Вседержителей».

Добродѣтельная жизнь несчастнаго узника доходить до слуха царя и патріарха. Тѣ призываютъ его къ себѣ, дивятся его «благо-разумію».

²⁾ Несторъ, годъ 6603 г.

Цареградскій патріархъ Аѳанасій созываетъ соборъ на Варлаама, начальника Акиндинской ереси. Еретики мыслили подобно Арію и Македонію, Владычное преображеніе пазывали «привидѣніемъ» и многихъ «уловили» въ свою ересь. Варлаама и его единомысленниковъ патріархъ и соборъ предали проклятію, но еретики не переставали «прельщать» народъ.

Разъ царь Андроникъ призываетъ «по обычаю» къ себѣ Стефана. Дружески упрекая царя въ недостатокъ благочестія, совѣтуетъ ему Стефанъ «волковъ душилѣсныхъ» (т. е. еретиковъ) отогнать «далече».

Удивился самодержецъ, услыхавъ это:

— «Весьма этотъ мужъ въ разумѣ великъ и умными очами многозрительнѣйшій, хотя тѣлесныя ему и затворили», замѣтилъ онъ.

Тотчасъ же царь приказываетъ связать Варлаама и привести къ себѣ.

Но кто то «отъ цареvy палаты» предупреждаетъ Варлаама, и тотъ бѣжитъ въ Римъ. Тѣмъ же менѣе царь повелѣваетъ единомысленниковъ его изгнать изъ царства съ безчестіемъ.

Пятое лѣто Стефану въ заточеніи совершается, и вотъ въ праздникъ Николая Чудотворца, во время всенощнаго бдѣнія, задремавъ отъ многого труда, видитъ Стефанъ очами сердца своего великаго Николу, падаетъ къ его ногамъ и проситъ милости.

— «Сказалъ тебѣ прежде не скорбѣть и показалъ тебѣ въ своей рукѣ твои зеницы», говоритъ св. угодникъ и касается своими перстами его очей.

Пробуждается отъ дремоты Стефанъ и чувствуетъ себя исцѣленнымъ, но никому не объявляетъ о томъ и продолжаетъ ходить съ жезломъ.

Возвращеніе Стефана въ отечество произошло такъ:

Посылаетъ греческій самодержецъ къ зятю своему, сербскому королю, да пошлетъ къ нему войско на помощь противъ агарянъ, ибо тѣ, овладѣвъ югомъ, со множествомъ войска шли на востокъ. Съ послами отправляетъ императоръ и настоятеля обители Вседержителевой, гдѣ Стефанъ заточенъ.

Приходятъ послы къ сербскому королю; «строителя» Вседержителевой обители Милутинь оставляетъ съ собою наединѣ, спрашиваетъ о сынѣ своемъ Стефанѣ.

— «О многострадальномъ ли и второмъ Ювѣ спрашиваешь меня, владыко? замѣчаетъ «строитель» и рассказываетъ ему о подвигѣ Стефана противъ еретиковъ.

Услыхалъ краль и, тронувшись отеческимъ милосердіемъ, началъ плакать. Онъ приказываетъ прислать къ нему Стефана. Пришелъ Стефанъ къ отцу своему; тотъ лобзаетъ его со слезами, проситъ у него

прощенія. Стефанъ себя называетъ вшивымъ, утѣшаетъ рыданіе отца, но о прозрѣніи своемъ не объявляетъ ни ему, ни иному никому, и продолжаетъ ходить, закрывъ глаза «убрусомъ», чтобы опять завистію не угасили ему «благодатныя» очи. ³⁾

Если придется тебѣ, читатель, когда нибудь побывать въ Новомъ Пазарѣ, обрати вниманіе на развалину одной изъ «задуинбинъ» (церквей на поминъ души) Неманичей. Это монастырь Сопочанскій. До него отъ Новаго Пазара часа три; дорога идетъ по узкому ущелью рѣчки Рашки. Тамъ на западной стѣнѣ полуразрушенной церкви увидишь ты изображеніе юноши, котораго тащить съ сѣдалища женщина въ бѣлой одеждѣ, а онъ оставляетъ въ ея рукахъ свой плащъ и хочетъ уйти. Это гречанка Симонида и пасынокъ ея Стефанъ.

28-го сентября.

³⁾ Изб. А. Попова, 47-49.

VI.

Кончина Милутина. — Значеніе богослуженія для южныхъ славянъ. — Новый порядокъ престолонаследія. — Война съ Константиномъ. — Политика Стефана. — Война съ Михаиломъ болгарскимъ. — Прозваніе «Дечанскій». — Добродѣтели Стефана. — Предсмертное видѣніе.

Въ 1321 г. скончался Милутинъ краль, который, по словамъ «Сербляка»¹⁾, «по истинѣ бѣ милъ и домашнимъ и окрестнымъ»²⁾. Образъ его, какъ и всѣхъ почти сербскихъ царей, можно видѣть въ томъ же «Серблякѣ». Это величавая фигура въ порфирѣ и коронѣ, со скипетромъ въ одной и четырехконечнымъ крестомъ въ другой рукѣ.³⁾

Чтеніе «Сербляка», богослужебной книги, состоящей изъ ирмосовъ, кондаковъ и икосовъ и т. п. церковныхъ пѣнопѣній, большею частію въ честь сербскихъ царей, пред-

¹⁾ *Серблякъ* — церковно-богослужебная книга, содержащая молебныя правила святымъ «сербскаго рода», а также и краткія ихъ житія, такъ называемые синаксари. Первое ея изданіе было въ 1761 г. въ епископіи Рымнической, второе въ Москвѣ въ 1765 г. Мы пользовались бѣлградскимъ изд. 1861 г., благодаря радушной предупредительности почтеннаго архимандрита сербскаго подворья о. Саввы.

²⁾ *Серблякъ*, 55.

³⁾ *Ibid.* 49.

ставителей славы и величія древне-сербскаго царства, невольно наведеть каждого на мысль: какое громадное политическое значеніе для южнаго славянства скрывается въ его богослуженіи. Во время 500-лѣтняго рабства народъ этотъ слышалъ и слышитъ постоянно службы: сентября въ 24 день «преподобнаго отца нашего Симеона, бывшаго Стефана, первовѣнчаннаго краля сербскаго»; октября въ 30 день «святаго и благочестиваго великаго и богоноснаго Стефана Милутина, краля сербскаго»; ноября въ 11 день «святаго великомученика во царѣхъ Стефана сербскаго, иже въ Дечанѣхъ» и т. д., и т. д., всего 23 службы, и все съ такими же воспоминаніями о минувшей силѣ и славѣ. Житія святыхъ Сербляка это цѣлая сербская исторія, совершенно полная и законченная. Сербская церковь — какая хранительница народныхъ преданій! Богослуженіе — какое воспитаніе народа! А то и другое вмѣстѣ — какой залогъ самостоятельнаго политическаго бытія! Нѣтъ, мы не понимаемъ и не можемъ понимать всей громадной важности богослуженія для южныхъ славянъ.

По смерти Милутина, погребеннаго въ обители, имъ созданной въ мѣстѣ, называемомъ «Баньско» «ради текущихъ теплыхъ водъ», Стефанъ, отвергнувъ отъ очей «убрусъ»,

является «свѣтель лацемъ, свѣтлѣйшій же очами». ⁴⁾

Серблякъ дополняетъ рассказъ подробностями: Стефана извѣщаютъ о преставленіи отца, но онъ не вѣритъ, боясь «лести и коварства». Наконецъ, убѣдившись въ истинѣ, свергаетъ онъ «убрусъ» и обращается къ народу:

— «Слушайте, возлюбленные мои друзья и братья! Господь сотворилъ милость надо мною: я былъ слѣпъ, а теперь вижу».

Услыхавъ это, люди поклонились «законному» кралю своему. ⁵⁾

Серблякъ настаиваетъ на законности наследованія Стефаномъ и потому, что побочному сыну попасть во святые какъ будто неприлично, и потому, что съ этихъ поръ порядокъ престолонаслѣдія отъ старшаго въ родѣ переходитъ къ старшему въ семьѣ, — переверотъ, совершенный у насъ московскими князьями.

До сихъ поръ братья наследовали братьямъ: Радославъ, Владиславъ и Урошь I преемствовали одинъ другому; Милутинъ наследовалъ старшему брату своему, Драгутину. Теперь въ лицѣ Владислава, сына Драгутина, какъ старшаго въ родѣ Неманичей, «родъ про-

⁴⁾ Изб. А. Попова, 49.

⁵⁾ Серблякъ, 68.

игралъ передъ семьею», ⁶⁾ вмѣстѣ съ проигранною въ 1324 г. битвою.

Разумѣется, еще меньше могъ успѣть въ своей попыткѣ овладѣть престоломъ младшій, тоже побочный, сынъ Милутина, извѣстный уже намъ Константиць, сынъ Симоиды.

Собравъ войско, онъ посылаетъ къ Стефану:

— «Отъ вѣка не слыхано слѣпому царю быть», говорить онъ.

Это ⁷⁾ говорилъ онъ, «укоряя» его.

Но Стефанъ не былъ совершенно слѣпъ и нравился народу своимъ благочестіемъ и тѣмъ, что, предупредивъ соединеніе Сербіи съ Греціею, поддержалъ народную сторону. ⁸⁾

Получивъ извѣстіе о враждебномъ наступленіи Константина, Стефанъ отправляется въ соборную церковь, гдѣ архіепископъ Никодимъ «украшаетъ» главу его вѣнцомъ и поставляетъ его царемъ надъ всѣмъ «иллирическимъ языкомъ».

Совшись полка Стефана и Константина, но «милостивая душа» Стефана посылаетъ къ брату писаніе:

— «Стефанъ, милостию Божіею царь сербамъ и отечесному наслѣдію, брату Констан-

⁶⁾ Исторія сербск. яз. А. Майкова, 231.

⁷⁾ Изб. А. Попова, 49.

⁸⁾ Ист. сербск. яз. А. Майкова, 231.

тину радоваться! Перестань съ «иноязычниками» ратовать противъ своихъ людей. Приди, да узримъ другъ друга, и санъ второй, какъ сынъ царствія, получишь отъ меня: я не Каинъ-братоубійца».

Но тотъ не слушаетъ и «свирѣпо», какъ звѣрь, «безстыдно» устремляется на Стефана.

Произошло сраженіе; пало много «трупія»; палъ и Константинъ, положившійся не на Бога, а на «самосмышленіе» человѣческое, и люди Константина (область около Скадра) «уклонились» къ Стефану. ⁹⁾

Приемы политики Стефана напоминаютъ его отца. Такъ, угрожаемый сильнымъ сосѣдомъ, Робертомъ угорскимъ, Стефанъ добивается брака съ дочерью Филиппа тарентинскаго и изъявляетъ преданность римскому престолу. Но отецъ его не разъ обманывалъ папу: обманулъ и онъ. Уже сербскій король читалъ публично римско-католическое исповѣданіе вѣры, какъ вдругъ дѣла перемѣнились: Роберту стало не до Сербіи, и Стефанъ позабылъ о папѣ и о желанномъ бракѣ. ¹⁰⁾

Сербскіе источники хвалятъ благочестіе Стефана и привязанность его къ православію. Онъ «преклонялъ выю» свою архіерею

⁹⁾ Изб. А. Попова, 50.

¹⁰⁾ Ист. сербск. яз. А. Майкова, 232.

и іереямъ и особенно ознаменовалъ свое благочестіе созданіемъ храмовъ.

Современникъ Стефана, болгарскій царь Михаилъ, завоевавъ прилежащія страны и собравъ многіе «языки», приходитъ въ Сербію, желая «сербское начальство» покорить себѣ. Стефанъ приказываетъ «созрѣть» противниковъ: и было по тысячи «сопротивныхъ» на пять Стефановыхъ.

Стефанъ посылаетъ къ царю болгарскому:
— «Почто труждаешься погублять болгарскіе и сербскіе народы? Доволенъ будь своими и не «приражайся» Богу. Если силенъ ты—на варваровъ вооружайся, а не на христовыхъ людей, которымъ пастырь я. Помысли, сколько христіанской крови прольется, сколько матерей «обезчадятся». Всѣхъ ихъ Богъ «истяжетъ» отъ тебя. И такъ оставь насъ «мировать» и возвратись къ своимъ: кто чужаго желаетъ, свое погубить».

Услыхавъ это, Михаилъ царь какъ звѣрь рыкнулъ:

— «Если не придетъ завтра и, упавъ къ ногамъ непобѣдимой нашей державы, не поставитъ ногу мою на «выю» свою, я приведу его связаннымъ и предамъ мучительной смерти».

Стефанъ, возложивъ надежду на Бога и «урядивъ» полки, вручилъ ихъ сыну, а самъ, войдя въ «сѣнь», молился со слезами Богу. На

утро, вышедши изъ «сѣни», съ лицомъ, прославленнымъ отъ молитвы, обратился онъ къ сыну:

— «Иди, чадо, и Господь пошлетъ ангела своего предъ вами».

Произошло сраженіе; Михайлъ былъ взятъ и убитъ; болгары съ великимъ «студомъ» возвратились восвояси. ¹¹⁾

Эта война обогатила Стефана. На отнятую у непріятеля добычу воздвигъ онъ знаменитый храмъ въ Дечанахъ. Постройка началась въ 1327 году, т. е., въ тотъ годъ, когда у насъ въ Твери кн. Александръ Михайловичъ во дворцѣ сжегъ татарскаго посла Шевкала вмѣстѣ съ его дружиною. Знаменитый Дечанскій храмъ, украшенный различнымъ «мраморіемъ», далъ строителю славное прозваніе *Дечанскій*.

Своимъ благочестіемъ, милосердіемъ къ нищимъ и убогимъ, Стефанъ Дечанскій напоминаетъ Владиміра Равноапостольнаго. Онъ созидаетъ обители съ «частыми» кельями, «добросоставными одрами», постелями и одеждами и всякими «потребами тѣлесными»; собираетъ со всего царства «страждущихъ братій», различными недугами и старостію «сляченныхъ»; призываетъ несчастныхъ съ взгнившими лицами; поставляетъ надъ ними

¹¹⁾ Цб. А. Попова, 50—51.

«строителя» «отъ полаты», мужа добраго; приказываетъ на каждый день по желанію «упокоивать» каждаго пищею и питіемъ вина, предлагать имъ «мира благоуханія къ прохладенію восходящаго распаленія недуга». И самъ часто приходилъ туда Стефанъ въ «образѣ» воина и подавалъ призрѣваемымъ «пѣнзи». Онъ поклонялся несчастнымъ, цѣловалъ со слезами «плоти страдальныя» ихъ, просиживалъ съ ними по цѣлымъ ночамъ, бесѣдуя словами «утѣшными».

Незадолго до кончины Стефанъ удостоился видѣнія. Уснувъ послѣ утренняго славословія, видитъ онъ великаго Николу.

— «Уготовися, Стефане, ко исходу: Господеви скоро предстати имаши», говоритъ ему св. угодникъ.

Проснувшись, Стефанъ со слезами возблагодарилъ Бога и его угодника и сталъ готовиться къ смерти. ¹²⁾

3-го октября.

¹²⁾ Ibid. 51.

VIII.

Мученическая смерть Стефана Дечанскаго. — Народная пѣсня. — Пророчество о паденіи сербскаго царства — Какъ объясняетъ исторія преступленіе Душана? — Неродимля. — Романическое преданіе. — Проклятая память Душана.

Приступаемъ къ описанію одного изъ чудовищныхъ злодѣяній, которыя къ чести человѣчества такъ рѣдко пятнають страницы исторія. Это мученическая смерть Стефана Дечанскаго, если не прямо отъ руки сына, все таки не безъ поущенія съ его стороны. Исторія пытается оправдать отцеубійцу; но голосъ народа, въ глазахъ котораго блестящая государственная дѣятельность не искупаетъ личныхъ злодѣяній, навсегда заклеимилъ Стефана сына проклятымъ прозвищемъ *Душанъ*.

Народная историческая пѣсня, записанная въ Дечанскомъ монастырѣ Гильфердингомъ, исполненная страшнаго трагизма, черезъ блестящее царствованіе Душана уже предвидитъ приближающееся паденіе царства. Пророческій голосъ Елены, сестры Дечанскаго, звучитъ, какъ страшныя слова пророковъ на кауну разрушенія Іерусалима.

Послушаемъ эту пѣсню, которая по своимъ эпическимъ достоинствамъ смѣло можетъ

равняться съ лучшими мѣстами Илиады и пѣснь древней Эдды.

«Вино пьетъ сербскій Царь Стефанъ въ Призренѣ, въ своемъ Цареградѣ, съ сыномъ своимъ, царемъ Степаномъ. ¹⁾ Пили вино, вели славную бесѣду, все о своемъ царствѣ и господствѣ: какъ бы имъ лучше царствовать, царствовать и господствовать.

«Но вотъ говоритъ сильный царь Степанъ:

— «О мой батюшка, сербскій царь Стефанъ, давай, батюшка, намъ съ тобой дѣлиться: нельзя намъ обоимъ царствовать, царствовать и господствовать. Раздѣлимъ царство надъ Призреномъ, раздѣлимъ царство и господство, подѣлимъ наши семь башенъ съ деньгами, подѣлимъ земли и города, подѣлимъ дворцы и помѣстья.

«Но что говоритъ сербскій царь Стефанъ?

— «Зачѣмъ намъ, сынъ мой, дѣлиться? Чего пожелалъ ты въ царствѣ? Въ славномъ домѣ Неманичей довольно власти, довольно господства, довольно питья и ѣды. Если ты, сынъ мой, разлакомился на то, чтобы взять себѣ царство надъ Призреномъ, вотъ тебѣ въ даръ царство и господство, и въ даръ

¹⁾ Отца, святаго короля, пѣсня обозначаетъ церковною формою *Стефанъ*, а къ сыну, воину и народному герою, прилагаетъ форму народную, *Степанъ*.

тебѣ земли и города, въ даръ тебѣ семь башенъ съ деньгами и въ даръ тебѣ народъ сербскій. Изъ всего этого ничего не стану съ тебя требовать. Но я заклинаю тебя Богомъ: блюди народъ, какъ свою голову. Гдѣ найдешь развалившіяся церкви, вездѣ оставляй изъ царскихъ богатствъ, чтобы строились бѣлыя церкви. Гдѣ найдемъ въ горахъ воду, вездѣ оставляй изъ своихъ богатствъ, чтобы приводили воду изъ горъ, проводили ее, сынъ мой, въ города, чтобы пилъ ее вольный челоуѣкъ и невольный, чтобы многій народъ благословлялъ тебя. Имѣй въ виду дѣлать все такъ, чтобы было на твое здоровье—и на твое здоровье и для твоей души, какъ дѣлали первые Неманячи. Ничего не стану съ тебя требовать, только подари мнѣ село Дечане, Дечане, что повыше Истиницы, у холодной рѣки Быстрицы, между Печью и между Дьяковицею. Хочу, царь, строить монастырь. И подари мнѣ седьмую башню съ деньгами.

«Когда услышалъ это сильный царь Степанъ, онъ вскакиваетъ съ земли на ноги, ²⁾ скидываетъ шапку, изгибается до земли и цѣлуетъ передъ царемъ землю, цѣлуетъ ему полу одежды и руку.

²⁾ Пѣсія представляетъ ихъ сидящими на полу, по турецкому обычаю.

— «Строй, батюшка, да будетъ тебѣ въ честь! Строй церковь, какую тебѣ угодно; не жалѣй нашего богатства!

«Но что говоритъ сербскій царь Стефанъ?

— «Я буду строить бѣлый монастырь, основаніе выведу изъ чистаго серебра, столбы сдѣлаю серебряные, покрою церковь жженымъ золотомъ; подыму ее такъ, чтобы выше зданія не было; распишу такъ, чтобы краше не было,—чтобы такого храма не было на свѣтѣ, чтобы видна была царская задушбина, чтобы видно было, что мы царствовали!»

«По ему говоритъ сестрица Елена:

«Братъ мой, сербскій царь Стефанъ, не строй ты такого монастыря: ибо книги старостойныя ³⁾ сказываютъ, что турки возьмутъ царство. Не уцѣлѣетъ твоя церковь въ турецкомъ царствѣ: разломаютъ ее тур-

³⁾ Книги *старостойныя* или *староставныя* древнія книги, въ которыхъ, по убѣжденію сербскаго народа, изложено его прошедшее и предвѣщалось будущее. Объ нихъ часто говорятъ пѣсни. Не то же ли это, что и *Цароставникъ* или *Трорадникъ*, неизвѣстнаго автора и времени, заключающій въ себѣ списокъ сербскимъ, греческимъ, болгарскимъ и русскимъ государямъ и событіямъ ихъ царствованій?... Читатель припомнитъ, что говорилось о нашихъ хронографахъ, гдѣ на ряду съ русскими помѣщаются *сербскія* и *болгарскія* событія.

ки, заберуть серебро и позолоту, изъ серебра сдѣлають погремушки и будутъ наряжать ими коней подсѣдельныхъ, а изъ золота сдѣлають ожерелья и будутъ наряжать ими своихъ вѣрныхъ подругъ. Нѣтъ, ты строй бѣлый монастырь, выведи основаніе изъ холоднаго камня, сдѣлай столбы изъ камня мрамора, покрой его тяжелымъ оловомъ. На это турки и поглядѣть не захотятъ: такъ уцѣлѣетъ церковь въ турецкомъ царствѣ, и будутъ въ ней пѣть литургію, будетъ въ ней собираться народъ сербскій.

«Такъ сталъ царь строить монастырь, собралъ тысячу мастеровъ, строилъ его семь лѣтъ: основаніе вывелъ изъ холоднаго камня, столбы сдѣлалъ изъ камня мрамора, покрывъ церковь тяжелымъ оловомъ, поднялъ ее такъ, что выше зданія нѣтъ, расписалъ такъ, что нѣтъ краше. Въ немъ поется честная литургія и собирается народъ сербскій, какъ въ то время, такъ и нынче. И дай Богъ, чтобы въ немъ пѣлась она долго и многія лѣта! Аминь, Боже! такъ будетъ, если Богъ дастъ.» *)

Обратимся теперь къ исторіи.

Еще при вѣнчаніи своемъ на царство, Стефанъ короновалъ и сына своего Душана.

*) Зан. Им. Р. Геогр. Общ. XIII, 133—138,]

«Младшій король», Душанъ, получивъ въ управленіе Зету, видѣлъ, что отецъ не прочитъ ему королевства, потому что, еще не женивши его, самъ вторично вступилъ въ бракъ съ гречанкою. Предпочтеніе, оказываемое грекамъ, внушило сербскимъ боярамъ опасеніе, что престолъ можетъ перейти къ дѣтямъ отъ втораго брака, что греческая сторона возьметъ верхъ. Повторилась прежняя исторія. Что нѣкогда заставило бояръ подняться со Стефаномъ на Милутина, то же побудило ихъ и теперь возстать съ Душаномъ на Стефана. «Уже король, говоритъ г. Майковъ, прогналъ отъ себя многихъ бояръ, и всѣ недовольные обратились къ Душану. Выгоды были общія, и сынъ сталъ противъ отца за то же, за что прежде отецъ стоялъ противъ дѣда». ⁵⁾ Дьяволъ, «шедъ развѣялъ» «лукавая словеса своя» посреди людей отечества нашего, признается самъ Душанъ въ послѣсловіи къ своему «Законику». Такъ напустили родителя моего на меня, продолжаетъ онъ, «яко весьма да не будетъ имени моего ни живота». Отецъ, опустошивъ владѣнія сына, заставляетъ его смириться, но тайная вражда не прекращается. У бояръ положено возвести на престолъ

⁵⁾ Ист. сербск яз. А. Майкова, 233.

Душана. Душанъ хочетъ бѣжать, но бояре не соглашаются:

«Уне есть намъ, говорятъ они, аще и ключится смерть въ землѣ отечествія нашего, нежели яко плѣнницы или страннїи обрѣтаемся въ землѣ чуждей. Аще ли не послушаеши насъ, мы убо, увѣщавшесе у родителя твоего, возставше, идемъ къ нему, тебе же въ велицѣй печали и поношенїи оставимъ».

Рѣшено было собирать войско.

Спокойно сидѣлъ Стефанъ въ Неродимлѣ, въ своемъ стольномъ дворѣ, ожидая предвозвѣщенной ему кончины. Бояре, приверженные ему, уговариваютъ его предупредить сына, но онъ не вѣритъ имъ. Войско Душана окружаетъ Неродимлю. Король спасается бѣгствомъ. Душанъ вступаетъ во дворецъ, соединяется съ прочими недовольными и спѣшитъ въ погоню за отцемъ. Отецъ отдается ему, какъ плѣнникъ. Они готовы уже примириться; но бояре, боясь за себя, насильно увозятъ отца въ Дечаны, гдѣ несчастный плѣнникъ и былъ задушенъ въ 1336 г. *)

Проклятымъ съ тѣхъ поръ стало казаться сербамъ мѣсто это. Прежде оно называлось *Неродимлею*, какъ бы въ знакъ пло-

*) Ibid. 235—236.

Дородія, съ этого же времени переименовано въ *Неродимлю*, что подтверждаютъ и официальные документы. ⁷⁾

Есть народное преданіе романческаго характера, которое пытается объяснить это страшное злодѣяніе.

«Молодой Душанъ, рассказываетъ народъ, случайно увидѣлъ дочь стараго воеводы Гребострека, который жилъ въ селѣ Зерзевѣ, у Прилипа, и влюбился въ нее; они обвѣчались въ зерзевской церкви, которая, говорятъ, существуетъ еще и теперь. Королева же, матица Душана, узнавъ объ этомъ, сказала въ себѣ: «вотъ сынъ мой хочетъ жениться; я буду ничто передъ его молодою женою, а пожалуй онъ захочетъ самъ царствовать», и послала какого-то француза Балдуина убить Душана. Молодые только что вышли изъ церкви и сидѣли на наперти, когда Балдуинъ, подѣхавъ, пустилъ въ нихъ стрѣлу; но онъ не попалъ въ королевича, а въ его молодую жену, которая тутъ же испустила духъ. Не помня себя отъ гнѣва, Душанъ пошелъ на своего отца, ни о чемъ не знавшаго, свергнулъ его съ престола и убилъ». ⁸⁾

Какъ бы то ни было, но сербскій народъ до сихъ поръ съ отвращеніемъ вспоминаетъ о страшномъ преступленіи.

⁷⁾ Зап. Им. Р. Геогр. Общ. XIII, 228.

⁸⁾ Ibid. 143.

«Лошадь одного изъ кавасовъ, взятыхъ мною въ проводники, рассказываетъ Гильфердингъ о своемъ посѣщеніи Звечанъ, гдѣ было совершено злодѣяніе, оступилась и покатиалась кубаремъ по камнямъ и скаламъ.

— «Издохла лошадь», говорилъ съ отчаяніемъ кавасъ.

— Да, замѣтилъ кто-то изъ провожатыхъ: видно, *Душанъ* и теперь еще *душитъ* въ Звечанскомъ градѣ. И насъ не отпустилъ съ миромъ, *Богъ за убій!* (убей его Богъ).

Такъ упоминають сербы славнаго завоевателя, распространившаго государство до Коринѣскаго залива и Аѳонской горы, великаго правителя и законодателя. Есть, видно, дѣла, которыхъ не искупають въ памяти народной никакая мудрость, никакія побѣды!...

7 го октября.

IX.

Стефанъ Душанъ *Сильный*.—Дѣла на востокѣ и западѣ.—«Отъ Руси всеконечное оставленіе».— Патриаршество въ Сербіи.—Усиленіе королевской власти.—Пѣсня о смерти Душана.

Стефанъ Душанъ *Сильный* былъ самымъ могущественнымъ изъ сербскихъ царей. При немъ государство достигло высшей степени внѣшняго могущества и внутренняго процвѣтанія.

Вступивъ на престолъ, Стефанъ женился на Еленѣ, дочери болгарскаго царя Александра, и тѣмъ надолго обезпечилъ себя со стороны Болгаріи. Усмиривъ Карла Роберта угорскаго, онъ устремился на Грецію и прошелъ весь Фракійскій полуостровъ отъ Янины до Эвбеи. Осажденный въ Солунѣ, императоръ Андроникъ просилъ у него мира и уступилъ Сербіи нѣсколько городовъ. Въ 1346 г. Душанъ, овладѣвъ всею Македоніею, принялъ титулъ царя сербскаго, греческаго и болгарскаго. ¹⁾

И вотъ, точно по какой-то прони судьбы, какъ разъ въ эту минуту наивысшаго могущества Сербіи, появляется тотъ врагъ, съ

¹⁾ Ист. сербск. яз. А. Майкова, 236.

которымъ идетъ у насъ теперь послѣдняя борьба. Турки начинаютъ вторгаться въ Европу. Противъ азіатской орды образуется союзъ между Душаномъ, Александромъ болгарскимъ и Палеологомъ греческимъ, но варвары обращаютъ въ бѣгство болгаръ, разбиваютъ сербовъ и грековъ. Точно предвидя роковое для земли своей послѣдствіе этого вторженія турокъ въ Европу, Душанъ намѣревается однимъ ударомъ заградить имъ путь. Собравъ 80,000 войска, рѣшился онъ съ этою цѣлью завоевать Романію, Фракію и самую Византію, но смерть разрушила блестящіе его замыслы. Удайся этотъ планъ Душана, и не стояли бы турки подъ стѣнами Вѣны, и великому преобразователю Россіи не грозилъ бы плѣнъ на берегахъ Прута, да и Европѣ не пришлось бы нянчиться теперь съ «умирающимъ человѣкомъ».

Предѣлы Сербіи во время Душана, кромѣ собственныхъ областей, охватывали Албанію, Эпиръ, Этолію, Фессалію и цѣлую Македонію. Всѣ эти земли «Сильный» король Сербіи пріобрѣлъ отъ Греціи во время тринадцати своихъ туда походовъ.

Таковы были дѣла Стефана на востокѣ.

Между тѣмъ на западѣ появленіе въ Далмаціи Людовика заставляетъ Душана обратиться къ политикѣ отца и дѣда: Стефанъ выражаетъ желаніе принять римско-католи-

ческую вѣру. Но вотъ Людовикъ удаляется въ Италію, и Стефанъ, разумѣется, забываетъ свое обѣщаніе. Чтобы напомнить ему объ этомъ, Людовикъ приказываетъ боснійскому бану (государю) выступить противъ сербскаго короля, но въ слѣдующемъ году Стефанъ мститъ бану опустошеніемъ Босніи. Вторгался было въ Сербію и самъ Людовикъ, но должець былъ отступить безъ успѣха. Въ 1354 г., подъ давленіемъ событій, Душанъ снова былъ принужденъ просить папу о принятіи его на лоно римской церкви и о присылкѣ къ нему нужныхъ для того людей. Обрадованный римскій первосвященникъ отправляетъ въ Сербію епископовъ, но обстоятельства позволяютъ Стефану найти предлогъ къ ссорѣ съ присланными епископами. Мало того: сербскій король даже строго запрещаетъ подданнымъ принимать новую вѣру.

Этимъ и окончились дѣла Стефана на западѣ. ²⁾

Такъ при цѣлыхъ трехъ поколѣніяхъ оставались безъ успѣха всѣ покушенія римской церкви привлечь къ себѣ заблудшихъ сербскихъ овецъ. Милутинъ, Дечанскій и Душанъ, при всей своей славянской простотѣ, оказывались каждый разъ хитрѣе Рима.

²⁾ Ibid. 237.

При Душанѣ восточное духовенство даже ревностно подвизалось въ пользу православія среди римско католическаго населенія завоеванныхъ областей. Самъ Душанъ строилъ церкви и награждалъ монастыри. До насъ дошло нѣсколько его грамотъ, данныхъ по этимъ случаямъ. Такъ въ монастырѣ Русикѣ, по свидѣтельству г. Майкова, хранятся между прочимъ двѣ грамоты 1349 г., изъ которыхъ въ одной Душанъ прелагаетъ монастырю «ради его нищеты» церковь и нѣсколько селъ, а въ другой, упоминая о его нищетѣ, указываетъ на *отъ Руси всеконечное оставленіе.* *)

Жалоба на «всеконечное отъ Руси оставленіе» весьма знаменательна. Стало быть, до того времени, даже въ самую тяжкую годину перваго столѣтія ига монгольскаго, не прерывалась связь между Русью и Сербією, и именно черезъ Афонъ. Вотъ еще новое указаніе на ту, незамѣченную нашей исторією, такъ сказать, *мимисторическую* связь земли русской и сербской. Теперь, при Душанѣ, разумѣется, Руси было не до того. Московское государство при Симеонѣ Гордомъ только что складывалось; черная смерть опустошала страну, а впереди предстояла страшная борьба на Куликовомъ полѣ, требовавшая напряженія всѣхъ силъ.

*) Ibid. 239.

Не смотря на свидѣтельство житія св. Саввы, будто еще съ того времени сербская церковь стала самостоятельною, духовенство сербское и при Душанѣ продолжало зависѣть отъ греческаго. Архіепископа сербскаго все еще рукополагалъ патріархъ византійскій. Подчиненность эта, разумѣется, мѣшала видамъ Стефана на Грецію. И вотъ въ 1346 г. Душанъ возводитъ архіепископа Іоанникія 2-го въ санъ патріарха сербскаго и такимъ образомъ уничтожаетъ духовную зависимость Сербіи отъ Византіи. Глава церкви теперь въ его рукахъ, и «самодержецъ Сербіи, Албаніи, Болгаріи, Греціи, Поморья и Западныхъ странъ», — таковъ былъ титулъ Стефана, — не хочетъ болѣе знать угрозъ византійскаго патріарха.

По примѣру греческихъ царей и своего отца, Душанъ вѣнчалъ вмѣстѣ съ собою и сына своего Уроша, назвавъ его королемъ, но удѣла ему не далъ. «Въ государствѣ, какъ понималъ его Душанъ, замѣчаетъ г. Майковъ, уже не могло быть удѣловъ; въ правленіи не могло быть родовыхъ счетовъ, ни патріархальности: съ одной стороны законъ и самодержавная воля, съ другой цѣльность страны какъ государства, и единство власти».

Душанъ нанесъ окончательный ударъ и боярскому сословію. Выставляя въ вратахъ имена царицы «августы» Елены и «короля»

Уроша, онъ рѣзко тѣмъ отдѣлялъ царствен-
ныхъ особъ отъ бояръ, которыхъ не отли-
чалъ отъ прочихъ подданныхъ. Не сплошною
уже своею массою, съ неразрывными со-
словными выгодами, выступаетъ при Душанѣ
боярство, но отдѣльными лицами, съ своими
уже частными интересами. ⁴⁾

«Осенью 1356 года, среди суровыхъ тру-
довъ военнаго похода, овладѣвая всѣми об-
ластями Греціи, Душанъ, говоритъ П. А.
Безсоновъ, могъ уже надѣяться встрѣтить
Рождество Христово побѣдителемъ и царемъ
въ Софійскомъ храмѣ: и въ виду Царяграда,
8 декабря, тотъ же Душанъ лежалъ на одрѣ
смертной болѣзни, внезапно поразившей его,
и передавалъ послѣдніе завѣты окружающимъ.

«Послушаемъ сербской пѣсни, что за рѣчи
велись надъ постелью царя, уносившаго съ
собою въ могилу всю славу, и силу, и счас-
тіе народа.

«По данной вѣсти, всѣ правители и бояре
спѣшатъ выслушать предсмертную волю; въ
живыхъ еще застаютъ они царя своего. Явил-
ся и Вукашицъ; съ шелковыхъ подушекъ
приподнялъ онъ умирающаго, прижалъ его
ко груди и льетъ надъ нимъ крупныя слезы.

«Смотритъ сербскій царь Степанъ по всему
ряду обстоящихъ, смотритъ и говоритъ потомъ:

⁴⁾ Ibid. 241.

— «Вукашинъ, кумъ мой милый! Завѣщаю тебѣ мое царство. Завѣщаю тебѣ города мои и всѣхъ воеводъ моихъ, по всему ряду царскихъ областей моихъ. Завѣщаю тебѣ моего слабаго Уроша, Уроша еще въ колыбели. Семь лѣтъ царствуй, кумъ мой: на осьмой годъ отдай царство мое Урошу».

«Отвѣчаетъ ему Вукашинъ:

— «Милый кумъ, сербскій царь! Не для меня твое царство; не могу я, кумъ, царствовать; а потому не могу, что есть у меня сынъ своенравый, сынъ мой своенравый Марко; куда ни пойдетъ онъ, никого не спросится; гдѣ ни сядетъ, всюду вино пьетъ; а все изъ того только и хлопочетъ, какъ бы заварить распрю».

«Не слушаетъ его умирающій царь:

— «Когда я сдержалъ всѣхъ своихъ воеводъ, по всему ряду областей моихъ царскихъ, ты ли не можешь сдержать того, кого самъ породилъ?»

«Такъ говоритъ Душанъ, повторяя снова завѣтъ свой; говорить, а съ душою борется; вымолвилъ, и испустилъ свою легкую душу». ³⁾

17-го октября.

³⁾ Р. Бесѣда 1837 г. 2. Смѣсь. Лазарица, 42—43, П. А. Безсонова.

Х.

«Законникъ» Стефана Душана.— Церковное право. — Право собственности. — Сословія. — Службовики: военные и гражданскіе. — Судьи. — Доходы.

Покрытыя золотомъ и парчею, съ коронами на главахъ, крестами въ рукахъ и церковною рѣчью въ устахъ, торжественно проносятся предъ нами величавыя тѣни святыхъ королей сербскихъ, не живыя лица, а какіе-то образа, покрытыя коваными ризами.

Что же народъ? что же внутренняя жизнь?

Попытаемся на основаніи «Законника» Душана сказать нѣсколько словъ и объ этомъ. Это тѣмъ удобнѣе, что «Законникъ» не сочиненъ Душаномъ, а какъ «Русская правда», какъ «Судебникъ» Ивана Грознаго, «Уложеніе» Алексѣя Михайловича, — итогъ многовѣковой исторической жизни.

Церковнымъ правомъ міряне въ духовныхъ дѣлахъ подчинялись духовному суду, духовенство же въ гражданскихъ дѣлахъ — общимъ государственнымъ законамъ. Назначеніе и смѣщеніе духовныхъ лицъ основывалось на справедливости и безмездіи. Монашествующимъ опредѣлялось мѣсто жительства и наказаніе за нарушеніе монастырскаго устава.

Душапъ, какъ ревностный поборникъ православія, прилагалъ крутыя мѣры къ искорененію католицизма преимущественно изъ завоеванной имъ Босніи. Между тѣмъ какъ православному духовенству вмѣнялось въ обязанность обращать латинцевъ въ православіе, католическое духовенство подвергалось наказанію за свою пропаганду. Латинцы не иначе могли жениться и жить у православныхъ, какъ становясь и сами православными.

Поземельная собственность называлась или «баштиною» или «пронією». Баштину, наследственную родовую землю, могъ имѣть каждый, отъ царя до послѣдняго подданнаго. Она состояла въ полномъ и неотъемлемомъ владѣніи, изъятомъ отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Баштишы отдавались въ вѣчное потомственное обладаніе со всѣмъ, что въ нихъ принадлежало; монастыри, церкви, попы часто бывали баштинными не только лаврскими, но и властельскими. Баштинѣ противопоставлялась «пронія». Она, повидимому, заключалась въ пользованіи землею на извѣстныхъ условіяхъ, безъ права дара и передачи. Пронія предоставляла право пользования работою «перопховъ», но только съ опредѣленіемъ числа дней въ недѣлю; она же давала право полученія и извѣстнаго оброка.

Охраненіе земель, селеній и дорогъ отъ

непріятелей, разбойниковъ, паѣздовъ, поджоговъ и воровства возложено было на окольныя села или мѣстныхъ властей. Ограбленный на пути удовлетвореніе получалъ или отъ царя, или отъ мѣстныхъ властей и стражей. Селамъ вмѣнялось въ обязанность доставлять почлегъ торговцамъ; иначе отвѣчали они за все, что могло случиться ночью съ послѣдними.

Городское право было мало выработано. Мѣщанство, по недостаточному развитію ремесла и торговли, еще не успѣло сложиться. Города имѣли только правительственное значеніе: здѣсь были казна, судъ и кое гдѣ «чеканица».

Во главѣ сословій стояли «властели» (бояре). Они подраздѣлялись на большихъ и малыхъ, на «властелей» и «властеличичей». Различіе ихъ правъ не ясно; во тогда какъ властелинъ за безчестіе, панесенное властеличичу, платилъ лишь пеню, властеличичъ за обиду властелю сверхъ того подвергался еще и батожнымъ ударамъ. Изъ властелей многіе носили названіе «кнезовъ». Впрочемъ, званіе это могли имѣть и лица другихъ сословій, такъ что даже между «влахами» (пастухами), принадлежавшими монастырямъ, встрѣчались князья: знаніе князя опредѣлялось главнымъ образомъ старшинствомъ въ родѣ.

Властели, какъ и наше боярство, выписали на себѣ сербскую землю въ трудныя историческія минуты. Они низвели слабоумнаго Радослава и посадили способнѣйшаго Владислава; они содѣйствовали Дечанскому противъ Милутина, Душану противъ Дечанскаго и т. д. Съ Душана сословіе ихъ рушится; являются отдѣльныя лица съ правами на боярство, и вмѣстѣ съ тѣмъ возникаютъ крайности и измѣны, и новизна эта губить Сербію, потому что, скажемъ словами нашего стариннаго писателя, «земля, которая переставивается свои обычаи, и та земля не долго стоитъ».

Средняго сословія, въ смыслѣ цѣлаго и заманутаго, въ древней Сербіи не было, но «градскіе люди» занимали среднее мѣсто между властелями и поселянами.

Было ли въ древней Сербіи крѣпостное право? Повидимому, да; хотя такой знатокъ сербской старины, какъ г. Майковъ, и отрицаетъ это.

«Крѣпостнаго состоянія для земледѣльцевъ и пастуховъ, говоритъ онъ, въ Сербіи мы не видимъ: вмѣсто него существовала припись къ землѣ». ¹⁾ Но въ чемъ же иномъ заключается крѣпостное право, какъ не въ томъ, что человекъ приписанъ, «крѣпокъ» зем-

¹⁾ Ист. сербск. яз. А. Майкова, 249.

лѣ? «На личную независимость, продолжаетъ г. Майковъ, указываютъ еще слѣдующія распоряженія «Законника»: во первыхъ, дозволеніе земледѣльцамъ судиться съ своими господами; во вторыхъ, опредѣленіе количества работы и повинностей, которыя земледѣлецъ долженъ былъ выставить для своего господаря». ²⁾ Но самое это ограниченіе произвола властелей не указываетъ ли на ограничиваемое имъ право?...

Между сановниками военными первое мѣсто принадлежало воеводѣ. Въ Босніи воеводство сдѣлалось даже наследственнымъ, такъ что сановники эти обратились наконецъ въ независимыхъ владѣтелей, герцоговъ нѣмецкой имперіи.

Вотъ гдѣ историческій корень теперешнихъ покушеній Австро Венгріи на Боснію. Вытолкнутая изъ германской имперіи, Австро-Венгрія, разумѣется, утратила и это призрачное свое право на Боснію.

Дворъ и управленіе преобразованы были Душаномъ по образцу греческому: учреждены были правители и сановники съ званіемъ «деспотовъ», «севастократоровъ» и «цезарей». «Великій логоветъ» (архидьякъ) завѣдывалъ посольскими и вообще писцовыми дѣлами;

²⁾ Ibid.

на «лѣговетахъ» или «граматикахъ» (дѣякахъ) лежало составленіе грамотъ.

Судьи раздѣлялись на сельскихъ или областныхъ, городскихъ и дворскихъ (судившихъ лицъ при дворѣ). Всѣ эти судьи были равны между собою, ибо не было допущено жалобъ однимъ на другихъ. Вѣдомство судей было разграничено, и нѣкто не могъ судиться у чужаго судьи, помимо своего. При судѣхъ состоялъ между прочимъ «приставъ» или «посланникъ», призывавшій подсудимыхъ къ суду и приводившій въ исполненіе судебный приговоръ. Основаніемъ для него служила судейская грамота. Приставъ, какъ и судья, былъ лицомъ неприкосновеннымъ. Онъ открывалъ злоупотребленія и доносилъ объ нихъ, но былъ также и ходатаемъ за подсудимаго.

Государственные доходы состояли преимущественно изъ прямой подати (бирь, дань) и различныхъ пошлинъ (царины, глобы). Къ земскимъ повинностямъ относилось ходженіе на войну, пѣстойная и кормежная повинность, доставка государственныхъ сокровищъ (ризница), перевозъ пословъ (посольство), провожаніе царя и его вѣстельей отъ одной жупы (области) до другой, пасеніе царскихъ лошадей (конь) и т. д. Земскими работами были—путь, «сѣнокоса», «виноградъ», козаніе, ораніе, жатва, молотьба и

т. д. Кромѣ денежныхъ, встрѣчались подати и естественными произведеніями, напимѣрь, желудями для кормленія свяпей (жировница), кормомъ для лошадей и т. д.

Таковы были слабые зачатки сербской гражданственности незадолго до той минуты, какъ на юное государство обрушилась азіатская орда.

24-го октября.

XI.

Сербская женщина XIV в. по народнымъ пѣснямъ - Воевода Хрѣля и его жена. Видосава, Момчилова жена. — Евросима, его сестра. — Жена и дочь короля Вукашина. — Молодая Гойковица.

До сихъ поръ исторія молчала о сербской женщинѣ. Извѣстна позорная память Симоиды, жены Милутина. Но то была гречанка. Туземныя женскія имена выдвигаются только съ Душана. Но и на нихъ письменные памятники не останавливаются, и только народный эпосъ съ такою же любовью рисуетъ женскія черты, какъ и мужскія, донося къ намъ изъ XIV столѣтія образъ сербки жены, сестры, дочери и матери.

Тяжела была въ героическій періодъ участь жены не у однихъ сербовъ, но и у насъ, и даже на западѣ. При рыцарскомъ служеніи *чужой* женѣ, средневѣковые бароны для *своихъ* женъ не брезгали и плетью, и отправляясь ломать копья въ честь *дамъ* своего сердца, не забывали иногда приковывать своихъ *женъ* на цѣпь.

Близъ Новаго Пазара до сихъ поръ сохраняется память о воеводѣ Хрѣлѣ, повидимому, современникѣ Душана. Народъ вспоминаетъ несчастную участь его жены. Хрѣ-

ля былъ богатырь, и про его силу рассказываютъ чудеса. Въ полѣ за Рашкою, которая протекаетъ за Хрѣлиною горою, показываютъ дерево: до этого дерева, говорятъ, Хрѣля добросилъ свою тяжелую палицу. Однажды пришла ему охота жениться, и онъ нашелъ себѣ мелодую и прекрасную дѣвушку. Черезъ два дня послѣ свадьбы взошелъ онъ на свою башню—показать гостямъ силу свою богатырскую. Онъ взялъ свою палицу и бросилъ ее, но и на половину не добросилъ такъ, какъ бывало прежде.

— «Погоди, сказали ему, посмѣиваясь, гости: поживешь еще съ женою, такъ палица твоя не долетитъ и до Рашки.»

Ничего не отвѣтилъ на это богатырь. Сошелъ онъ внизъ, взялъ въ охапку свою молодую жену, поднялся на башню и, размахнувшись, бросилъ «бабу» въ рѣку. ¹⁾

Такой богатырскій подвигъ физической и нравственной силы роднитъ сербскаго героя съ нашими запорожцами, которые пуще всего боялись «обабиться». Подобный рассказъ ходитъ и о нашемъ Разинѣ: онъ въ угоду своимъ товарищамъ бросилъ въ Волгу свою любовницу.

Такимъ образомъ непреодолимое стремленіе «до кучи» (домой), о которомъ такъ мно-

¹⁾ Зап. Им. Р. Геогр. Общ. XIII, 142—143.

го толкуютъ досужіе корреспонденты, всего менѣе вяжется съ преданіями, подобными только что указанному.

Отличительная черта сербки-жены—вѣрность мужу. Жена не иначе называется въ пѣсняхъ, какъ «вѣрна любя» (вѣрная любезная). Но, разумѣется, при безусловномъ подчиненіи мужу, при частомъ отсутствіи послѣдняго, «вѣрная любя» сербскаго, какъ и женщина русскаго эпоса, не могла всегда отличаться чистотою нравовъ. И когда наша Апраксѣевна, Марья Лебедь бѣлая и другія жены богатырскія точно гордятся своимъ цинизмомъ, не прикрытымъ никакою идеализаціею, когда измѣна мужу не искушается никакими достоинствами человѣка предпочитаемаго, —худшія героини сербскаго эпоса уступаютъ только тому, кто умѣетъ подѣйствовать на ихъ воображеніе всѣмъ, на что такъ изобрѣтателевъ соблазнъ: и поэтическимъ описаніемъ роскошной природы, и заманчивымъ изображеніемъ лучшей домашней обстановки, и наконецъ громкимъ титуломъ, способнымъ плѣнять тщеславіе. Стыдливость сербскаго эпоса такова, что онъ не позволяетъ измѣнницѣ насладиться плодами своего преступленія. Она должна погибнуть, и даже отъ руки самого соблазнителя, во имя тѣхъ высшихъ началъ, которыя были ею попораны. Но и на этомъ не успокоивается

нравственное чувство пѣвца. Невѣрной женѣ онъ противопоставляетъ вѣрную, преданную сестру, на долю которой и выпадаетъ все то, къ чему другая стремилась чрезъ преступленіе.

Все это какъ нельзя лучше видно въ прекрасной пѣснѣ: «Женитьба короля Вукашина», которую и напомнимъ читателямъ въ изыщномъ изложеніи профессора О. И. Булаева.

«Въ бѣломъ городѣ Скадрѣ на Боянѣ Вукашинъ пишетъ письмо и тайно посылаетъ его въ Герцеговину, въ бѣлый городъ Пирлиторъ, къ Видосавѣ, Момчиловой женѣ:

— «Видосава, Момчилова жена! Что тебѣ въ этомъ льду и снѣгѣ? Какъ поглядишь изъ города вверхъ—только и видишь бѣлую гору Дурмиторъ, покрытую льдомъ и снѣгомъ, и зимою и лѣтомъ; взглянешь внизъ — течетъ мутная Тара, волнистая; она валитъ деревья и камни; нѣтъ на ней ни броду, ни мосту, а около нея сосны, да скалы. А ты отрави воеводу Момчила, или мнѣ его выдай, и ступай ко мнѣ въ ровное приморье, въ бѣлый Скадръ на Боянѣ. Будешь ты мнѣ вѣрной любезной, будешь госпожа королева, будешь прядь шелкъ золотымъ веретенкомъ, будешь прядь шелкъ, на шелку сидѣть, въ бархатѣ, да въ чистомъ золотѣ ходить. А какъ Скадръ на Боянѣ! Какъ поглядишь изъ

города вверхъ на горы — всё поросли опѣ смоквами и маслинами и тѣми гроздами виноградными; взглянешь внизъ — растеть бѣлая пшеница, а кругомъ зеленые луга, а по нимъ течеть зеленая Бояна — въ ней плаваетъ всякая рыба».

«Коварная жена не можетъ отравить мужа. Его стережетъ вѣрная его сестра Евросима, а также стерегутъ братья и племянники. Сверхъ того, у Момчила крылатый конь и сабля съ очами.

Видосава сговорила съ Вукашиномъ дѣйствовать за одно на гибель Момчила. Она спалила коню крылья и затопила саблю въ ножнахъ, чтобъ не вынималась; а Вукашинъ засѣлъ засадою съ своимъ войскомъ, когда Момчико выѣхалъ по обычаю на охоту. Вукашинъ бросается изъ засады. Момчико храбро дерется чужею саблею, потому что его сабля не вынимается изъ ноженъ, будто врослась корнемъ. Но когда онъ видитъ всѣхъ своихъ братьевъ убитыми — сердце его надорвалось отъ жалости, рука не подымается съ саблею. И хотѣлъ было онъ пустить въ летъ своего коня, но конь провѣщалъ ему, что не можетъ летѣть: Видосава ему опалила крылья. Тогда бросился онъ къ городу пѣший. Добѣгаетъ. Но ворота заперты. Онъ влечетъ вѣрную свою сестру, чтобъ спустила она ему со стѣны полотно. Но и сестра

не можетъ помочь ему. Видосава привязала ее за косы къ столбу. Но жалостливо сердце сестры; жаль ей стало роднаго брата; взвизгнула она, какъ лютая змѣя; взмахнула головой и всѣмъ станомъ, вырвала изъ головы косы, оставила косы на столбѣ, схватила кусокъ полотна и спустила брату черезъ стѣну. И вотъ Момчило взлѣзъ было уже на стѣну; но прибѣгаетъ невѣрная его жена съ острою саблею—и пересѣкла полотно немного повыше его рукъ. Несчастнѣйшій упадаетъ на конья своихъ враговъ. Къ нему подступаетъ Вукашинъ и ударяетъ коньемъ посредь живаго сердца.

«Тогда сказалъ ему Момчило:

— «Вотъ тебѣ залогъ, Вукашине кралю! Не бери за себя мою Видосаву, мою невѣрницу; она и твою загубить голову: нынче меня предала, завтра предастъ и тебя другому. Но возьми мою милую сестру Евросиму: она будетъ тебѣ всегда вѣрна, и родитъ тебѣ такого же, какъ я, богатыря».

«Такъ говорилъ воевода Момчило, а съ душою боролся. Сказалъ и испустилъ легкую душу.

«Побѣдителемъ вступаетъ Вукашинъ въ городъ. Видосава принимаетъ его, угощаетъ виномъ и сладкими яствами и выноситъ Вукашину одежду и воинскіе доспѣхи своего убитаго мужа. Но вотъ великое чудо: что

Момчилу было по колѣна, то Вукашину волочится по землѣ; что Момчилу была шапка, то Вукашину по плеча входитъ; что Момчилу былъ одинъ сапогъ, то Вукашину лѣзеть на обѣ ноги; что Момчилу былъ золотъ перстень, то Вукашину идетъ на три пальца; что Момчилу была сабля, то Вукашину на аршинъ по землѣ волочится; что Момчилу былъ доспѣхъ въ пору, король подъ тѣмъ и двинуться не можетъ.

«Примѣривъ доспѣхи, говоритъ король Вукашинъ:

— «Увы мнѣ, о милый Боже! Экая развратная—эта младая Видосава! Коли предала она такого богатыря, какихъ теперь ужъ нѣтъ больше на свѣтѣ, какъ же не предать ей меня завтра же?»

«И велѣлъ Вукашинъ размыкать Видосаву конями по полю, а самъ женился на его вѣрной сестрѣ, Евросимѣ.» ²⁾

Вукашинъ, этотъ соблазнитель чужой жены, не въ состояннн былъ предохранить себя отъ подобной же измѣны. Жена его, — рѣшается въ его отсутствіе выдти за мужъ за другаго. Если Видосава, чужая жена, погибла отъ его руки, тѣмъ съ большею справедли-

²⁾ Ист. оч. русск. народн. слов. и искусства. О. И. Буслаева, т. I, 408—411.

востію таже участь должна обрушиться и на преступную голову его жены. И если передъ казнью Видосавы Вукашинъ произноситъ нѣсколько укорительныхъ словъ, глубоко оскорбленное чувство мужа не дозволяетъ ему на этотъ разъ дойти до такой слабости, и онъ молча совершаетъ свое мщеніе, молча «разлучаетъ» саблю на двое свою «вѣрную любовь». За то неподдѣльна грусть дочери, причитающей надъ погибшею преступною матерью.

Но вотъ и самая пѣсня:

«Отправляется Вукашинъ король, отправляется къ цареву войску, во дворѣ жену оставляетъ и такъ ей говоритъ:

— «О Марія, вѣрная жена моя! Когда пріѣдутъ за Рососою сваты, хорошенько принимай сватовъ, еще лучше снаряжай въ путь Росанду».

Отправился король къ цареву войску, пріѣхали разукрашенные сваты. Хорошо ихъ Мара принимала, повела сватовъ въ бѣлую кулу, предложила имъ питья и яства.

Ахъ, посмотри на Росандину мать. Вотъ она у дочери въ комнатѣ:

— «О Росанда, милая дочь моя! дай мнѣ свое одѣяніе и на руки злаченые перстни. Какъ-то ко мнѣ пристанутъ они».

Дала Роса матери одѣяніе, дала ей злаченые перстни. Одѣлась Мара, покрылась вя-

занымъ платкомъ и пошла между друзьями.

Друзья говорятъ ей:

— «Милый Боже, чудо великое! Дивно лице у дѣвицы—точно у вдовицы лице! а руки дѣвическія—какъ у попадьи руки!»

Поднялись сваты, отвели Росандину мать. Увидѣла то Росанда дѣвица, бросилась она въ бѣлую вулу, схватила чернильницу и бумагу, ударила перомъ въ лице, «визъ образа крови наточила», мелкое письмо написала милому отцу, Вукашину королю:

— «О отецъ мой, Вукашинъ король! Старая мать за мужъ пошла; осталась тебѣ въ дому Роса».

Написала она письмо, нашла вѣстника-книгоношу, отдала ему письмо, сама приговаривала:

— «Книгоноша, побратимъ мой! Скорѣе носи письмо къ отцу моему; какъ достигнешь его въ первый день пути, добрымъ даромъ одарю тебя».

Книгоношѣ Богъ помогъ, достигъ онъ короля въ первый день пути, вручилъ письмо Вукашину. Когда увидѣлъ тотъ, что ему пишетъ письмо, быстро онъ назадъ возвратился; встрѣтилъ король сватовъ, говоритъ имъ Вукашинъ король:

— «Нельзя ли, пріятели, подойти къ дѣвицѣ, чтобы посѣтовать миѣ надъ своимъ дѣтищемъ?»

— Можно, говорить тѣ, сколько тебѣ угодно.

Подошелъ король къ дѣвицѣ, снялъ у ней съ лица платокъ; и какъ увидѣлъ, что то была не Росанда, выхватилъ изъ - за пояса ножъ, ударилъ свою «вѣрную любу» и на двѣ части «разлучилъ» ее. Сватовъ возвращаетъ онъ назадъ, отдаетъ имъ Росанду дѣвицу; дочь выдалъ за мужъ, а жену въ землю схоронилъ.

Ахъ, тужить на конѣ дѣвица:

— «О, матушка, о моя кормилица! Кто то меня проводить, матушка! Кто то, матушка, дастъ благословенье! Кто то, матушка, у родныхъ станеть дожидаться! Кто-то меня разцѣлуеть, спросить о здоровьѣ!...» ³⁾

Но нигдѣ не встрѣчаемъ мы такого трогательнаго изображенія материнской любви, какъ въ превосходной пѣснѣ о построении города Скадра. Пѣсню эту въ полномъ ея объемѣ можетъ найти читатель въ сборникѣ «Поэзія славянъ» (50—52 стр.), изданномъ подъ редакціею г. Гербеля; но мы предпочитаемъ привести ее въ прекрасномъ, хотя и сокращенномъ изложеніи автора «Историческихъ очерковъ русской народной словесности и искусства».

³⁾ Српске народне піесме из Херцеговине. Вук. Стеф. Караджичъ, 75 - 77.

«Городили городъ три брата родные, три брата, три Мрлявчевича: одинъ былъ король Вукашинъ, другой былъ воевода Углеша, третій былъ Мрлявчевичъ Гойко; городили городъ Скадръ на Боянѣ, городили городъ три года, три года съ тремя стами мастеровъ; а не могли вывести и самаго основанія, а ужъ не то, чтобъ городить городъ. Что мастера въ день наработаютъ, то ночью все вила (русалка) разрушить. Тогда закричала вила съ планины (гора, покрытая лѣсомъ):

— «Не мучься, Вукашине крале, не мучься и не траться по пустому; не можешь, крале, вывести основаніе, а ужъ куда городить городъ, покамѣсть не найдешь два «сличныхъ» имени, покамѣсть не найдешь Стою и Стояна, а обоихъ брата и сестрицу, и не заложить ихъ въ основанья башни: тогда обдержатся основанья, и построишь городъ».

«Но Стою и Стояна не нашли, и дѣло все не двигается впередъ.

«Тогда Вила съ планины требуетъ другую жертву:

— «Вотъ вы всё три брата родные; у всякаго по вѣрной женѣ. Которая утромъ придетъ на Бояну и принесетъ мастерамъ обѣдъ, ту и закладите въ основанье башни: такъ обдержится основа, и вы постройте городъ».

«Вукашинъ сообщаетъ своимъ братьямъ о необходимости одному изъ нихъ принести въ жертву свою жену. Тутъ они дали другъ другу клятву, чтобъ ничего не говорить объ этомъ своимъ женамъ—и предать ихъ участь судьбѣ. Однако и Вукашинъ и Углеша не сдержали клятвы и рассказали своимъ женамъ, что грозитъ имъ. Только младшій изъ нихъ, Гойко, остался вѣренъ клятвѣ и ни слова не сказалъ своей Гойковицѣ. На утро жены старшихъ братьевъ за болѣзнью отказались идти на Бояну нести мастерамъ обѣдъ: одна за болѣзнью головы, другая—руки, и предлагаютъ идти младшей невѣсткѣ, Гойковицѣ. Та охотно идетъ, но вотъ она не успѣла еще вымыть бѣлаго полотна и искупать свое малое дѣтище. Все берется за нее исполнить королева, жена Вукашина, только бы она принесла мастерамъ обѣдъ. Ничего не подозрѣвая, отправляется молодая Гойковица съ обѣдомъ. Когда подошла она къ Болю, завидѣлъ ее Мрлявчевичъ Гойко; разжалось витязю сердце; жаль ему милой супруги, жаль ему и своего ребенка въ колыбелькѣ—ему еще только исполнился одинъ мѣсяцъ, и льетъ Гойко съ лица своего слезы. Завидѣла его стройная Гойковица, кротко идетъ, къ нему приближаясь, кротко идетъ, тихо говоритъ ему:

— «Что съ тобою, добрый господарю! Что ты льешь слезы съ своего лица?»

«Отвѣчаетъ ей Мрлявчевичъ Гойко:

— «Горе мнѣ, моя милая жена! было у меня отъ злата яблоко, да нынче упало въ Бояну: оттого мнѣ и жалко, такъ жалко, что не могу стерпѣть».

«Не догадывается прекрасная Гойковица:

— «Жоли Бога, чтобъ былъ здоровъ, говорить она: добудешь и лучше».

«Еще жальче стало витязю, и онъ отворотился, чтобъ ужъ больше не смотрѣть на нее. Но когда ее схватили два деверя и вклиннули зодчаго и мастеровъ, и когда стали ее закладывать бревнами и каменьемъ, она все смѣялась, думая, что съ ней шутятъ; вотъ заложили ее по колѣна, а все смѣется прекрасная Гойковица, думаетъ, что это шутка, и только тогда съ ужасомъ догадалась о страшной истинѣ, когда заложили ее по поясъ, и стала молить своихъ деверьевъ и мужа о пощадѣ. Но мольба ея не помогла.

Тогда она обратилась съ трогательною просьбой къ самому зодчему:

— «По Богу братецъ, зодчій Раде! оставь мнѣ оконцы для грудей, выставь ты мои бѣлыя груди: когда принесутъ сюда мое малое дѣтище, моего Ювана, пусть сосеть онъ мои груди».

«Зодчій Радъ исполнилъ эту просьбу.

«Тогда несчастная мать обращается къ зодчему съ другою просьбою, чтобъ онъ оставилъ ей оконцо для глазъ, чтобъ она видѣла, какъ будутъ къ ней приносить ея милаго Іована и назадъ уносить отъ нея домой. И эту волю ея исполнилъ зодчій. И такъ ее заложили въ стѣну. И приносили къ ней дитя въ колыбелькѣ, и кормила она его цѣлую недѣлю, а потомъ уже потеряла голосъ, а все давала пашу своему ребенку и кормила его цѣлый годъ». ⁴⁾

28 го октября.

⁴⁾ Ист. оч. русск. нар. слов. и искусства, О. И. Буслаева, т. I, 304—306.

ХИ.

Урошь, сынъ Душана.—Ослабленіе царской власти. — Вукашинъ. — Усыяленіе Волка. — Урошь ищетъ гостепріимства у влаетелей. — Лазарь. — Убіеніе Уроша.—Народныя преданія объ этомъ.

Подробное жизнеописаніе Уроша, сына и наслѣдника Душана, встрѣчаемъ въ «Серблякъ», который по обыкновенію и этого государя причисляетъ къ лику святыхъ.

Единородный сынъ Душана, Урошь, рассказываетъ «Серблякъ», родился въ 1337 г. Его мать Елена была дочь Іоанна Кантакузина, цзя греческаго. Доблестями души и сердца царевичъ такъ угоденъ былъ родителю своему, великому Душану, что тотъ нарекъ его еще во младенческомъ образѣ «кравлемъ» сербскимъ, возвѣщая тѣмъ въ немъ и будущаго наслѣдника царскому престолу. Счастливыи въ оружіи и въ присвоеніи земель греческаго и болгарскаго престола, Стефанъ Сильный расширилъ предѣлы сербской державы отъ Дуная до Морейскаго полуострова, отъ Чернаго моря до Адриатическаго, подвергъ своему скипетру Сербію, Босну, Далматію, Албанію, Эпиръ, Фессалію, Македонію, Болгарію и Романію; но на попрѣщъ столь славномъ остановилъ его Всевышній, во власти котораго земные вѣнцы.

Урошу при воцареніи было не больше 19 лѣтъ. Мудростію и кроткимъ нравомъ подавалъ онъ лестныя надежды; но строгость отца, страхомъ содержавшаго въ единствѣ столь великія области, замѣнилъ юный царь кротостію, ослабивъ тѣмъ царскую власть, основанную силою оружія. Вельможи, похоропивъ Душана, похоронили и память о немъ, и при «истаявшей» боязни, стали помышлять лукавое во вредъ державной власти и въ «пропасть» незлобивому царю.

Уже при самомъ возшествіи Уроша на престолъ начались «зловѣщія знаменія»: страшный голодъ «нашелъ» на царство и «уморилъ» людей, и въ тотъ же годъ вторгся въ Европу Дарданельскимъ «мореузомъ» (проливомъ) оттоманскій воевода и, покоривъ себѣ лучшія области греческаго царства, началъ «грозить» Болгаріи и Сербіи.

Разслабленную царскую власть Уроша первый потрясъ стрый (дядя по отцу) его Синиша, правитель Фессаліи, который, собравъ войско изъ грековъ и албанцевъ, возсталъ на своего царя, требуя престола по праву старѣйшинства. Это была первая междоусобная «брань». Синиша нападаетъ на зетскую область, желая взять Скадаръ. Но походъ этотъ не былъ для него успѣшенъ. Не безъ вины, повидимому, была и сама царица Елена, мать Уроша, потому что

взъ честолюбія возбуждала междуособную брань, надѣясь «присвоить» себѣ укрѣпленные города. Вскорѣ возсталъ и Никифоръ деспотъ Ангель; съ соизволенія царицы-матери овладѣлъ онъ Фессаліею и «ожеиался» сестрою Елены. Меньшіе правители, видя это, укрѣплялись въ своихъ страхахъ, свергая съ себя бремя подданства.

Между опаснѣйшими правителями главнѣйшимъ былъ Волкъ-Вукашинъ, деспотъ холмскій, и родной братъ его Углеша. Отравленный высокимъ своимъ достоинствомъ, ближайшимъ къ царскому престолу, Волкъ силеталъ сѣти на вредъ царству и сѣднице-му на престолѣ. Прозорливымъ вельможамъ, сердечно царю преданнымъ, не трудно было проникнуть въ тайны намѣренія Волка, и потому власти во время дали мудрый совѣтъ царю остерегаться хитростей волковыхъ; но тотъ, провидя умыслы противъ себя, не щадилъ ни времени, ни лести, чтобы «уловить» «неискуснаго» царя, и тѣмъ «отщепилъ» умыслы вельможъ, ибо царь не только еще больше прильнулъ къ нему, но и возвеличилъ его королевскимъ достоинствомъ, считая себя неприступнымъ въ царскомъ санѣ своемъ.

Самъ ли царь возвысилъ на королевское достоинство своего будущаго убійцу, или же самъ Волкъ хитростію своею придалъ се-

бѣ королевское «титло» и похитилъ власть самодержавную, но съ того времени отступили отъ царя вѣрные ему вельможи, и каждый сталъ печься, какъ бы утвердиться въ своей области. И такъ въ теченіе десяти лѣтъ, еще при жизни царя Уроша, распалось сербское царство на четыре области, не зависящія одна отъ другой. Урошь только носилъ имя царя, а на самомъ дѣлѣ царемъ былъ Волкъ. Властели возстали на лжецаря Волка, чтобы или свергнуть его или, по крайней мѣрѣ, умалить власть его. Въ числѣ ихъ былъ и Лазарь князь, помощію угровъ отторгнувшій Мачву и еще нѣкоторую часть Сербіи. Царь Урошь хотѣлъ быть посредникомъ между властелями, но, будучи безсиленъ, явился «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

Видя себя лишеннымъ власти, силы и послушанія и не имѣя откуда «содержатися», Урошь оставилъ престоль и сталъ «водворяться» у своихъ намѣстниковъ. «Терпѣливодушный» видѣлъ себя «страннымъ» въ своемъ отечествѣ; тотъ, кому дано повелѣвать, сдѣлался безвластнымъ; раздѣлитель милостей самъ жилъ отъ милости своихъ подданныхъ вельможъ. Гостепріимство волково, къ которому прежде всего прибѣгъ Урошь, было исполнено «желчи», презрѣнія и «срамнаго» униженія. Надѣясь на облегченіе «поноснаго» состоянія своего, Урошь остав-

ляетъ Волка и поселяется у Лазаря, властителя Мачвы и Срема; но и этимъ переселеніемъ не измѣнилась горестная судьба его. Странствующій и на чужую милость «спадшій» царь, будучи и здѣсь подверженъ частымъ оскорбленіямъ, оставилъ домъ Лазаря и снова возвратился къ Волку. Но и этою перемѣною мѣста «отчаянная» судьба его не измѣнилась къ лучшему, и вотъ рѣшился онъ искать себѣ прибѣжища у Дубровничанъ-Рагузинцевъ. Это «умышленіе» Уроша стало «явно» Волку, который боялся, что царь помощію Дубровничанъ возвратится и накажетъ его: свергнетъ и заточитъ, или же убьетъ. Извѣщенный о потаенномъ ошществіи царя, посылаетъ Волкъ за нимъ гонцовъ, которые настигаютъ и убиваютъ св. мученика 2 декабря 1367 г.

Нѣкоторые говорятъ, что убійство это совершилъ самъ Волкъ своими руками. Блаженный патріархъ Арсеній Юзновичъ, держась «писаннаго преданія», находящагося въ патріархіи, сказываетъ, что Волкъ дѣйствительно убилъ царя Уроша, но не въ то время, когда тотъ бѣжалъ въ Дубровникъ, а на звѣриной ловлѣ. «Овладѣвъ» временемъ и мѣстомъ, внезапно напалъ Волкъ на Уроша и, воздвигнувъ окаянную руку свою, тяжкимъ и окованнымъ «орудіемъ» ударилъ его по головѣ, и многострадальный вѣщениосецъ про-

стерся мертвымъ на землю близъ Неродимли, на Косовомъ полѣ, на 29 году отъ рожденія.

Такъ скончался сынъ великаго царя; такую «поносную» смерть вкусилъ единородный наслѣдникъ его; такимъ то образомъ отплатилъ своему благодѣтелю «сынъ непріязни, другъ сатаны»; такъ упряднилась достославная лоза Немани перваго, владѣвшая сербскою державою 212 лѣтъ. ¹⁾

Неродимскіе жители рассказывали Гильфердингу, что молодой царь Урошь былъ убитъ на охотѣ близъ ихъ села. Они указывали на холмъ, называемый Главицею, въ одномъ часѣ разстоянія отъ Неродимли на востокъ, какъ на мѣсто, гдѣ совершено было роковое преступленіе. «Утомленный ловлею, говорили они, молодой царь остановился тамъ у колодца, сошелъ съ коня и нагнулся, чтобы зачерпнуть воды: въ это мгновеніе Вукашвицъ ударилъ его мечемъ по затылку». Колодезь, прежде славившійся чистою вкусною водою, съ того времени, по ихъ словамъ, обратился въ грязную лужу.

Народная пѣсня скрыла убіеніе Уроша за поэтическимъ сказаніемъ о томъ, какъ къ церкви Самодревъ собрались искатели серб-

¹⁾ Серблякъ, 74—76.

скаго престола: послѣдній Немавичъ Урошъ, его опекунъ Вукашинъ и два брата послѣдняго: Углеша и Гойко. Они призвали въ судьи безпристрастнаго героя, сына Вукашина, Марка, который и рѣшилъ споръ въ пользу законнаго наслѣдника. Разгнѣванный Вукашинъ съ кинжаломъ преслѣдовалъ роднаго сына кругомъ церкви; передъ Маркомъ, не смѣвшимъ поднять руку на отца, открылись церковныя двери и сами собою затворились за нимъ. Изступленный Вукашинъ ударилъ по косяку кинжаломъ, и изъ косяка выступила кровь. Злодѣй, воскликнувъ въ испугѣ, что онъ убилъ своего сына, услышалъ изъ церкви отвѣтъ:

— «Ты не пронзилъ Марка; ты пронзилъ Божьяго ангела». ²⁾

2-го ноября.

²⁾ Зап. Им. Р. Геогр. Общ. XIII, 225—226.

XIII.

Судъ Марка королевича. — Ссора наслѣдниковъ. — Прогоношъ Недѣлька. — Марко. — Наставленіе Евросимы. — Лъстивыя рѣчи совсѣтателей престола. — Рѣшеніе Марка. — Вукашинъ покушается на сыноубійство. Чудо. — Проклятіе Марка Вукашиномъ и благословеніе Урошемъ.

Пѣсня «Судъ Марка королевича», на которую мы только намекнули, вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы остановиться на ней подробнѣе. Здѣсь главный представитель народа, Марко, изъ за честолюбивыхъ происковъ отна и дядьевъ, виновниковъ паденія обезсиленнаго раздѣломъ царства, точно герой древней греческой драмы, поставленъ въ непримиримое противорѣчіе между требованіемъ правды и волею родительскою; и если онъ долженъ за это дожить до позора службы султану, все таки о немъ навсегда сохранится память въ потомствѣ.

Мы воспользуемся прекраснымъ изложеніемъ г. О. Миллера, помѣщеннымъ въ Сборникѣ, издавномъ г. Гербелемъ «Поэзія славянъ», который долженъ составлять настольную книгу каждаго изъ друзей славянства.

Въ чистомъ полѣ Косовомъ, у бѣлой церкви Грачавицы, собрались четыре ратныхъ стана: первый—короля Вукашина, другой—царевича Углеши, третій—воеводы Гойки, а четвертый молодаго Уроша. Изъ за царства есорятся родные, загубить другъ друга замышляютъ, извести ножами золотыми.

— «Я наслѣдникъ», клянется Вукашинъ.

— «Мой престоль», отвѣчаетъ ему Углеша.

— «Нѣтъ, опъ мой», возражаетъ имъ Гойко.

Лишь одинъ царевичъ, бѣдный Урошъ, ни слова не промолвить.

Вукашинъ пишетъ письмо и посылаетъ его съ гонцомъ въ бѣлостѣнный Призренъ городъ, къ старику протопопу Недѣлькѣ, чтобы прибылъ тотъ на Косово поле, указавъ бы, кому сидѣть на царствѣ: причащавъ вѣдь опъ царя честнаго (Душана); у него и книги староставныя.

Точно также поступили и трое остальныхъ соискателей, таясь впрочемъ другъ отъ друга. Но гонцы сошлись вмѣстѣ въ Призренѣ бѣлостѣнномъ, во дворѣ протопопа Недѣлки. Въ храмѣ Божиемъ служилъ старикъ утреню святую съ литургiей. Посланные, возгордившись своей силою, не захотѣли слѣзть съ коней и прямо на коняхъ вѣхали въ церковь, ремянными плетями нещадно стали бить протопопа:

— «Гей, проворнѣй, протопопъ Недѣлька! Проворнѣй на Косово поле! Ты вѣдь причащаль царя честнаго; у тебя и книги староставныя, а не то—прощайся съ головою».

Ронитъ слезы протопопъ Недѣлька:

— «Отвяжитесь, сильные изъ сильныхъ! Дайте справить службу по уставу».

Гонцы поворотили коней и по окончаніи службы стали у наперти.

— «Какъ царя честнаго причащаль я, говоритъ гонцамъ Недѣлька, не о царствѣ спрашивалъ его я, а о томъ, чѣмъ онъ грѣшенъ предъ Богомъ. А ступайте вы къ городу Прилѣпу; тамъ живетъ пятомецъ мой, Марко королевичъ. У меня онъ научился письму; былъ онъ писцомъ у царя Душана; у него и книги староставныя. Одинъ лишь онъ знаетъ про наслѣдство. Призовате Марка на Косово поле; онъ вамъ скажетъ правду-истину, потому что Марко не боится никого на свѣтѣ, кромѣ Бога».

Выслушавъ это, гонцы тотчасъ же поскакали къ городу Прилѣпу, къ бѣлымъ сѣнямъ, къ марковымъ хоромамъ. Подъѣхавъ къ воротамъ, привялись они стучать тяжелымъ кольцомъ.

Услыхала Евросима, мать Марка; стала звать сына:

— «Посмотри, кто тамъ стучитъ въ ворота. Не гонцы ли отъ отца примчались?»

Выходить Марко, и послѣ обычныхъ привѣтствій посланные объясняютъ ему цѣль своего прїѣзда:

— «Приходи къ намъ на Косово поле; укажи, кому сидѣть на царствѣ».

Марко сообщаетъ своей матери о ссорѣ между князьями, о томъ, что зовутъ его на Косово поле, и заключаетъ словами:

— «Вѣкъ свой бился Марко изъ-за правды».

Старуха закликаетъ сына:

— «Если ты, сынъ мой единородный, боишься клятвы матери, не держа въ угоду отцу и дядьямъ отвѣта по кривдѣ, не губи души своей безсмертной. Лучше лечь за правду головою, чѣмъ принять злой грѣхъ на душу».

Марко вынулъ книги староставныя, вывелъ своего коня Шарца и поѣхалъ на Косово поле. Подѣзжаетъ онъ къ королевской ставкѣ; къ нему обращается Вукашинъ король:

— «Благодать миѣ послана отъ Бога! сынъ присудить отцу царство: сынъ отцу наслѣдуетъ на царствѣ».

Ни слова не проронилъ Марко и головы не повернулъ къ шатру.

Увидѣлъ Марка Углеша и такое молвилъ слово:

— «Благо миѣ! племянникъ мой прїѣхалъ. Миѣ присудить онъ сербскую корону. Станемъ вмѣстѣ съ нимъ по-братски царствовать».

Но и на это не проронилъ Марко ни слова. Не повернулъ онъ головы, когда и Гойко воспоминалъ:

— «Той порой, какъ Марко ребенкомъ былъ, пѣжилъ я его и приголубливалъ, согрѣвалъ за пазухой словно персикъ, яблочко румяное. Куда бы я на конѣ ни ѣздилъ, все бывало призахватишь Марка».

Гойко предоставляетъ царство самому Марку, обѣщаясь быть при немъ княземъ подневольнымъ.

Ничего не говоря, ѣдетъ Марко къ бѣлой ставкѣ Уроша младого, ставить Шарца противъ входа, слѣзаетъ съ коня у царскихъ ногъ.

Увидѣлъ Марка юный Урошъ, быстро всталъ съ шелковаго дивана:

— «Благо миѣ! мой милый кумъ пріѣхалъ. Онъ рѣшитъ, кому сидѣть на царствѣ».

И стали юнаки цѣловаться и обниматься, другъ друга о здоровьѣ спрашивать.

На другой день, на утренней зорѣ, зазвонили къ службѣ Господней. Все боярство сошло къ заутренѣ, отстояли въ храмѣ литургію, и высыпавъ толпою изъ церкви, усѣлись за столами, за медами и за сахарными яствами. Передъ Маркомъ положили книги староставныя.

Смотритъ Марко въ книги и вѣщаетъ:

— Гой, отецъ мой, Вукашинъ владыко!
Аль тебѣ твоей всей власти мало?
Мало, что ли? Чтобъ она пропала!
О чужомъ тягаются вы царствѣ.
Гой ты, деспоть, дядя мой Углена!
Мало что ли твоего деспотства
И тебѣ? О, чтобъ оно пропало!
О чужомъ тягаются вы царствѣ.
Гой ты, дядя, Гойко воевода!
Мало что ли воеводскоѣй власти
И тебѣ? О, чтобъ она пропала!
О чужомъ тягаются вы царствѣ.
Загляните, — чтобъ Госнодь забылъ васъ! —
Въ эту книгу: *Урошево царство!*
Въ ней стоитъ; такъ, значить, царство
Отроку завѣщано въ наслѣдство.
Вотъ кому самъ царь его оставилъ,
Въ смертнѣй часъ свои смежая очи.

Услыхалъ эти рѣчи Вукашинъ, вскочилъ на рѣзвые ноги, схватился за свой золоченый ножъ. Побѣжалъ бѣгомъ Марко отъ отца, потому что сыну непристойно сражаться съ отцомъ. Бѣжить Марко вокругъ бѣлой церкви Грачанины, а король за нимъ. Ужъ три раза обѣжали они церковь, какъ отецъ сталъ вагонять Марка.

Вдругъ изъ церкви раздается голосъ:

— «Въ церковь, Марко, въ церковь! или ты погибнешь отъ руки родительской изъ за правды Бога истиннаго».

Тотчасъ же растворяются двери храма, и едва только Марко успѣлъ туда вбѣжать, сами затворились за нимъ онѣ. Подбѣгаетъ

король къ дверямъ и ударяетъ по нимъ ножомъ. Глядь—кровь закапала изъ двери.

Стая тогда король невольно каяться:

— «Горе мнѣ, милосердый Боже! погубилъ я сына дорогаго».

Но изъ-за двери раздается голосъ:

— «Знай, Вукашинъ король! не сына ты поразилъ Марка; поразилъ ты ангела Господня».

Стая тутъ король проклинатъ Марка:

— «Порази тебя рука Господня!

Будь лишень и гроба и потомства!

А душа въ тебѣ пусть заживетъ,

Чтобъ султану едосталъ наслужиться!»

Король клянеть, а Урошъ царь благословляетъ:

— «Чтобъ лице твое сіяло въ думѣ,

А копье въ бою не уставало!

Чтобъ сильнѣе не было юнака,

И, пока луна и солнце свѣтятъ,

О тебѣ жива была бы память!» ¹⁾

И сбылось, заключаетъ пѣсня, какъ сказали они оба.

9-го ноября.

¹⁾ Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей. Сиб. 1871 г. 69—71.

XIV.

Смутное время.—Соборъ на Вукашина.—Война съ турками.—Разореніе сербской земли.—Смерть Вукашина. — Характеристика его. — Народная пѣсня о саблѣ Вукашина.

Царствованіе Вукашина, убійцы послѣдняго изъ династіи Неманичей и похитителя верховной власти, напоминаетъ нѣсколько эпоху Годунова. Та же гибель послѣдней отрасли царскаго рода, также цареубійца на престолѣ, также вишніе враги и внутренняя неурядица, и даже голодъ, явленіе, повидимому, случайное, но по какой-то чудной, непонятной связи такъ часто совпадающее съ бѣдствіями политическими. Но русская земля, пожертвовавшая всѣмъ ради прочной государственности, невредимо вышла изъ суроваго испытанія, тогда какъ младшая сестра ея на время поникла своею вѣнчанною главою...

Царствованіе Вукашина открывается обычнымъ въ славянскомъ мірѣ явленіемъ смутнаго времени—соборомъ, отголосокъ котораго слышится, повидимому, въ извѣстной уже намъ пѣснѣ: «Судъ Марка королевича».

Соборъ происходилъ на рѣкѣ Быстрицѣ, въ городѣ Призренѣ, въ храмѣ архистратига Михаила, созданномъ Душаномъ. Куръ Дани-

илъ, духовенство, изъ прочаго чина благочестивые и весь сонмъ сербскій судили Вукашина.

Король не повиновался собору, говоря:

— «Мнѣ предано есть царство».

Архіепископъ и весь народъ отвѣчали:

— «Вѣдаемъ; да на время тебѣ поручено. Но престани, Вукашине, отъ насилія».

Не смотря на мятежь и крамолу, Вукашинъ не хотѣлъ покориться.

Тогда патріархъ съ соборомъ воскликнулъ:

— «Господи долготерпѣливый и многомилостивый! виждь судъ неправедный!»¹⁾

Сказавъ это, всѣ разошлись. Вукашинъ же раздѣлилъ царство на три части: Угleshъ далъ Серезъ (Янину и области, завоеванныя у Сербіи) и назвалъ его кесаремъ, а Гойко—деспотомъ въ Терновѣ (въ Болгаріи), самъ же остался въ Сербской землѣ.

Доблестный мужъ деспотъ Угleshа побудилъ брата своего Вукашина и греческаго царя Ивана Палеолога послать до 60 тысячъ войска въ Македонію на изгнаніе безбожныхъ турокъ. Вожди не разсудили, что гнѣву Божию никто не можетъ противостоятъ, и потому не изгнали враговъ, но сами отъ нихъ были побиты, и кости ихъ пали и остались неогребенными: одни, рассказы-

¹⁾ Зап. Им Р. Геогр. Общ. XIII, 203—206.

вають наши хронографы, отъ острія меча пали, другіе въ плѣчь отведены были, не-многіе спаслись бѣгствомъ «Нужда зловотная» «облила» грады и страны западныя такъ, какъ никогда очи не видали, ниже уши слышали. По убіеніи мужа храбраго деспота Углеши, «просьпачись» измаиль-тине и «полетѣли по землѣ» какъ по воз-духу: однихъ христіанъ мечами застѣкали, другихъ отводили въ плѣнъ, а остальныхъ «безгодная» смерть «пожгла». Уцѣлѣвшіе же погибали отъ голода, ибо такой былъ голодъ, какого отъ сложенія міра еще не было. А кого голодъ не погубилъ, тѣхъ ночью и днемъ волки нападавъ пожирали. «Увы, умильный плачь и позоръ!» Осталась земля, всего лишенная: и людей, и скота, и «виныхъ плодовъ». Ни князя, ни вождя, ни наставника не было въ людяхъ ни из-бавляющаго, ни спасающаго, но все испол-нилось страха агарянскаго, и храбрыя серд-ца доблестныхъ мужей обратились въ жен-скія сердца, слабѣйшія. ²⁾

Углеша и Гойко погибли въ сраженіи съ Мурадомъ при Тенарѣ въ 1371 г., а Вукашинъ былъ убитъ слугою во время бѣгства.

«Вукашинъ не носилъ въ себѣ ни искренности, ни преданности; не зналъ ни выгодъ

²⁾ Изб. А. Полова, 54—55.

страны, ни выгодъ сословныхъ; онъ не питалъ благодарности и къ тѣмъ, которые любили и возвысили его. Онъ дѣйствовалъ единственно для своей пользы, во вредъ странѣ Хитрость, коварство, жестокость служили ему пособіемъ при осуществленіи себялюбивыхъ замысловъ». Такъ характеризуетъ этого узурпатора г. Майковъ. ³⁾

Есть прекрасная народная пѣсня, знакомящая насъ съ послѣдними минутами Букашина. Пѣсня рассказываетъ исторію сабли этого короля. Вотъ она въ переводѣ г. Боричевского:

«Рано вышла Туркиня дѣвица, до зари и до бѣлаго утра, мыть полотно на Марицу. До солнца протекала вода чистая, а при солнцѣ она замутилася, и мутна протекла и кровавая: по ней понеслись колпаки и лошади, передъ ними шлыли витязи израненные. Одного витязя вода унесла въ быстрину. Витязь увидѣлъ дѣвицу у берега, сталъ просить-умолять ее:

— «По Богу сестра, милая дѣвица! перекинь ко мнѣ конецъ полотна; изъ пучины быстрой извлеки меня: наградить тебя я не забуду».

«Бога ради дѣвица послушалась: перекинула витязю конецъ полотна и къ берегу

³⁾ Ист. Сербск. яз. А. Майкова, 264—265.

его изъ воды привлекла. На витязѣ было семнадцать ранъ, и платье на немъ чудесное, у бедра сабля окованная: три рукоятки изъ золота, и на нихъ три камня драгоценные. Стоила сабля три града царевыхъ.

«Взговорилъ витязь Туркиня дѣвицѣ:

— «Сестра моя, Туркиня-дѣвица! кто во дворѣ твоёмъ бѣломъ находится?»

«Отвѣчаетъ Туркиня-дѣвица:

— «Есть у меня тамъ мать престарѣлая, да братъ Мустафъ ага.»

«Сталъ просить, умолять израишней витязь:

— «Сестра моя, Туркиня дѣвица! попроси ты брата Мустафъ-агу, чтобы во дворъ бѣлый принесть меня. Есть у меня полныхъ три кошелька по триста червоицевъ въ каждомъ. Однимъ поклонюсь я тебѣ, другимъ — брату Мустафъ-агѣ, а третій при себѣ оставляю, чтобъ залѣчить мои раны тяжкія. Если, Богъ дастъ, мои раны закроются, награждать тебя не забуду и твоего брата Мустафъ-агу».

«Нобѣжала дѣвица во дворъ бѣлый и говорить брату Мустафъ-агѣ:

— «Ты, братецъ мой, Мустафъ-ага! встрѣтила я витязя раненаго на быстрой рѣкѣ на Марицѣ; есть у него полныхъ три кошелька: однимъ хочеть поклониться мнѣ, а другимъ тебѣ, Мустафъ-ага; третій — при себѣ

оставить, чтобы задръчить свои раны кровавыми. Не дай, братъ, погибнуть витязю раненому: донеси его во дворъ нашъ бѣлый».

«Сошелъ Турокъ къ рѣкѣ Маринѣ и, увидѣвъ витязя, сталъ разсматривать его саблю окованную, махнулъ ею и отсѣгъ витязю голову, снялъ съ него платье богатое и воротился къ своему дому бѣлому.

«Какъ увидѣла Туркиня дѣвица, что совершилося, стала говорить брату Мустафъ-агѣ:

— «Братъ, Богъ да накажетъ тебя! ты за что погубилъ моего побратима? Чѣмъ ты, безумный, прельстился?—одной только саблей окованной!... Далъ бы Богъ, чтобъ она и твою сънесла голову!»

«Сказавъ это, дѣвица убѣжала, въ свой теремъ.

«Немного прошло времени, какъ пришелъ фирманъ султана Турецкаго идти на войну Мустафъ-агѣ. И поѣхалъ Мустафъ-ага къ султанскому войску, опоясавъ саблю окованную. Какъ пріѣхалъ Мустафъ къ султанскому войску, малъ и великъ сталъ разглядывать саблю, но никому не далась она изъ ноженъ вынуть; изъ рукъ въ руки переходила, и какъ попалась Марку-кравичу, сама изъ ноженъ выскочила. Увидѣлъ Марко на ней три имени христианскія: одно имя Новака, ея мастера, другое

имя Вукашина-кряля, третье имя Марка-кравевича.

«Марко спросилъ Мустафъ-агу:

— «Молодой витязь турецкій! Бога ради скажи, ты откуда добылъ саблю острую? аль въ кровавомъ бою получилъ ее? али досталась по завѣту отца? али въ приданое любя ее принесла по наслѣдству?»

«Говорить ему турокъ Мустафъ ага:

— «Во имя Бога, Марко-гяуринъ, если говорить мнѣ съ тобой, всю правду сказать безъ утайки.

«И все, какъ съ витяземъ раненымъ было, Мустафъ ага рассказалъ ему.

«Отвѣчаетъ ему Марко-кравевичъ:

— «Турокъ, Богъ да накажетъ тебя! ты зачѣмъ не хотѣлъ излѣчить витязю раны? у султана высокаго я тебѣ выпросилъ бы агалыкъ» (должность аги).

«Возразилъ ему турокъ Мустафъ ага:

— «Ба, ба, ба! полно шутить-то, Марко-гяуринъ! Если бы ты могъ мнѣ агалыкъ добыть, то прежде всего себѣ бы ты добылъ его; а пока возврати мнѣ саблю окованную.

«Саблей взмахнулъ Марко-Прилипанинъ (изъ города Прилина) и голову снесъ Мустафъ-агъ.

«Султану обо всемъ донесли, и за Маркой прислалъ онъ прислужниковъ. Марка зовутъ, а онъ молча сидитъ и вино наливаетъ свое.

Когда и вино Марку не взмилилось, тог а
вскинулъ шубу на плеча, а въ руки схватилъ
булаву претяжелую и прямо пошелъ въ сул-
танскій шатеръ. Тамъ Марко въ-конецъ разъ-
ярился: на ковры драгоценные сѣлъ въ са-
погахъ, съ-искоса поглядывалъ на султана,
поглядываетъ, а глаза налились у него кровью.

«Когда султанъ на Марка взглянулъ и при-
немъ увидалъ булаву претяжелую, то сталъ
отсѣдать, а Марко къ нему присѣдать; при-
сѣдалъ до тѣхъ поръ, пока не приперъ сул-
тана къ стѣнѣ... Нечего дѣлать! Султанъ
запустилъ въ карманъ руку и добылъ цѣлую
сотню червонцевъ.

— «На, говорить онъ, Марко, возьми и
папейся вина. Да скажи, чѣмъ такъ разъ-
ярили тебя».

«Государь - поетчимъ! отвѣчаетъ Марко-
князевичъ, чѣмъ такъ разъярили меня, ты
не спрашивай: я узналъ саблю отцевскую.
Если бъ я видѣлъ ее и въ твоей рукѣ, и ты
разъярилъ бы меня».

«Больше не могъ говорить. Всталъ и по-
шелъ въ свой шатеръ».

12 го ноября.

ХУ.

Распаденіе царства сербскаго — Борьба съ турками — Паденіе царства — Предательство Вука Бранковича и подвигъ Милоша Обилича. — Житіе царя Лазаря — Сношеніе съ Царградомъ. — Възвѣщаніе Лазаря на царство. — Раваница. — Разсказъ житія о Косовомъ.

Мрачная туча, еще въ 13 вѣкѣ обложившая славянской сѣверъ, разразилась наконецъ на полѣ Буликовомъ обильными кровавыми потоками. Но другая туча, еще чернѣе, еще мрачнѣе, въ то же время надвигалась и на славянской югъ. Глухіе раскаты грома слышались еще при Душанѣ; при Вукашинѣ они усилились; при Лазарѣ раздался послѣдній ударъ, и пятивѣковая непроглядная тьма покрыла царство сербское, лишь изрѣдка озаряемое сіяніемъ съ сѣверъ.

Истребленіе царскаго рода и воцареніе владѣтельнаго боярства развязало руки боярству, и оно стало промышлять только о себѣ. Вукашинъ не могъ собрать и сдержать сербской земли: она распалась.

Но смерти Вукашина, Нишемъ, Новобрьдомъ и Приштиною завладѣлъ Лазарь; Плавидя достаясь зятю Лазаря, Вуку Бранковичу; въ Македоніи являются два намѣстни-

ка султана; между Боснією и Сербією усиливается бояринъ Николай Алтомановичъ; въ Зетѣ (Черногоріи) сидятъ Бальшичи, стремясь къ независимости; въ сѣверной Албаніи укрѣпился Юрій Кастріотъ, данникъ Турціи. ¹⁾

Въ такомъ раздробленномъ видѣ лежала сербская земля, когда Лазарь принялъ на себя управленіе ею.

Въ 1386 г. турки берутъ Нишъ, такъ извѣстный въ настоящую минуту базисъ турецкой арміи въ борьбѣ ея съ сербскимъ княжествомъ. Лазарь заключаетъ съ ними миръ, съ обязательствомъ платить ежегодную дань. Черезъ два года задумываетъ онъ съ боснійскимъ княземъ Твръткомъ союзъ противъ турокъ, а Юрій Кастріотъ успѣваетъ даже уничтожить отрядъ турецкаго войска; но въ слѣдующемъ 1389 г. Мурадъ (Амуратъ), предупредивъ союзниковъ, вторгается съ огромнымъ войскомъ въ Сербію. Съ одними только сербами встрѣтилъ его на Косовомъ полѣ Лазарь. Здѣсь 15 іюня дана была битва, несчастный исходъ которой считается паденіемъ царства сербскаго. Лазарь палъ, но и Амуратъ не остался въ живыхъ.

Есть преданіе, что Косовская битва была потеряна чрезъ измѣну Вука Бранковича, ко-

¹⁾ Ист. Сербск. яз. А. Майкова, 267—268.

торый съ своимъ войскомъ ушелъ съ поля сраженія.

Имя Вука Бранковича, этого «измѣнника Волка», который «выдалъ сербское царство на Косовѣ», передается у сербовъ изъ рода въ родъ съ провлятіемъ.

Измѣну эту, такъ напоминающую современные слухи объ отказѣ сербской артиллеріи на Дюнишскихъ высотахъ, г. Майковъ пытается объяснить слѣдующими соображеніями:

«Какъ Вукашинъ измѣнилъ Урошу, такъ и Вукъ могъ измѣнить Лазарю. Теперь уже не было старины Неманича перевелись; престоль Сербіи сдѣлался предметомъ соискательства. Нѣсколько боярскихъ личностей возвысилось на развалинахъ боярскаго соеловія, и каждая изъ нихъ считала возможнымъ взойти на престоль. Правственный развратъ, развившійся подъ вліяніемъ сосѣдней имперіи, дѣлалъ ихъ неразборчивыми на средства. Если Вукашинъ овладѣлъ престоломъ чрезъ убійство, то Вукъ хотѣлъ приобрѣсти престоль черезъ измѣну.» ²⁾

Намъ одинаково не хотѣлось бы вѣрить измѣнѣ ни у Косова, ни у Дюниша, и потому охотнѣе склоняемся къ измѣнѣ Гильфердинга, съ точки зрѣнія элическаго насло-

²⁾ Ibid. 267.

нія оправдывающаго память Вука Браковича. Въ самомъ дѣлѣ, въ древнихъ краткихъ лѣтописныхъ замѣткахъ еще ничего не говорится объ этой измѣнѣ: въ позднѣйшемъ лѣтописномъ сказаніи конца 14 или начала 15 вѣка упоминается о ней съ сомнѣніемъ; въ старинной народной пѣснѣ она въ сраженіи еще не играетъ важной роли, и только въ лѣтописи конца 18 в. и въ современныхъ эпическихъ пѣсняхъ на Вука возлагается вся отвѣтственность за «Косово». Браковичъ, вѣроятно, не былъ прямымъ предателемъ, и вся его вина только въ томъ, что онъ слишкомъ рано отчаялся въ успѣхъ битвы и отступилъ съ своимъ отрядомъ. «Странно, замѣчаетъ по этому поводу Гильфердингъ, какъ иногда несправедлива бываетъ народная память! Предавая Вука проклятію изъ рода въ родъ, сербы въ тоже время воспеваютъ Марка Вукашиновича (королевича), какъ образецъ героя, а Марко положительно помогаль Амурату въ его походѣ противъ Лазаря и вовсе не явился на Косово на помощь своимъ соотечественникамъ». ³⁾

Какъ бы то ни было, но дѣяніе Волка съ избыткомъ искупаются такими подвигами, какъ самопожертвованіе Милоша Обилича,

³⁾ Зап. Им. Р. Геогр. Общ. XIII, 264—265.

который закололъ султана, проникнувъ въ его ставку.

Но для того, чтобы вполнѣ ввести читателя въ кругъ эпическихъ сказаній о Лазарѣ и о Косовѣ, оглянемся еще разъ на последнее сербское царствованіе и на этотъ разъ съ точки зрѣнія житія «святаго и блаженнаго великомученика, самодержца сербскія земли, иже во царѣхъ князя Лазаря».

Св. князь Лазарь былъ сынъ Лазаря Прибаца Гребляновича, знаменитаго и благороднаго вельможи при дворѣ Стефана Душана. Будущій «возобновитель царства» свои юные года провелъ при царскомъ дворѣ. Кроткій нравъ, прозорливый разумъ, храброе сердце и доблестную душу мученикъ Лазарь «растворилъ» благочестивымъ духомъ, и потому не только обратилъ на себя вниманіе царя (Душана), не только введенъ былъ въ кругъ «дѣланій державныхъ», но и зятемъ царскимъ наименовался, «оженившись» Милицею, дочерью великаго князя Вратка, отъ «лосы Неманивой», «изъ боку» Волкана, сына перваго Немани Стефана⁴⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ возведенъ и въ княжеское достоинство.

Когда «нечаянною» смертію царя Душана потрясены были «столпы вседержавія серб-

⁴⁾ Это родословіе сочинено, повидимому, въ позднѣйшее время.

скаго» и властолюбіемъ державныхъ вельможъ, своей корысти ищущихъ, «подкопанъ былъ престоль» добросердечнаго, хитростямъ лукавымъ чуждаго царя Уроша, смутилась вся земля сербская, кровью обогрелая и Волкашиномъ цареубійцею «подъярмленная». Когда же судомъ Божиимъ цареубійца получилъ праведное наказаніе, замыслилъ Лазарь области «расширеннаго» царства Душанова привести опять въ единодержавіе. И такъ онъ покорилъ Герцеговину, Рашку, Сербію и Банатъ, считая себя призваннымъ на престоль по царю Милицѣ, своей сунругѣ.

Тогда приходитъ къ нему іеромонахъ Исаія и напоминаетъ ему объ анаемѣ, которою во дни Душана патріархъ цареградскій «обложилъ» весь народъ сербскій. И вотъ Лазарь, по совѣту съ патріархомъ сербскимъ, отсылаетъ старца Исаію въ Константинополь просить разрѣшенія у патріарха Теофана. Старець, взявъ съ собою прота отъ св. горы Аѳонской и двухъ учениковъ его, отправился въ Царьградъ. Тогда, по предварительномъ совѣщаніи съ императоромъ Іоанномъ Палеологомъ и со всѣмъ духовнымъ соборомъ, патріархъ Теофанъ разрѣшилъ отъ клятвы и царя Стефана Душана, и Іоанникія 2, перваго патріарха сербскаго, и всѣхъ представившихся до разрѣшенія. Духовное общеніе съ Сербіею было обновлено съ условіемъ,

«да престанеть народъ сербскій рати паводить на грековъ и области, ими придержаваемые». Въ знакъ искренняго примиренія и духовнаго общенія, патриархъ Теофанъ разрѣшилъ архіепископу сербскому носить «титло» патриарха.

Въ тѣ дни представился второй патриархъ сербскій Савва и, по повелѣнію князя Лазаря, соборомъ избранъ былъ на патриаршій престолъ преподобный Ефремъ. Въ первую же по своемъ избраніи литургію возлагаетъ новый патриархъ на главу князя Лазаря царскій вѣнецъ въ присутствіи пословъ императорскихъ.

Между дѣлами благочестія Лазаря отмѣтимъ созданіе дивнаго и высокаго храма Вознесенія Господня, прозваннаго потомъ Раваницею.

Не умолчимъ и о томъ, что по убіеніи царя Уроша и по ниспроверженіи крадеветва Волкашина, сербская держава принуждена была дань давать «возрастающимъ» въ Европѣ агарянамъ. Возобновитель царства пытался было свергнуть иго, «поносное» какъ народу, такъ и царству сербскому, но не возмогъ одолѣть «превозмогающую силу» агарянь. И потому, когда султанъ Амурать взялъ городъ Нишь, готовясь къ покоренію Сербіи, Лазарь примирился съ нимъ, обѣщавъ ему ежегодную дань и тысячу воору-

женныхъ сербовъ. Это было въ 1386 году.

Между тѣмъ «злонравный и несытый» Амуратъ, «уклонившись» отъ границъ сербской державы, покорилъ сосѣднія области. Предводителя «дивіихъ» полковъ, огнемъ и мечемъ, неправдою и насиліемъ открывающаго себѣ путь къ побѣдамъ, не легко было укротить данью, ибо и малѣйшая вина и ничтожнѣйшій отпоръ могъ раздражить «несытую» душу. «Неистовствующаго» Амурата разбилъ Лазарь въ 1387 г. на рѣкѣ Ситницѣ и воинство его «разсыпалъ» такъ, что и самъ Амуратъ спасался бѣгствомъ. И вотъ, какъ бы въ отмщеніе за это, въ 1389 г. воздвигаетъ Амуратъ многочисленное воинство на Лазаря и на его державу.

Предвѣстники грядущаго несчастія уже проявлялись внутри державы раздоромъ, злобою, умышленіемъ Іудинимъ, тщеславіемъ и властолюбіемъ вельможъ и старѣйшинъ. Единоумышленниковъ у царя было мало. Правда стеклись многіе изъ вельможъ и воеводъ, приглашенные Лазаремъ на Косово, но другіе или опоздали, или и совсѣмъ не пришли, черезъ что воинство Лазаря умалилось. Сюда присоединилась еще и невѣрность зятя Лазарева Волка Бранковича, и «нестроеніе» между воеводами, и «безмѣстное отцѣвленіе» другаго зятя Лазарева Милоша Обилича. Будучи оклеветанъ Волкомъ въ невѣрности къ

Лазарю, Милошъ въ оправданіе свое оставилъ сербскій станъ предъ самымъ сраженіемъ и, придя въ станъ агарячъ, вошелъ къ сильному ихъ султану Амурату и, съ скоростію молніи исторгнувъ «сокровенный» мечъ свой, вонзилъ его въ утробу султанову, отъ чего тотъ вскорѣ и скончался. Раздраженные этимъ агаряне тотчасъ же устремились на Лазаря и на его полки. Сраженіе было кровавое. Если бы пришли всѣ званые, если бы Волкъ Бранковичъ съ своимъ коннымъ полкомъ остался вѣренъ своему государю и народу, агаряне возвратились бы побѣжденными; но хотя и храбры были сербы, предводимые своимъ царемъ, однако по долгомъ «бореніи» стали изнемогать и, увидѣвъ, что царь сошелъ съ коня, чтобы пересѣсть на другаго, и помысливъ, что онъ палъ убитый, обратились въ бѣгство, не внимая рѣчамъ царевымъ, который, снова на копь, взывалъ къ нимъ, дабы возвратились. При такомъ-то стеченіи ударовъ «злополучія» одолѣли агаряне, и самъ царь со многими изъ вельможъ былъ плѣненъ и предъ умирающаго Амурата приведенъ, гдѣ со всѣми своими тутъ бывшими и воспріялъ блаженную кончину усѣченіемъ главы

По окончаніи битвы, когда отступили агаряне, тѣло блаженнаго Лазаря отнесено было въ Приштину и тутъ въ церкви погребено.

бено Черезъ два года царна Милица съ своимъ сыномъ деспотомъ Стефаномъ переехала мочи его въ Раваницу, гдѣ и доныиъ овѣ вѣтѣнно почиваютъ. ⁵⁾

17-го ноября.

XVI.

Лазарица.—Событія, предшествовавшія Косову.
Женитьба Лазаря.—Ссора Милоша Обилича съ
Вукомъ Бранковичемъ.—Построеніе задушницы
Раваницы.

«Косово» представляетъ центръ всѣхъ эпическихъ сказаній эпохи Лазаря, такъ называемой «Лазарицы». Предшествующія событія съ ужасомъ предвидятъ Косово, послѣдующія не могутъ безъ слезъ отлупить на него.

Въ послѣднемъ актѣ страшной драмы передъ нами на сценѣ вся царственная семья. Это самъ Лазарь; его жена Милица, дочь Югъ-Богдана стараго, ея братья девять Юговичей, со своимъ отцомъ Югъ-Богданомъ старымъ, и наконецъ два зятя Лазаря: Милошъ Обиличъ и Вукъ Бранковичъ, съ своими женами.

Познакомимся же со всѣми этими эпическими героями и для этого остановимся на нѣкоторыхъ пѣсняхъ изъ событій, предшествовавшихъ Косову. Таковы: пѣсня о женитьбѣ Лазаря, съ которою связывается вызывающее изъ глазъ Югъ-Богдана слезы, пророчество, что внѣць царскій перейдетъ въ Лазарю,—разсказъ о ссорѣ зятьевъ Ла-

заря, роковыя слѣдствія которой проявились на Косовомъ полѣ измѣною одного изъ нихъ, Вука Бранковича, и наконецъ, пѣсня о построеніи церкви Раваницы, гдѣ такъ ясно предсказывается Милошѣмъ паденіе царства.

Вотъ какъ рассказываетъ пѣсня о женитьбѣ Лазаря:

«Было пьетъ сильный царь Степанъ (Душанъ) въ Призренѣ, бѣломъ городѣ; при винѣ служить вѣрный слуга его Лазарь. Каждую чашу наливаетъ онъ черезъ край, а на царя косо поглядываетъ.

Донимается царь у вѣрнаго слуги Лазаря:

— «Ради Бога, вѣрный слуга Лазарь, о чемъ спрошу тебя, скажи мнѣ правду: что ты мнѣ чашу черезъ край наливаешь, что ты на меня такъ косо поглядываешь? или конь у тебя захудалъ? или платье у тебя изветшало? или мало у тебя на прожитокъ?»

Говорить ему вѣрный слуга Лазарь:

— «Воленъ будь, царь, на бесѣдѣ. Когда спрашиваешь меня, скажу тебѣ правду: конь не захудалъ у меня; платье не изветшало у меня; не мало у меня и на прожитокъ всего довольно во дворѣ твоемъ. Воленъ будь, царь, на бесѣдѣ. Когда спрашиваешь меня, скажу тебѣ правду: слуги, что и послѣ меня пришли, все у тебя «сводворились», всѣхъ ихъ переженилъ ты, царь; а я у тебя «сводвориться» не могъ, только меня не захо-

тѣль ты, царь, женить въ пору младости и красоты моей».

Бесѣдуетъ къ нему сильный царь Степанъ:
— «Богъ мнѣ порукою, вѣрный слуга Лазарь! Не могу я женить тебя на свинопаскѣ или на коровницѣ. Ищу тебѣ госпожу-дѣвицу, а себѣ добраго пріятеля, кто бы сѣлъ у меня близъ колѣна, съ кѣмъ бы пить мнѣ вино холодное. Но слушай, вѣрный слуга Лазарь! Я нашель по тебѣ дѣвицу, а по себѣ добраго пріятеля, у того стараго Югъ-Богдана милую сестру девяти Юговичей, какъ разъ Милицу, милую, дочку младшую. Но помянуть о томъ Югу не смѣю, да и не легко помянуть ему: Богданъ рода господскаго, за прислужника не захочеть отдать дѣвицу. Но слушай, вѣрный слуга Лазарь! Ныпче пятница, а завтра суббота, а послѣ завтра праздникъ воскресенье: пойдѣмъ мы въ горы на охоту, позовемъ съ собою Югъ-Богдана стараго; съ нимъ пойдуть и девять Юговичей. Ты не ходи въ горы, Лазарь, а останься во дворѣ бѣломъ, да готовь господскую «вечерю». Какъ вернемся мы изъ горъ съ охоты, уговорю я Юга завернуть на вечерю, а ты уговаривай девять Юговичей. Сядѣмъ мы за столы позолоченные, а ты послѣши съ сахаромъ и водкою, да принеси вина краснаго. Напьемся мы вина холоднаго, и станеть Югъ бесѣдовать о всякой всячинѣ, и вынетъ

книги старославныя, и начнетъ рассказывать о послѣднемъ времени. Какъ услышишь это, вѣрный слуга Лазарь, бѣги ты на мою «тонкую кулу», да принеси ту чашу золотую, что на дняхъ купилъ я въ бѣломъ Варадинѣ городѣ у молодой дѣвицы, золотыхъ дѣлъ мастерицы, далъ за нее полтора вьюка денегъ; налей ты чашу ту краснымъ виномъ, поклонись ею старому Югъ-Богдану; Богданъ задумается, чѣмъ бы, Лазарь, отдарить тебя, а я ему и помяну про Милицу, дочку младшую».

Прошла пятница, прошла и суббота, скоро подошелъ и праздникъ воскресенье. Царь пошелъ въ горы на охоту и позвалъ съ собою Югъ-Богдана стараго; съ Югомъ пошли и девять Юговичей. Ловъ ловили они по горѣ зеленой; ничего не нашли, ничего не погубили, и поворотили ко двору своему. Царь уговорилъ Юга завернуть на вечерю, а Лазарь—девять Юговичей. Сѣли они за столы позелоченные: во главѣ стола сильный царь Степанъ, подлѣ него старый Югъ-Богданъ, а возлѣ Юга девять Юговичей. Имъ служить вѣрный слуга Лазарь: снѣшитъ онъ съ сахаромъ и водкою и приносить онъ вина краснаго. Какъ напились они холоднаго вина, стали бесѣдовать о всякой всячинѣ. Досталъ Югъ книги старославныя и принялся рассказывать о послѣднемъ времени:

— «Видите ли, красавцы братья мои, видите ли, что сказывается книга:

«Настанет послѣднее время: не будетъ овецъ и пшеницы, не будетъ въ полѣ пчелъ и цвѣтовъ; будетъ кумъ кума по судамъ волочить, будетъ братъ брата на поединокъ звать».

Какъ услышалъ то вѣрный слуга Лазарь, побѣждалъ онъ на «тонкую кулу» и принесъ онъ ту чашу золотую, налилъ ее краснымъ виномъ, поклонился ею Югъ-Богдану старому. Принялъ Богданъ чашу золотую, принялъ чашу, а пить не хочетъ; мыслить Богданъ, какъ и что и чѣмъ бы ему отдарить Лазаря.

Югу говорить девять Юговичей:

— «Батюшка нашъ, Югъ-Богданъ старый! Отчего не пьешь ты чашу, что тебѣ поклонился Лазарь?»

Говорить имъ Югъ-Богданъ старый:

— «Дѣти мои, девять Юговичей! Выпить чашу вина—то не трудъ мнѣ; а мыслю я, дорогія дѣти мои, чѣмъ-то будетъ отдарить мнѣ Лазаря».

Югу говорить девять Юговичей:

— «Легко будетъ, батюшка, и отдарить его: вдосталь у насъ коней и соколовъ; вдосталь у насъ перьевъ и шапокъ».

Тогда говорить сильный царь Степанъ:

— «Есть у Лазаря кони и соколы; есть

у Лазаря перья и шапки; не нужно Лазарю ни того, ни другаго. Лазарь хочетъ Милицу дѣвицу, какъ есть Милицу, милую, дочку младшую, милую сестру девяти Юговичей».

Какъ услышали то девять Юговичей, вскочили они на легкія ноги, потянули мечи булатные, хотять загубить царя въ стольномъ городѣ.

Молить ихъ Югъ-Богданъ старый:

— «Не можете, дѣтки, коли Бога знаете! Если царя загубите вы, клятва на васъ останется. Достану-ка я книги старославныя, да погляжу, дѣтки, въ книги, Милица суженая ли Лазаря».

Книги читаетъ старый Югъ-Богданъ, книги читаетъ, крупныя слезы ронить:

— «Нѣтъ, дѣтки, Милица суженая Лазарю; на немъ останется царство; съ нею будетъ царствовать Лазарь въ Брушевицѣ при рѣкѣ Моравѣ».

Какъ услышалъ то сильный царь Степанъ, хватился рукою за карманы и вынулъ тысячу дугатовъ и вынулъ золотой подарокъ, па подаркѣ три дорогихъ камня,—перстень Милицѣ дѣвицѣ. ¹⁾

Не даромъ старый Югъ-Богданъ ронилъ слезы, читая «старославныя книги», хотя

¹⁾ Српске народне піесме, скупио Вук Стеф. Карадж. II, 180—186.

онъ и предсказывали царскую власть его будущему зятю. Видно, старецъ нашель тамъ то-же, что нѣкогда по тѣмъ же книгамъ, но такъ еще глухо, предсказывала сестра Стефана Дечанскаго Елена, совѣтуя брату строить монастырь изъ «холоднаго камня». Можетъ быть, въ эту пору въ пророческихъ книгахъ появилось уже точное указаніе и на время грядущаго разрушенія царства; можетъ быть, Югъ-Богданъ прочель уже тамъ и такъ знакомыя ему имена: Югъ-Богдана стараго, девять братьевъ Юговичей и Милицы, любы Лазаря.

Тихо протекала семейная жизнь Лазаря. У него уже дочери-невѣсты. Сидятъ онъ съ матерью подъ окномъ, обсуживая достоинства жениховъ, и чуетъ въщее сердце Милицы, чуетъ, что ни ей, ни Лазарю, ни всему народу сербскому, не видать добра отъ ея нареченнаго зятя, Вука Бранковича, и готова бы любящая мать отдать свои черныя очи, лишь бы только Вукъ Бранковичъ былъ похожъ на Милоша Обилича.

«У окна, рассказываетъ пѣсня, сидѣла Милица, подруга князя Лазаря, и съ нею были у окна двѣ родныя ея дочки.

Милица стала говорить имъ, своимъ дочерямъ:

— «Любо поглядѣть на Лазаря между зятьями! Но я, Милица, дала бы изъ головы

свои черныя очи, чтобы Волкъ Бранковичъ былъ таковъ, какъ Милошъ Кобыловичъ».

А Волкова невѣста отвѣчаетъ своей матери:

— «Но за то Волка родила прекрасная городская боярыня, а Милоша Кобыловича молодая влахия (пастушка), влахия родила, подъ кобылою вскормила».

Ей говорить невѣста Милошева:

— «Все то правда, что ты говоришь, сестрица, что Волка родила прекрасная городская боярыня, а моего жениха молодая влахия, влахия родила, подъ кобылою вскормила, потому и зовется онъ Милошъ Кобыловичъ. Но та кобыла на двухъ бы наскочила волковъ и вышибла бы имъ заднимъ копытомъ передніе зубы. Твой Волкъ красуется куньими и рысьими мѣхами, а Милошъ Кобыловичъ прекраснымъ шелкомъ и бархатомъ».

Досадно стало молодой невѣстѣ Волковой отъ этихъ словъ, и она ударила сестру по умяному бѣлому личику, такъ немилостиво ее ударила, что оцарапала сестрицѣ бѣлое личико перстнемъ, золотымъ перстнемъ съ алмазомъ, который былъ у нея на рукѣ. Кровь потекла у дѣвушки внизъ по бѣлому личику. Ушла молодая въ зеленые сады и стала плакать подъ зеленымъ деревомъ померанцевымъ, проливаетъ горькія слезы и отираетъ черную кровь.

Въ то время Лазарь возвратился въ свои бѣлыя палаты. Коня подъ нимъ приняла Милица, его подруга, подъ молодымъ Волкомъ Брапковичемъ—его молодая невѣста, а некому принять коня подъ Милошемъ Кобыловичемъ: Милошъ оглядывается во все стороны. Тогда Милица пошла, чтобы принять подъ нимъ добраго коня, но Милошъ не далъ ей и подойти къ коню: ему случилось посмотреть въ зеленый садъ, и онъ завидѣлъ подъ померанцевымъ деревомъ свою молодую невѣсту, какъ она проливаетъ слезы и отираетъ черную кровь. Быстро соскочилъ Милошъ съ своего коня и бросился молодецъ въ зеленый садъ.

Онъ сталъ спрашивать свою молодую невѣсту:

— «Что съ тобою, молодая дѣвушка? отчего проливаешь горькія слезы и отираешь черную кровь? отчего замарала черная кровь твое личико?»

Дѣвушка стала отвѣчать Милошу:

— «Разскажу тебѣ все, какъ было. Нынче утромъ сидѣли мы въ бѣлыхъ палатахъ у окна, и съ нами разговаривала Милица, наша матушка. «Любо поглядѣть на Лазаря между зятьями, она сказала, но если бы Волкъ Брапковичъ былъ таковъ, какъ Милошъ Кобыловичъ, я, Милица, дала бы изъ головы свои черныя очи». А моя сестрица

отвѣчала матушкѣ: «но за то Волка родила прекрасная городская боярыня, а Милоша Кобыловича молодая влахия, влахия родила, подъ кобылою вскормила, и потому зовется онъ Милошъ Кобыловичъ». А я отвѣчаю ей такъ на эти рѣчи: «все то правда, что ты говоришь, сестрица, что Волка родила прекрасная городская боярыня, а Милоша Кобыловича молодая влахия, влахия родила, подъ кобылою вскормила. Но та кобыла на двухъ бы наскочила волковъ и вышибла бы имъ заднимъ копытомъ передніе зубы. Твой Волкъ красуется куньими и рысьими мѣхами, а мой женихъ Милошъ прекраснымъ шелкомъ и бархатомъ». Ей тогда стало досадно при этихъ словахъ, и она ударила меня рукою по румяному бѣлому личику; такъ сердито ударила меня, что кровь полилась у меня внизъ по бѣлому личику. Вотъ почему проливаю слезы и отираю черную кровь».

Когда Милошъ выслушалъ ту дѣвушку, онъ крѣпко смутился въ своемъ живомъ сердцѣ. Скокомъ выскочилъ онъ изъ зеленаго сада, онъ схватилъ Волка за тонкое горло молодецкое, повалилъ его на черную землю и сталъ его бить правою ногою, вышибъ ему два здоровыхъ зуба изъ русой головы.

Лазарь между тѣмъ бросился къ Милошу:

— «Перестань, зять Милошъ, говорилъ онъ, да пощадить тебя великій Богъ! перестань буянить и ссориться съ Волкомъ».

Едва упросилъ его князь Лазарь». ²⁾

Много лѣтъ счастливо прожилъ Лазарь съ Милицею. У нихъ уже есть сынъ, наслѣдникъ престола, Степанъ Высокій; уже младшая дочь выдана замужъ за славнаго воеводу Милоша Обилича. Лишь о душѣ остается помыслить престарѣлымъ супругамъ. И вотъ на пиру въ день своего рожденія задумываетъ Лазарь строить церковь на поминъ своей душѣ, славную задушбину Раваницу.

«Праздникъ справляетъ славный князь Лазарь въ Крушевцѣ крѣпости, праздникъ справляетъ въ честь пророка Амоса. Всѣхъ господъ созвалъ онъ письмами и здравицами. ³⁾ Сошлись къ нему всѣ сербскіе господа; посадилъ онъ ихъ рядомъ за столомъ, по господству ихъ и по старшинству. Во главѣ стола сидитъ славный князь Лазарь. Сидятъ они и пьютъ холодное вино. А какъ дошло до самаго лучшаго вина и стали бесѣдовать о всякомъ добрѣ, вступаетъ въ покой госпожа Милица; легко идетъ она по царскому покою. На ней девять поясовъ; на шеѣ у нея девять ожерельевъ, а на головѣ девять уборовъ, надъ уборами корона золотая, а въ коронѣ три камня драгоцѣнныхъ, нечью сіяютъ какъ солнце днемъ.

²⁾ Зап. Им. Р. Геогр. Общ. XIII, 243—248.

³⁾ *Здравца*—чаша, вообще сосудъ, наполненный виномъ, съ которымъ зазываютъ гостей на свадьбу, на крестины и т. п.

Бесѣдуетъ она къ славному Лазарю:

— «Господинъ, славный князь Лазарь! Зазорно мнѣ и поглядѣть-то на тебя, а не то что говорить съ тобой. Да дѣлать нечего: буду говорить. Что было Неманичей старыхъ, царствовали и миновали, никто изъ нихъ не собиралъ въ кучу денегъ, а строили они задушбины, построили много монастырей: построили высокое Дечане, какъ есть Дечане, выше Дьяковицы; Патаршию выше Печи равной; у Дреницы былую Дѣвичу, и Петрову церковь подъ Пазаромъ, а повыше Джурджевы (Георгіевы) Столпы; Сопочане наверху холодной Рашки, и Троицу въ Герцеговинѣ; церковь Янью въ Старомъ Влахѣ, и Павлицу подъ Ядовникомъ; Студеницу подъ Брвеникомъ; церковь Жичу выше Карановца; въ Призренѣ церковь святую Петку; Грачаницу на Косовѣ ровномъ. Все то ихъ задушбины. Ты остался на ихъ престолѣ, собираешь деньги въ кучу и нигдѣ не строишь ты задушбины. Не будетъ за то намъ добра, ни для здоровья, ни для души нашей, ни намъ, никому нашему».

Тогда говорить славный князь Лазарь:

— «Слышите ли вы, господа сербскіе, что говоритъ госпожа Милица, будто я нигдѣ не строю задушбины? Построю же я церковь Раваницу, на Ресавѣ, близъ рѣки Равана. Добра у меня—сколько угодно.

Основу выложу свинцовую, стѣны церкви выведу, изъ серебра бѣлаго выведу; покрою ее краснымъ золотомъ; унижу ее дробнымъ бисеромъ, наполню ее дорогимъ каменьямъ».

Всеъ господа встали на ноги и честно поклонились князю:

— «Строй, княже! Будеть тебѣ то за душу и на здоровье Степану Высокому».

Но сидить тутъ Обиличъ Милошъ, сидитъ Милошъ на концѣ стола, Милошъ сидитъ, ничего не говорить.

Видитъ славный князь Лазарь, что ничего не говоритъ ему Милошъ; наливаетъ онъ въ честь ему золотую чашу вина:

— «Будь здоровъ, воевода Милошъ! Скажи-ка мнѣ и ты что-нибудь. Хочу я строить задушбину.»

Вскочилъ Милошъ съ земли на ноги, скидаетъ съ головы соболиную шапку съ серебрянымъ перомъ, ⁴⁾ честно князю прислуживаетъ выпить. Передала и ему золотую чашу вина. Принялъ Милошъ золотую чашу, но не пьетъ ее и такъ бесѣдуетъ:

— «Похвала тебѣ, княже, на бесѣдѣ твоей. А что хочешь ты строить задушбину, такъ не время и не бывать тому. Возьми, княже, книги староставныя; погляди-ка, что

⁴⁾ Такое перо (челенка) жаловалось за отрѣзанныя у неприятелей головы.

намъ книги сказываютъ: «настало послѣднее время; уже готовы турки взять царство; скоро уже они станутъ царствовать. Разрушать они наши задушбины; разрушать они наши монастыри; разрушать они церковь Раваницу; выкопаютъ они основу свинцовую, сольютъ они изъ нея ядра для пушекъ, да и станутъ ими разбивать наши города; разберутъ они стѣны у церкви, перельютъ они серебро на уборы конямъ своимъ арабскимъ; снимутъ они крышу у церкви, скуютъ золотыя ожерелья турчанкамъ; разнижутъ съ церкви бисеръ, турчанкамъ ожерелья унижутъ; достанутъ дорогіе каменья и вставятъ ихъ саблямъ въ рукоятки и турчанкамъ въ золотыя перстни. Но слышишь ли, славный князь Лазарь! Давай-ка копать мраморъ-камень, да построимъ церковь изъ камня. Возьмутъ турки царство, а наши задушбины будутъ служить отъ вѣка досуда Божьяго: отъ камня—никому ни камня».

Какъ услышалъ то славный князь Лазарь, говоритъ Милошу:

— «Хвала тебѣ, воевода Милошъ, хвала тебѣ за твою бесѣду! Истину сказалъ ты. ³⁾»

4-го декабря.

³⁾ Српске народне пиесме, скупио Вук. Стеф. Карадж. II, 198—202.

XVII.

Боснійское католичество наканунѣ паденія царства сербскаго.—Состязаніе Милоша Обилича съ господами латинами.—Отношеніе Сербіи къ мадьярамъ.—Милошъ въ плѣну у Вучи генерала.—Подвигъ Марка королевича.

Католическая язва, со временъ Стефана Немани и до нашихъ дней разъѣдающая Боснію, ничѣмъ, повидимому, не заявила себя во дни паденія царства сербскаго. Исторія, по крайней мѣрѣ, умалчиваетъ объ этомъ. За то народная пѣсня, всегда болѣе чуткая къ дѣйствительному смыслу событій, не упустила изъ виду неумѣстное соперничество католичества съ православіемъ и въ эти печальные дни. Въ лицѣ «господъ латинъ» съ боснійско-католической и Милоша Обилича со стороны сербско-православной, происходитъ состязаніе между тѣмъ и другимъ исповѣданіемъ. Благочестіе той и другой стороны опредѣляется при этомъ, согласно простодушному взгляду народа, количествомъ церквей и ихъ высотой, что и даетъ возможность пѣснѣ не только представить слушателю всю церковную красоту сербскаго православія, на мѣстѣ которой гото-

ва уже водвориться мерзость запустѣнія, но и раскрыть всю сербскую исторію въ лицѣ ея царственныхъ представителей отъ Немани и до Лазаря.

«Милый Боже, чудо великое! Когда славный сербскій князь Лазарь, такъ рассказываетъ пѣсня, послалъ зятя своего Милоша Обилича къ латинамъ собрать подати, дивно приняли его латины и по господски учествовали, а потомъ повели его предъ бѣлую церковь, предъ бѣлую церковь, Дмитріеву.

И стали хвалиться латинскіе господа:

— «Вотъ видишь ли, Милошъ воевода, видишь ли нашу церковь Дмитріеву, какъ велика и какъ хороша она! А у васъ-то нѣтъ такихъ церквей!»

Отвѣчаетъ имъ воевода Милошъ:

— «Мудры вы, господа латинскіе, мудры, а говорите глупо. Да вы знаете ли наши монастыри, нашихъ славныхъ царей задушбинны, какъ хороши и какъ велики они! Посмотрите на Лавру Студеницкую, не далеко отъ Новаго Пазара; посмотрите на Джурджевы Столпы, близъ дворцовъ старыхъ дожей, задушбину царя Симеона; посмотрите на чудо невиданное, бѣлый Хиландарь посреди Святой горы, задушбину Савы святителя и родителя его Симеона; посмотрите на Жичу близъ Моравы и близъ Ибра выше Карановца; — Сопочане на истокѣ Рашки, задушбину

святаго Стефана, краля сербскаго Первовѣчаннаго; посмотрите на великую Попрачу, на истокъ Спречи выше Зворнига, подъ высокою горою Бороговою, задушбину жупана Вукана; посмотрите на высокое Дечане, близъ Призрена, града бѣлаго, задушбину короля Дечанскаго; посмотрите на Рачу бѣлѣйшую, близъ Сокола, подлѣ рѣки Дрины; посмотрите на прекрасную Троношу, близъ Лозницы, на рѣкѣ Троношѣ, задушбину братьевъ Юговичей; посмотрите на славную Раваницу, у Ресавы, ниже Парачина, на студеной рѣкѣ Раваницѣ, задушбину нашего господаря, господаря, славнаго князь-Лазаря; и остальные сербскіе монастыри, посмотрите и подавитесь, какъ хороши и какъ велики они!»

Милошъ хвалится, что онъ перекинетъ свой тяжелый буздованъ ¹⁾ черезъ латинскую церковь Димитріеву.

«Латины, продолжаетъ пѣсія, не повѣрили тому и побились съ Милошемъ объ закладъ на тысячу желтыхъ дукатовъ.

«Взялъ Милошъ переный буздованъ, засучилъ бѣлые рукава и молился потомъ Богу истинному:

— «Прости, Боже и бѣлая церковь, что я брошу разъ черезъ тебя; не хочу я на тебя; хочу только черезъ тебя.»

¹⁾ Буздован—родъ дубины, палица, булава.

Бросилъ онъ переный буздованъ; залетѣлъ буздованъ за облако.

Одни говорятъ:

— «Перекинулъ.»

Другіе говорятъ:

— «Не докинулъ.»

Третьи говорятъ:

— «Да, и высоко.»

Какъ полетѣлъ влизъ изъ-за облака надъ бѣлою церковью переный буздованъ, онъ ударилъ во дворъ бановъ и разбилъ стеклянную сторожку и убилъ тамъ двухъ сыновей бановыхъ и четыре морскихъ генерала и двѣнадцать властелей великихъ.

Какъ увидали то господа матинскіе, ухватили они воеводу Милоша, бросили его на дно въ темницу.

Часто Милошъ сквозь прозоръ (окно) поглядываль, не увидитъ ли онъ кого. И увидѣлъ онъ Косту цыганина, началъ его, какъ по Богу брата, умаливать:

— «По Богу братъ, Коста цыганинъ! Вотъ тебѣ три желтыхъ дуката. Принеси ты мнѣ одинъ листъ бумаги, листъ бумаги, безъ письменъ письмо.» ²⁾

²⁾ Письменные сношенія героевъ—общее мѣсто сербской народной поэзіи, свидѣтельствующее, повидимому, о значительномъ въ древности распространеніи грамотности между южными славянами.

Бога ради принялъ это Коста, принесъ ему онъ одинъ листъ бумаги, листъ бумаги, безъ письменъ письмо.

Сѣлъ Милошъ мелкое письмо писать къ своему тестю, князю сербскому Лазарю; онъ не пишетъ его тѣмъ, чѣмъ письма пишутъ, а онъ пишетъ его кровью изъ лица. Все рассказалъ ему, что и какъ есть.

Когда дошло до Лазаря мелкое письмо, и увидѣлъ онъ, что оно ему сказывало, глядитъ онъ въ письмо, другое мелкое пишетъ, да и шлетъ его господамъ латинскимъ. А въ письмѣ къ нимъ такъ бесѣдовалъ:

— «Слышите ли, господа латинскіе! Отпустите вы мнѣ зятя моего Милоша; отдайте ему подати поземельныя и закладъ въ тысячу дукатовъ. Если же его вы тотчасъ не отпустите, да поможетъ мнѣ моя вѣра! подыму я на васъ сербовъ и мадьяръ, разграблю всю землю вашу, разграблю, огнемъ поपालю.»

Когда латины прочитали письмо, тотчасъ же отпустили они Милоша, отдали ему поземельныя подати и закладъ въ тысячу дукатовъ». ³⁾

Двоедушная лоскутница, то разжигавшая возстаніе въ Герцеговинѣ общаниемъ помоща, то въ лицѣ Родича еженедѣльно, съ

³⁾ Српске народне пиѣсме, скупио Вук Стеф. Карадж II, 211—214.

опытностію стариннаго педагога, оставлявшая безъ обѣда несчастныхъ герцеговинскихъ бѣглецовъ за ихъ несогласное съ австрійскими видами поведеніе, а теперь «удивляющая весь міръ» такъ не кетати разрывающимися на ея молоторахъ подѣ Бѣградомъ гранатами, разумѣется, не могла остаться безучастною и во дни паденія сербскаго царства. Современные аресты вожаковъ возстанія (герцеговинскій воевода Мусичъ и друг.) и даже рядовыхъ бойцовъ (исторія болгаръ на пароходѣ «Раденцій») практиковались венгерскими наѣздниками и въ XIV в., хотя и тогда, какъ и теперь, венгры не рѣшались вооруженною рукою поддерживать своихъ турецкихъ братьевъ. Исторія прошла молчаніемъ эти мелочныя придряки; запомнила это только народная пѣсня, какъ постоянная свидѣтельница безчисленныхъ съ 14 по 19 столѣтіе подобныхъ на помощь исламу вмѣшательствъ апостольской державы.

«Громъ ли гремитъ, земля ли трясется? спрашивается пѣсня и отвѣчаетъ: нѣтъ, ни громъ не гремитъ, ни земля не трясется, а грохочутъ кушки въ городѣ, въ крѣпкомъ городѣ Варадияѣ: веселье чинить Вуча генералъ, потому что добычу добылъ Вуча, трехъ воеводъ сербскихъ захватилъ: одного Цилона отъ Пецеря, другаго Топлицу Ми-

лана, а третьяго Косанчича Ивана; бросилъ ихъ на дно въ темницу, гдѣ «лежать вода до колѣна, а юнацкія кости до рамена».

Плачетъ юнакъ Милошъ отъ Поцерья, плачетъ Милошъ, какъ лютая змѣя, потому что не привыкъ Милошъ переносить муку и неволю; плачетъ Милошъ, какъ лютая змѣя. Приволокъ онъ къ огню темницы, да и глядитъ юнакъ по улицѣ, не увидитъ ли кого изъ знаемыхъ.

Вотъ онъ видитъ «почту книгоношу», вызываетъ его Милошъ отъ Поцерья:

— По Богу братъ, почта книгоноша, принеси ты мнѣ одинъ листъ бумаги, чтобы написать мнѣ одно мелкое письмо.

Бога ради почта согласился, принесъ ему одинъ листъ бумаги. Вотъ я пишу тебѣ Милошъ мелкое письмо побратиму своему Марку королевичу въ бѣломъ городѣ Прилипѣ:

— «По Богу братъ, Марко королевичъ!

Или ты не слышишь, или обо мнѣ ты не печешься? Въ тижкія побратимъ, впалъ я муки, въ мадыарскія руки. Схватилъ меня Вуча генералъ и обоихъ моихъ побратимовъ; бросилъ насъ на дно въ темницу, гдѣ «лежитъ вода до колѣна, а юнацкія кости до рамена.» Лежимъ, братъ, три бѣлыхъ дня; а какъ будетъ, братъ, еще три дня, никогда ты меня больше не увидишь. Избавь ме-

ня, обратимъ Марко, хоть за деньги, хоть ради юначества.»

Ударилъ онъ перомъ въ лице, наточилъ крови, кровью письмо запечаталъ, отдалъ его почтъ-книгоношѣ и далъ ему двѣнадцать дукатовъ.

Говорилъ потомъ Милонъ почтъ-книгоношѣ:

— «Неси письмо къ бѣлому Прилипу на колѣно Марку королевичу.»

Пошелъ почта къ бѣлому Прилипу и пришелъ туда въ святое воскресенье, когда сербы были въ церкви. Стоялъ почта передъ бѣлою церковью, пока Марко изъ церкви не вышелъ. А какъ вышелъ королевичъ Марко, почта швапку положилъ подъмышку, поклонился Марку до земли, потомъ подалъ ему листъ тонкаго письма.

Принялъ Марко письмо мелкое, стоячи прочелъ его; увидѣлъ, что сказываетъ ему письмо, и ударились у него слезы отъ очей.

И сталъ тогда Марко бесѣдовать:

— «Увы мнѣ, дорогой мой побратимъ! Въ какую, несчастный, ты впалъ бѣду! Но яланусь моею твердой вѣрой! Я избавлю тебя, побратимъ, хоть за деньги, хоть ради юначества.»

И пошелъ онъ на свою тонкую вулу, присѣлъ немного, выпилъ вина, препоясался саблею окованною, надѣлъ волчью шубу,

а на голову волчью шапку, привязалъ ее чернымъ платкомъ, потомъ взялъ копые убійственное и спустился въ погребъ къ Шарцу, ⁴⁾ снарядилъ Шарца, подтянулъ его седмью подпругами, взнуздаль его уздою иззолоченною, наполнилъ потомъ мѣхъ вина, привѣсилъ его къ сѣдлу Шарины, а съ правой стороны палицу тяжелую, да такъ, чтобы не покривилась она ни туда, ни сюда; бросилъ потомъ на спину Шарцу, повернулъ коня отъ города Прилина и поѣхалъ прямо къ стольному Бѣлграду.

Подѣхавъ къ Бѣлграду, Марко, продолжаетъ пѣсня, ободрился, вынулъ вина и повернулъ коня прямо къ Дунаю. Перевозчикъ съ паромомъ находился на противоположномъ берегу. Дважды Марко крикнулъ перевозчику, а больше и дожидаться не захотѣлъ, а направивъ Шарца на Дунай, поѣхалъ прямо къ городу Варадину, подъ Варадиномъ на поле зеленое. Тутъ остановилъ онъ коня, воткнулъ въ землю копые и привязалъ къ нему Шарца, затѣмъ скинулъ мѣхъ съ сѣдла, бросилъ его на зеленую траву, да и сѣлъ пить червленое вино. Онъ не пьетъ его, чѣмъ пьютъ вино; пьетъ братиною въ

⁴⁾ *Шарца* или *Шарина*—знаменитый конь Марка королевича, такъ названный по своей масти, сѣрой.

двѣнадцать окъ, ⁵⁾ на половину пьеть, на половину Шарцу дасть.

Когда утромъ утро разсвѣло, вышла погулять по стѣнѣ города Варадина Велемировица, милая сноха Вучи генерала; поглядѣла она внизъ зелена поля, въ полѣ Марка усмотрѣла. Какъ увидѣла она королевича Марка, трехлѣтняя охватила ее лихорадка (грозница); побѣжала Велемировица въ бѣлый дворъ.

Допытовался у ней Вуча генераль:

— «Что съ тобою, моя дорогая сноха?»

Велемировица рассказала ему все, что видѣла. Она подробно описала одежду, наружность и вооруженіе Марка королевича.

Говорить ей Вуча генераль:

— «Не пугайся, моя сноха дорогая! Такіе-то сидятъ у меня въ темницѣ; и его присоединю я къ нимъ.»

Потомъ призвалъ онъ сына Велемира:

— «Велемиръ, чадо мое дорогое! Возьми ты триста всадниковъ; иди ты внизъ на поле широкое; приведи ты ко мнѣ того юнака.»

Вскочилъ Велемиръ на ноги, взялъ триста всадниковъ, сѣлъ на бѣшеннаго коня вороного, выѣхалъ въ городскія ворота и окружилъ Марка съ четырехъ сторонъ.

Марко сидитъ, пьеть червленое вино.

⁵⁾ Око—мѣра вѣса въ 2¼ фунта.

Шарць, увидѣвъ всадниковъ, даетъ знакъ своему господину. Допилъ Марко братину вина, бросилъ ее на зеленую траву и вскочилъ на своего коня.

Да, замѣчаетъ пѣсикъ, стоило посмотрѣть, какъ ударилъ Марко на всадниковъ, словно соколъ между голубями: что погубилъ саблею окованною, что растопталъ Шарнемъ конемъ, что потопилъ въ тихомъ Дунаѣ! Побѣждалъ Вележиръ, но Марко настигъ его, хватилъ слегка палицею, и палъ юноша на зеленую траву. Марко связалъ пѣснику руки и ноги, а самъ опять сѣлъ пить вино.

Велемировица, по прежнему наблюдая съ городской стѣны, повѣдала Вучѣ генералу о несчастной участи его сына.

Тогда проговорилъ Вуча генералъ:

— «Не бойся, сноха моя дорогая! Вотъ увидишь ты, какъ самъ старецъ двинется.»

Грянули пушки въ городѣ. Три тысячи собралъ Вуча всадниковъ, сѣлъ на свою арабскую кобылу и выѣхалъ въ городскія ворота.

И на этотъ разъ Марко не замѣтилъ приближающейся опасности и приготовился къ бою только по знаку, поданному ему вѣщимъ его конемъ.

Стоило сѣсть и посмотрѣть, замѣчаетъ пѣсикъ, какъ преслѣдовалъ Марко по полю

всадниковъ. Сабля у него въ правой рукѣ, въ лѣвой кодые убійственное, а въ зубахъ узда Шарца. Кого саблей Марко ударялъ, по двое изъ одного онъ дѣлалъ; кого конь-емъ Марко ударялъ, черезъ себя его пере-брасывалъ.

Вся конница была истреблена. Поражен-ный рукояткою палицы, упалъ Вуча на зеленую траву и былъ взятъ Маркомъ въ плѣнъ. Привязавъ сына и отца къ отпятому у Вучи коню, отправился Марко прямо къ бѣлому Прилипу, гдѣ и бросилъ обоихъ плѣнни-ковъ въ тюрьму.

Письмо пишетъ жена Вучи генерала и шлетъ его въ бѣлый Прилипъ:

— «По Богу братъ, королевичъ Марко!

Не губи ты мнѣ Вучу генерала и моего сына Велемира: проси, Марко, что тебѣ угодно».

Марко отвѣчаетъ ей письмомъ же, требуя освобожденія своихъ побратимовъ.

— «Отпусти ты мнѣ стараго Топлицу и дай ему три мѣшка денегъ, потому что юнакъ потерялъ много времени; дай и мнѣ три мѣшка денегъ, что я мучилъ моего Шарину».

Объ остальномъ совѣтуетъ ей столкнать-ся съ Милошемъ.

Пошло письмо къ городу Варадину, и какъ дошло оно до жены Вучи генерала,

смотритъ она въ письмо, шлетъ деньги Марку Прилипчанину, беретъ ключи отъ темницы, отворяетъ проклятую темницу и выводитъ трехъ молодыхъ воеводъ и съ ними стараго Топлицу, ведетъ ихъ на бѣлую кулу, призываетъ борообрѣвѣвъ: одни моютъ, другіе брѣютъ, третьи ногти плѣнникамъ обрѣзываютъ. Принесла она узникамъ вина и водки и всякаго прекраснаго угощенья.

Потомъ говоритъ она Милошу воеводѣ:

— «По Богу братъ, воевода Милошъ! Отпусти мнѣ моего господина и сына моего Велемира».

Милошъ требуетъ вороного коня Вучи генерала, на которомъ тотъ ѣздитъ разъ въ году въ церковь. Это для себя. Для стараго же Топлицы проситъ золотую карету и при ней двѣнадцать вороныхъ коней, которыхъ запрягаютъ только тогда, когда ѣздитъ Вуча къ кесарю. Въ этой каретѣ долженъ отправиться домой старій Топлица, одѣтый въ платье Вучи генерала, что носить тотъ въ св. Пасху. Все это исполнила жена Вучи генерала и сверхъ того каждому юнаку дала по тысячѣ дукатовъ, чтобы пить вино до Прилипа. Тогда и Марко отпустилъ Вучу генерала и сына его Велемира и далъ имъ много проводниковъ до самаго города Вара-

дина. Воеводы раздѣлили деньги, выпили червленого вина, поцѣловались въ бѣлое лицо, а Марка каждый поцѣловалъ въ бѣлую руку, и пошли ко своимъ дворамъ. *)

22-го декабря.

*) Српске народне пјесме, скупио Вук. Стеф. Барадж. II, 245—255

ХVIII.

Письмо Мурада къ Лазарю.—Выборъ царства.—
Канушь Косовской битвы.—Объщаніе Милома
Обилича.—Просьба царицы Милицы.—Утро Ви-
дова дня.—Бошко и Войшь Юговичи.—Голубань.

Пора однако перейти къ эпическимъ пре-
даніямъ о роковой битвѣ на Косовомъ
полѣ.

«Подошелъ царь Мурадъ къ Косову, по-
дошелъ, мелкое письмо пишетъ, да и шлетъ
его въ городъ Крушеваць на колѣно къ
сербскому князю Лазарю:

«Лазарь, глава Сербіи!

И не было, и быть того не можетъ: од-
на земля, а два государя; одна райя, а
двойныя подати: оба вмѣстѣ мы не можемъ
царствовать. Ты пришли-ка мнѣ ключи и
подати: златые ключи отъ своихъ городовъ
и подати за семь лѣтъ. Не пришлешь ты
мнѣ этого, иди ты на поле Косово, ста-
немъ мы дѣлать землю саблями.»

Какъ дошло до Лазаря мелкое письмо,
въ письмо глядитъ онъ, крупныя слезы
ронить»... ¹⁾

¹⁾ Карадж. II, 309.

Повидимому, къ этой же въ цѣломъ видѣ до насъ, къ сожалѣнію, не дошедшей пѣснѣ относится и этотъ раздирающій душу стонъ:

«Эхъ, послушать бы кому, какъ люто князь заклиналъ:

— «Кто не придетъ въ бой на Косово, отъ руки ему ничего не родилось бы: ни въ полѣ бѣлой пшеницы, ни на горѣ виноградской вѣточки!»²⁾

Но Лазарь зналъ уже о роковомъ исходѣ предстоящей битвы; какъ св. мученикъ, онъ предпочелъ побѣдѣ пораженіе, царству земному царство небесное.

«Полетѣлъ соколъ птица сивая отъ святыни, отъ Иерусалима, и несетъ онъ птицу ластовицу. Но то не былъ соколъ птица сивая, а то былъ святитель Илія; не несетъ онъ птицу ластовицу, а несетъ онъ грамоту отъ Богородицы; отнесъ онъ грамоту къ царю на Косово, спустилъ ее царю на колѣно; сама грамота къ царю бесѣдовала.

— «Царь Лазарь, честное колѣно!

Какого ты хочешь себѣ царства: царства ли небеснаго или царства земнаго? Если хочешь ты земнаго царства, сѣдлай коня, надѣвай

²⁾ Карадж. II, 309—310. Прекрасный переводъ этихъ и вообще большей части пѣсней эпохи Лазаря читатель найдетъ въ Русск. Бесѣдѣ 1857 г. кн. 6. въ „Лазарицѣ“ П. А. Беззюнова.

доспѣхи, богатырской саблей пренояшьяся и тельно ударь на турокъ: всѣ турецкія войска погибнуть. Если хочешь царства ты небеснаго, строй ты церковь на Косовомъ полѣ, выводи не мраморныя стѣны, а чистаго бархату и шелку, и дай войску причаститься: все твое погибнетъ войско, и ты съ нимъ погибнешь, княже.»

Выслушаль царь эти рѣчи, и сталъ онъ про себя мыслить:

— «Милосердый Боже! Какъ мнѣ быть? Какое мнѣ выбрать царство: царство ли небесное или царство земное? Если я выберу царство, выберу царство земное, — земное царство не надолго, а небесное царство во вѣки вѣковъ.»

И выбралъ царь царство, не земное царство, а царство небесное, и построилъ онъ на Косовѣ церковь, вывелъ не мраморныя стѣны, а чистаго бархату и шелку, призвалъ потомъ сербскаго патріарха, да двѣнадцать владыкъ великихъ и святое далъ причастье войску.» ³⁾

Теперь мы наканунѣ Косовой битвы. Завтра 15 іюня, Видовъ день, день Амоса

³⁾ Карадж. II, 295—296. Стихотворный, но весьма близкій къ подлиннику переводъ этой пѣсни сдѣланъ еще покойнымъ П. Кирѣевскимъ и перепечатанъ между прочимъ въ „Сборникъ“ г. Гербеля.

пророка, святаго покровителя Лазаря. И теперь, какъ и 14 лѣтъ тому назадъ, когда въ этотъ же день рѣшено было на пиру построение церкви Раваницы, хочеть праздновать Лазарь канунъ праздника. Но не веселыя думы занимають пирующихъ.

«Всѣ госнода сидять за столомъ, всѣ госнода, старые и молодые: съ правой стороны старый Югъ-Богданъ и съ нимъ девять Юговичей, съ лѣвой Вукъ Бранковичъ и остальные всѣ госнода по порядку; противъ Лазаря воевода Милошъ, а около Милоша двое сербскихъ воеводъ: одинъ Косанчичъ Иванъ, другой Топлица Миланъ.

Подымаетъ царь золотой кубокъ вина и говоритъ своимъ госнодамъ сербскимъ:

— «Кому «наздравить» мнѣ эту чашу? Если выпить по старшинству, выпью я за стараго Югъ-Богдана; по господству же — за Вука Бранковича; по любви — за моихъ шурьевъ, девять шурьевъ, девять Юговичей; по красотѣ — за Косанчича Ивана; по вышинѣ — за Топлицу Милана; а коль пить по молодечеству, выпью и за воеводу Милоша. Такъ не стану же пить ни за кого другаго, выпью за здорье Милошъ-Обидича. Будь здорье, Милошъ, «вѣра и невѣра», сперва вѣра, а потомъ невѣра! Завтра выдашь ты меня на Косовѣ, перебѣдшишь ты въ турецкому царю

Мурату. Будь же здоровъ и выней здравцу: вино выней, а кубокъ въ даръ тебѣ!»

Вскочилъ Милошъ на легкія ноги, кланяется до черной земли:

— «Спасибо тебѣ, славный князь Лазарь, спасибо тебѣ за твою здравцу, за здравцу и за подарокъ твой, а не спасибо тебѣ на такой бесѣдѣ! Клянусь тебѣ вѣрой, я невѣрой никогда не былъ, не былъ, никогда не буду! Завтра на Косовомъ за христіанскую вѣру мыслью я погибнуть. А невѣра у тебя близь колѣна сидитъ, изъ подъ полы пьетъ холодное вино, проклятый Вукъ Бранковичъ! Завтра красный Видовъ день; на полѣ Косовомъ увидимъ мы, кто вѣра и кто невѣра. А клянусь я Богомъ Великимъ! Пойду я завтра на Косово и заколю я турецкаго царя Мурата и стану ему ногою подъ горло. А дастъ мнѣ Богъ счастье и ворочусь по добру по здорову въ Крушевацъ, ухвачу я Вука Бранковича, привяжу его къ копью боевому, какъ вызываетъ жена кудель къ пряслицѣ, да и понесу его на Косово поле». ⁴⁾

Но не одними военными рѣчами наполнилась бесѣда. Милица не можетъ преодолѣть женской слабости, и проситъ она Лазаря

⁴⁾ Карадж. II. 310—312.

оставить ей хоть одного брата, не уводить всѣхъ на Косово, чтобы было кѣмъ при случаѣ сестрѣ поклясться. ⁵⁾

«Царь Лазарь сидитъ за ужиномъ; около него царица Милица.

Говоритъ ей царица Милица:

— Царь Лазарь, сербская корона золотая! Ты уходишь завтра на Косово и уводишь съ собою слугъ и воеводъ, а во дворѣ, царь Лазарь, никого изъ мужскихъ головъ ты не оставляешь, кто бы могъ къ тебѣ письмо снести на Косово и назадъ вернуться. Уводишь ты у меня девять милыхъ братьевъ, девять братьевъ, девять Юговичей. Оставь ты мнѣ брата хоть единого, единого брата, кѣмъ могла бь сестра поклясться.

Отвѣчаетъ ей сербскій князь Лазарь:

— «Государыня моя, царица Милица! Когда бы изъ братьевъ желала ты, чтобы оставилъ я во дворѣ бѣломъ?»

— Оставь мнѣ Бошка Юговича.

Тогда говоритъ сербскій князь Лазарь:

— «Государыня моя, царица Милица! Когда завтра бѣлый день разсвѣнетъ, день разсвѣнетъ, солнце заиграетъ, и отворятся ворота городскія, ступай ты къ городскимъ

⁵⁾ Женщины у сербовъ клянутся обычно венцомъ имени брата.

воротамъ. Тамъ пойдутъ войска въ боевомъ строю: всѣ коняки подъ боевыми копьями, а предъ ними Бошко Юговичъ, понесетъ онъ знамя крестовое. Скажи ты ему отъ меня благословеніе: пусть отдастъ онъ знамя, кому захочетъ, и съ тобою во дворѣ останется.»

Какъ на утро утро разсвѣло, городскія отворилися ворота, вотъ выходитъ Милица царица, и стоитъ она въ воротахъ городскихъ. Вотъ и войско въ боевомъ порядкѣ: всѣ конники подъ боевыми копьями, передъ конниками Бошко Юговичъ; онъ на рыжемъ конѣ весь въ чистомъ золотѣ; крестовое знамя покрывало его, побратимъ, до самаго коня; на знамени изъ золота яблоко, на яблокѣ крестъ золотой, отъ креста висятъ кисти золотыя; онъ бьетъ Бошка по плечамъ его.

Приблизилась къ брату царица Милица, ухватила за узду коня его, обвила руки брату вокругъ ворота и начала тихо говорить ему:

— О мой братецъ, Бошко Юговичъ! Царь тобою поклонился мнѣ, да нейдешь ты въ бой на Косово, и тебѣ благословеніе прислалъ онъ, чтобъ ты отдалъ знамя, кому хочешь, и остался бы со мною въ Крушевцѣ, чтобъ имѣть мнѣ брата ради клятвы.

Отвѣчаетъ ей Бошко Юговичъ:

— «Иди, сестра, въ бѣлую кулу. Не вернусь къ тебѣ я и не отдамъ изъ руки знамени крестоваго, хоть бы царь мнѣ поклонился Крушевцемъ, чтобъ дружина не сказала остальная: «посмотри на труса Бошка Юговича! Онъ не смѣлъ пойти на Косово, кровь пролить за крестъ честной и умереть за вѣру съ братьями».

Погналъ Бошко коня изъ воротъ. Но вотъ и старый Югъ-Богданъ и за нимъ семеро Юговичей. Всѣхъ братьевъ останавливала по очереди Милица, но ни одинъ на нее и взглянуть не захотѣлъ. Мало времени затѣмъ прошло. Вотъ и Воинъ Юговичъ, и ведетъ онъ царевыхъ коней, покрытыхъ червоннымъ золотомъ.

Ухватила Милица подъ нимъ коня дымчатой масти, обвила свои руки брату во кругъ ворота, стала говорить ему:

— О мой братецъ Воинъ Юговичъ! Царь тобою поклонился мнѣ, и тебѣ благословенье онъ прислалъ, да отдашь коней, кому угодно, и останешься со мною въ Крушевцѣ, чтобъ имѣть мнѣ брата ради клятвы.

Говорить ей Воинъ Юговичъ:

— «Иди, сестра, въ бѣлую кулу. Не вернулся бы я, юнакъ, и не выпустилъ бы царскихъ коней, хоть и зналъ бы, что погибну; иду, сестра, на ровное Косово кровь

пролить за крестъ честной и умереть за
вѣру съ бѣатыми».

И погналъ онъ коня въ ворота. Какъ
увидѣла то царица Милица, она пала
на камень студеньй; она пала, обезпа-
мятѣла.

Но вотъ и славный Лазарь. Какъ увидѣлъ
онъ государыню Милицу, полились ему сле-
зы по лицу; озирается онъ на право и на
лѣво, подзываетъ слугу Голубана.

— Голубанъ, мой вѣрный слуга! Ты слѣ-
зай съ коня Лебеда, возьми государыню въ
бѣлыя руки, отнеси ее въ куду узорчатую.

Какъ услышалъ то слуга Голубанъ, про-
лилъ слезы по бѣлому лицу, слѣзь съ ко-
ня Лебеда, взялъ государыню въ бѣлыя
руки, отнесъ ее въ куду узорчатую. Но не
можетъ Голубанъ преодолѣть своего сердца,
чтобы въ бой пойти ему на Косово; веро-
тился онъ къ коню Лебеду, сѣлъ на него
и поѣхалъ на Косово. ⁶⁾

⁶⁾ Карадж. 288—292. Какъ эта, такъ и многія
другія пѣсни эпохи Лазаря помѣщены въ „Сбор-
никъ“ г. Гербеля въ стихотворномъ переводѣ г.
Ш. Берга, зачастую, къ сожалѣнiю весьма да-
лекою отъ подлинника.

Разговоръ Милоша Обилича съ Иватомъ Косанчичемъ.—Мусичъ Стефанъ и слуга его Вапстина.—Стефанова любя.—Косовка дѣвица.—Большая пѣсня о Косовой битвѣ.—Буничъ Степанъ.—Вѣщій сонъ жены Булича и Милиды.—Подвигъ Милоша Обилича.—Смерть Лазаря.—Память о Милошѣ.

На зарѣ 15 июня 1389 г. Милошъ Обиличъ и Иванъ Косанчичъ отошли отъ сербскаго стана и такія вѣли между собою рѣчи:

Говоритъ Милошъ Обиличъ:

— «Обератимъ Косанчичъ Иванъ! ¹⁾ Высмотрѣлъ ли ты турецкое войско? много ли у турка войска? можемъ ли мы съ турками боемъ биться? можемъ ли мы побѣдить турокъ?»

Отвѣчаетъ ему Косанчичъ Иванъ:

— «О мой братъ Милошъ Обиличъ! Высмотрѣлъ я турецкое войско: сильно у турка войско. Обернись мы всѣ солью, не насолили бы туркамъ и обѣда. Цѣлыхъ пятнадцать дней все ходилъ я по турецкой ордѣ, а не нашелъ ни краю, ни счету.

¹⁾ Караджичъ помѣщаетъ эту пѣсню между отрывками. Дѣйствіе, очевидно, происходитъ по утру въ день битвы.

Отъ Мрамора до Сухаго Явора, отъ Явора, поворотимъ, до Сазліи, отъ Сазліи до Чуприи, отъ Чуприи до города Звечана, отъ Звечана, поворотимъ, до Чечана, отъ Чечана до планинъ высокихъ, расположилось турецкое войско: конь къ коню, молодецъ къ молодцу; боевыя конья словно черный лѣсъ; знамена всѣ словно облака, а шатры ихъ словно бѣлый снѣгъ. Угоди съ неба дождь проливной, негдѣ было бы ему пасть на землю, палъ бы онъ на добрыхъ коней и молодецвъ....»

Еще спрашиваетъ Милошъ Обиличъ:

— Ну, Иванъ, поворотимъ мой! А гдѣ шатеръ сильнаго царя Мурата? Даль я слово князю нашему, что заколю турецкаго царя Мурата, стану ногою ему подъ горло.

Отвѣчаетъ Косанчичъ Иванъ:

— «Глушь же ты, поворотимъ мой! Гдѣ шатеръ сильнаго царя Мурата?—Посреди турецкаго сильнаго табора. А имѣлъ бы ты крылья соколиныя, да палъ бы съ неба ведренаго, все же бы перья назадъ мяса не вынесли».

Тогда закликаетъ Милошъ Ивана:

— Ты, Иванъ, мой милый братъ, не родной братъ, а словно родной! Не могли ты того князю сказывать: князь нашъ тому зазечалится, все войско наше переполошится. А ты такъ скажи князю нашему:

довольно войска у турки, а всежь можемъ съ турками биться и легко побѣдить ихъ. Войско то не боевое, а все поны старые, да калики перехожіе, ремесленники, да молодые барышники, что бою и не видывали, и пошли-то они, чтобы хлѣбомъ кормиться; а что и есть войска у турка, все войско то переболѣло отъ тяжкой болѣсти сердоболи, а добрые кони ихъ поболѣли отъ конской болѣсти. ²⁾

Самую битву пѣсня описываетъ не прямо; одною художественною чертою, однимъ описаніемъ мутной рѣки Ситницы, гдѣ происходила битва, говоритъ она воображенію слушателя. Разказъ выводитъ новыхъ лицъ. Это Мусичъ Стефанъ, повидимому, одно и то же лице съ Степаномъ Бушичемъ, о которомъ рѣчь впереди, любя Стефана Мусича и слуга его Ваистяна. Вѣщій сонъ побуждаетъ любу Мусича поберечь мужа, но напоминаніе Ваистины о «лютомъ закливаніи» князя заставляетъ ее покориться судьбѣ.

«Вино пьетъ Мусичъ Стефанъ въ своемъ красномъ домѣ господскомъ; подаетъ ему вино Ваистина слуга.

Выпилъ Мусичъ холоднаго вина и началъ бесѣдовать:

²⁾ Карадж. Н. 312—314.

— Ваистина, чадо мое дорогое! Миѣ что-то спать хочется. Садись-ка ты ужинать, выпей вина, да походи передъ господскимъ домомъ, посмотри на чистое ведреное небо, на заходѣ ли ясный мѣсяць, на восходѣ ли звѣзда денница, время ли намъ въ путь-дорогу ѣхать на Косово прекрасное поле ровное, на мѣсто урочное, къ князю честному. Вѣдь ты знаешь, чадо мое дорогое, когда были мы при клятвѣ, какъ насъ князь заклиналъ, заклиналъ, люто проклиналъ:

— «Кто сербинъ и сербскаго рода и отъ сербской крови и колѣна, а не придетъ въ бой на Косово, да не будетъ ему рода-племени, ни мужскаго, ни женскаго! Отъ руки ему пусть не родится ничего, ни червленаго вина, ни пшееницы бѣлой! Пусть высохнутъ все его суставы!»!

Легъ Стефанъ на мягкую постель; поужинавъ Ваистина слуга, поужинавъ, выпилъ вина и сталъ ходить передъ господскимъ домомъ, да поглядывать на чистое ведреное небо, на заходѣ ли ясный мѣсяць, на восходѣ ли звѣзда денница, время ли имъ въ путь-дорогу ѣхать на Косово прекрасное поле ровное, на мѣсто урочное, къ князю честному. Вотъ пошелъ онъ къ конямъ въ конюшню и вывелъ двухъ коней богатырскихъ, осѣдлалъ и снарядилъ одного себѣ, а другаго госю-

дину, пошелъ въ господскій домъ и вынесъ крестовое знамя шелковое; на знамени двѣнадцать крестовъ, всѣ двѣнадцать изъ чистаго золота, и икона святаго Ивана, крестное имя Мусича Стефана; прислонилъ онъ знамя крестовое къ дому господскому, а самъ пошелъ на верхъ въ свѣтлицу разбудить своего господина.

Но вотъ на встрѣчу ему Стефанова люба, обнимаетъ его, цѣлуетъ:

— По Богу братъ, Ваистина слуга! Заклиною тебя Богомъ Вышнимъ и святымъ Иваномъ! До сихъ поръ ты былъ мнѣ вѣрный слуга, словно по Богу поворотимъ: не могли ты будить господина моего. Вѣдь я, горькая, дурной сонъ видѣла: полетѣла будто стая голубиная, а предъ нею два сокола сивыхъ мимо дома нашего господскаго, отлетѣла на Косово ровное и упала между таборомъ Мурата, будто пала и не двигалась. Это, братецъ, ваше знаменіе остеречься, чтобы не погибнуть.

Бесѣдуетъ къ ней Ваистина слуга:

— «Дорогая сестра моя, Стефанова люба! Не хочу, сестрица, учинить измѣну господину моему и твоему. Вѣдь ты не была при клятвѣ, какъ заклиналъ насъ князь, заклиналъ, люто проклиналъ:

— «Кто сербинъ и сербскаго рода и отъ сербской крови и колѣна, а не придетъ въ

бой на Косово, отъ руки ему пусть не родится ничего, ни червленого вина, ни пшеницы бѣлой! Да не будетъ ему счастья въ полѣ, ни въ дому ему рода-племени! Пусть изсохнутъ всѣ его суставы!»...

Пошелъ онъ въ горщюю свѣтлицу, разбудилъ своего господина:

— Вставай, господинъ мой дорогой! Время уже намъ въ путь-дорогу ѣхать.

Всталъ Стефанъ на ноги богатырскія, умылъ свое лице бѣлое, облачился въ одежду господскую, препоясался саблею окovanною, взялъ кубокъ вина червленого, выпилъ въ красную славу Божию, за путь счастливый и крестъчестной во своемъ домѣ, за своимъ столомъ. Вышли они на господскій дворъ, съѣли на коней богатырскихъ, распустили знамя крестовое, ударили въ бубны и свирѣли и пустились съ Богомъ въ путь-дорогу.

Бѣлая заря заблѣла на Косовомъ красномъ полѣ ровномъ; встрѣтила ихъ Косовка дѣвица; два золотыхъ кубка въ рукахъ у ней, два золотыхъ, а оба порошніе; подъ пазухой шапка шелку бѣлаго, а на шавкѣ бѣлая кисть перьевъ, въ основаньи перья серебромъ залиты, по срединѣ золотомъ перевиты, а на верху жемчугомъ унизаны.

Говоритъ ей Стефанъ Мусличъ:

— Божья помощь, сестра моя дорогая!

Гдѣ была, душа, ты на сраженьи? Откуда у тебя шапка шелку бѣлаго? Дай мнѣ, сестра, шапку шелку бѣлаго, чтобъ узнать мнѣ, чья она. Клянусь счастливымъ путемъ моимъ! вѣроломства я не учиню.

Отвѣчаетъ Косовка дѣвица:

— «Будь здоровъ, княжой воевода! Ни гдѣ на сраженьи не была я, а рано разбудила меня мать. Рано встаемъ мы и черпаемъ воду. Какъ пришла я на рѣку Ситницу, а Ситница мутно разлилась: песеть она, братъ, коней и юнаковъ, турецкія шапки и бѣлыя чалмы, сербскія прекрасныя бѣлыя шапки; шапка эта была у берега; я сошла въ рѣку Ситницу и взяла шапку шелка бѣлаго. Есть у меня братъ моложе меня; несу шапку эту брату родному; я сама молода, и милы мнѣ перья на шапкѣ».

Отдала она шапку княжому воеводѣ. Чѣмъ больше смотрѣлъ на шапку Мусичъ Стефанъ, чѣмъ больше смотрѣлъ, тѣмъ больше узнавалъ ее, и полились слезы съ господскаго лица; ударилъ онъ себя рукою по колѣну, на колѣнѣ чистое алое сукно разорвалъ золотою застежкой на правомъ рукавѣ:

— Клянусь Богомъ, тяжко мнѣ! На мнѣ осталось проклятье честнаго моего князя.

Отдалъ онъ шапку Косовкѣ дѣвицѣ, ону-

стиль руку въ карманъ и подалъ дѣвицѣ три желтыхъ дуката:

— На тебѣ, сестра, Косовка дѣвица! А я иду въ бой на Косово за Исусово имя пресвятое. А какъ Богъ дастъ ворочусь назадъ, лучшій подарю тебѣ подарокъ; а погибну я тамъ, сестра, помяни ты меня за мой подарокъ. ³⁾

Согласно эпическому своему характеру, пѣсня въ изображеніи битвы останавливается преимущественно на подвигъ одного или, по крайней мѣрѣ, немногихъ лицъ. Такова прекрасная рачеодія о Косовской битвѣ, записанная въ Дубровникѣ въ половинѣ прошлаго столѣтія, которая охватываетъ большую часть отрывочныхъ пѣсень, изданныхъ Караджичемъ, сосредоточиваясь на подвигѣ Милоша Обилича.

Вотъ и самая пѣсня въ переводѣ издателя.

«Сталъ Бушичъ Степацъ рано поутру будить свою милую:

— Встань, любовь моя, съ твоей мягкой постели и открой ты, молодая, окна бѣлыхъ палатъ, пусть развеселитъ свѣтлая заря мои палаты; да посмотри, милая, на высокое ведрое небо: «влашпя» ⁴⁾ исне-

³⁾ Карадж. II, 298—304.

⁴⁾ *Влашчи*—семизвѣздіе, влѣяда.

стрили ли ведрое небо? стоитъ ли звѣзда денница на востокѣ солнечномъ? бьетъ ли барабанъ передъ палатами князя Лазаря? собираются ли господа передъ палатами Лазаря?

Послушалась Степана его молодая подружка и скоро встала съ своей мягкой постели, открыла окна бѣлыхъ палатъ и стала глядѣть на высокое ведрое небо. И за правду влашичи испетрили ведрое небо, свѣтлая звѣзда денница стояла на востокѣ солнечномъ, а барабанъ билъ передъ палатами князя Лазаря, и собирались господа передъ палатами князя Лазаря.

Скоро возвратилась къ Степану его подружка и стала ему молоденькая называть доброе утро:

— Доброе утро тебѣ, моему Бушичу Степану! Это влашичи испетрили ведрое небо, и звѣзда денница стоитъ на востокѣ солнечномъ, барабанъ бьетъ передъ палатами князя Лазаря и господа собираются передъ палатами Лазаря.

Когда Бушичь Степанъ услышалъ свою подружку, онъ скоро поднялся съ своей мягкой постели и сталъ опять говорить своей подружкѣ:

— «Разбуди мнѣ, любовь моя, Оливера, его слугу; пусть онъ идетъ осѣдлать мнѣ и себѣ добрыхъ коней и положить на ко-

ней, что нужно для битвы, чтобы я не отсталъ отъ Лазаря князя, отъ Угорскихъ господъ и отъ братьевъ Уговичей.»

Но Степану стала говорить его подруга:

— Расскажу я тебѣ печальную вѣсть. Тяжелый сонъ видѣла я нынѣшнюю ночь: будто соколъ вылетѣлъ у меня изъ этихъ бѣлыхъ палатъ и воротился въ палаты безъ своей русой головы. Если я могу выпросить у тебя чегонибудь, государь, то не ходи теперь на военную украину, чтобы не приключилось чегонибудь на Косовѣ.

Но Бушичъ Степанъ отвѣчаетъ своей подругѣ:

— «Знать мнѣ, любовь моя, не вернуться съ Косова! Я не отстану отъ войска князя Лазаря, отъ Угорскихъ господъ и отъ братьевъ Уговичей.»

Когда услышала Степана его подруга, она съ горестью пошла будить Оливера, вѣрнаго слугу:

— Вставай, вставай, Оливеръ, вѣрный слуга, и ты сѣдлай коней себѣ и своему господину, а на коней положи все, что нужно для битвы.

Когда услышалъ слуга Оливеръ прекрасную Елену, онъ скоро всталъ съ своей мягкой постели, осѣдлалъ коней себѣ и своему господину и положилъ на нихъ все, что нужно для битвы. Затѣмъ они

вскочили на своихъ добрыхъ коней и отъехали туда къ палатамъ Лазаря. Передъ палатами находятъ многочисленныхъ Угорскихъ господъ. Въздвнво поклонился Степанъ всѣмъ господамъ, и ему всѣ господа поклонились.

У окна была Милица, подруга Лазаря князя; она стала называть господамъ доброе утро:

— Доброе вамъ утро, прекрасные Угорскіе господа! Любо поглядѣть на этихъ честныхъ господъ: точно какъ бы ихъ въ одинъ день родила одна мать.

Но Милошъ Кобыловичъ отвѣчалъ Милицѣ:

— Налюбуйся теперь на всѣхъ этихъ прекрасныхъ господъ, на этихъ прекрасныхъ господъ, и на твоихъ братьевъ Уговичей. Богъ знаетъ, увидишь ли ты ихъ еще своими очами.

Когда Милица услышала своего зятя, слезы потекли у нея по румяному бѣлому личику, и она стала такъ говорить Милошу:

— Тяжелый сонъ я видѣла нынѣшнюю ночь: будто звѣзды падали у меня съ неба на черную землю, будто мѣсяцъ затмился у меня на небѣ, и ведро небо разорвалось на четверо.

А Милошъ Кобыловичъ отвѣчалъ тещѣ:

— Я могу отгадать, Милица, твой сонъ:

что звѣзды падали съ неба на черную землю, это головы будутъ падать этихъ Угорскихъ господъ; а что на небѣ затмился истинный мѣсяцъ, это лицо затмится у славнаго Лазаря князя; а что ведрое небо разорвалось на четверо, это твое Милицыно сердце у тебя разорвется, сердце разорвется по-славномъ Лазарѣ князѣ, по Угорскимъ господамъ и по братьямъ Уговичамъ.

Когда Милица услышала своего зятя, она опечалилась въ своемъ живомъ сердцѣ и стала такъ говорить Милошѹ:

— Могу ли просить тебя о чемъ, дорогой зять, чтобы ты за меня попросилъ славнаго Лазаря князя, оставить мнѣ одного изъ Уговичей: если бы что нибудь приключилось на Кесовѣ, то чтобы я не потеряла всего колѣна Уговичей?

Но Милошъ отвѣчалъ тещѣ:

— «Не стану ни слова объ этомъ говорить Лазарю: всю ночь ты давеча спала у него на правой рукѣ; ты должна была просить его, какъ своего господина.»

Когда Милица услышала своего зятя, она печально возвратилась къ своему господину, лить горькія слезы по своему бѣлому лицу, и стала говорить такъ Лазарю:

— Могу ли я просить тебя о чемъ, государь, чтобы ты оставилъ мнѣ одного изъ Уговичей: если бы что нибудь приключи-

лось на Косовѣ, то чтобы я не потеряла
всего копьна Уговичей?

Но Лазарь отвѣчалъ на это Милицѣ:

— «Не могу тебѣ оставить ни одного изъ
Уговичей: они похвалялись передъ свѣт-
лымъ королемъ Угорскимъ, ⁵⁾ что если бы
небо унало на молоденкую черную землю,
то они приняли бы его на свои боевыя
копья.»

Уже Лазарь вышелъ изъ своихъ бѣлыхъ
налатъ; онъ вѣжливо поклонился всѣмъ
господамъ, и всѣ господа ему поклони-
лись. Затѣмъ онъ сѣлъ на своего добра-
го коня, и они весело пошли на ровное Ко-
сово поле. Они раскинули шатры на краю
ровнаго Косова поля, а царь (султанъ)
сталъ съ войскомъ на быстрой рѣкѣ Сит-
ницѣ. Тутъ они (т. е. войско Лазаря)
остановились отдохнуть и ужинать, и ве-
селятся они у стола за золотыми чашами.

Но Волга Бранковича научила злая
судьба: онъ сталъ говорить князю Лазарю
передъ господами:

⁵⁾ Указаніе на угорскаго короля и угорскихъ
господъ, какъ на союзниковъ Лазаря, о чемъ
въ повѣйшихъ лѣспяхъ вовсе не упоминается,
свидѣтельствуеть, по мнѣнію Гильфердинга,
только о происхожденіи иѣвца изъ сѣверныхъ
областей Сербіи, зависѣвшихъ нѣкогда отъ
Венгріи.

— Милошъ будетъ тебѣ измѣнникомъ на Косовѣ.

Когда Вука Бранковича услышалъ князь Лазарь, онъ взялъ въ руку золотую чашу съ холоднымъ виномъ и сталъ изъ золотой чаши «напивать» ⁶⁾ Милошу:

— Будь здоровъ, зять Милошъ: за мое и твое здоровье и здоровье всѣхъ господъ около насъ! Заклинаю тебя Единымъ, который тебя сотворилъ, и заклинаю тебя Даницею, твоею прекрасною подругою, заклинаю тебя ею, если ей тобою славиться и хвалиться: не будь мнѣ измѣнникомъ на Косовѣ!

Когда Милошъ Кобыловичъ услышалъ князя Лазаря, онъ опечалился въ своемъ живомъ сердцѣ, взялъ въ руку золотую чашу холоднаго вина и сталъ изъ золотой чаши «напивать» Лазарю:

— Будь здоровъ, тесть Лазарь: за мое и твое здоровье! за мое и твое здоровье и здоровье этихъ честныхъ господъ! Клянусь Единымъ, который меня сотворилъ, и клянусь Даницею, моею молодою подругою, клянусь ею, если ей мною славиться и хвалиться: не буду я тебѣ измѣнникомъ на Косовѣ! Я тебѣ обещаюсь передъ всѣми этими

⁶⁾ *Напильти* — пить вино, обращаясь къ кому нибудь съ тестемъ.

господами: прежде, нежели солнце будет завтра на восточной сторонѣ, я буду находиться подъ царскимъ шатромъ и я ударю царя кинжаломъ въ живое сердце и еще къ тому придавлю его правой ногою!

Тогда Милошъ пошелъ кликать своихъ слугъ, своихъ слугъ, Ивана Милана и Ниболу Косанчича:

— Ступайте, слуги, осѣдлайте молодецкихъ добрыхъ коней, ибо мы пойдемъ осматривать турецкое войско.

Вскочили слуги и осѣдлали коней, а Милошъ всталъ изъ-за господскаго стола; онъ бросился на своего добраго коня и отправился туда вверхъ ⁷⁾ по ровному Косову полю. На конѣ вздремнулъ онъ немножко тихою дремотою, и солнце еще не стояло на восточной сторонѣ, а онъ, молодецъ, очутился предъ султанскими шатрами.

Тогда крѣпкіе турки стали говорить свѣтлomu царю:

— Вотъ у тебя передъ шатромъ Милошъ Кобыловичъ!

А свѣтлый царь отвѣчаетъ своимъ туркамъ, чтобы привели Милоша подъ его шелковый шатеръ.

Когда Милошъ пришелъ къ честному царю, свѣтлый царь сталъ такъ говорить ему:

⁷⁾ *Вверхъ* — т. е. по направленію къ верховьямъ Савицы.

— Что ты, Милошъ, пришелъ разглядывать мое войско?

А Милошъ Кобыловичъ отвѣчаетъ свѣтлому царю:

— «Я отступился отъ войска Лазаря князя и пришелъ помогать тебѣ, царю честному.»

Опять говорить Милошу свѣтлый царь:

— Таковъ законъ, Милошъ, въ землѣ моей: кто ко мнѣ приходитъ, долженъ мнѣ вѣжливо поклониться и поцѣловать у меня колѣно правой ноги.

Подоселъ Милошъ, чтобы поклониться свѣтлому царю, и нагнулся, чтобы поцѣловать ему колѣно правой ноги, — выхватилъ золотой книжалъ и его имъ ударилъ, отскочилъ и еще воротился и придавалъ его ногою... Однимъ скокомъ выскочилъ онъ изъ его шатра и бросился съ другими на своего витязя-кося и поскакалъ на конѣ внизъ по ровному Косову полю.

Тогда турки крикнули крѣпкими голосами, какъ одинъ человѣкъ:

— Милошъ ударилъ царя, но не убилъ его!

И за нимъ въ погоню поднялась вся крѣпкая сила турецкая. Когда Милошъ увидѣлъ около себя крѣпкихъ турокъ, онъ обернулся къ нимъ на встрѣчу съ саблею въ рукѣ и много турокъ убилъ своею саб-

лею; а кто отъ него убѣгалъ, не могъ убѣ-
жать отъ добрыхъ слугъ.

Но Милошу приключилась бѣда: турки
убили его слугъ. А онъ, молодець, еще
объ этомъ не кручинился; но ему опять
приключилась бѣда: голосъ вышелъ изъ
облаковъ и говорилъ туркамъ:

— Развѣ вы, турки, не видите, — пусть вы-
падутъ у васъ черные глаза! — что Милошъ
закованъ въ броню и подъ нимъ его до-
брый конь: истребить онъ нынче всѣхъ
васъ до единого. Бросайте ему подъ коня
ваши щиты и осеря сабли.

Когда турки услышали этотъ голосъ,
они бросили ему подъ коня и щиты и
острыя сабли. Споткнулся объ нихъ доб-
рый конь, а они кинулись на Милоша и
отрубили ему правую ногу. Когда Милошъ
увидѣлъ себя безъ молодецкой правой но-
ги, онъ схватилъ въ руку боевое копье и
сталъ опираться на него вмѣсто ноги, и
еще не далъ убить себя крѣпкимъ туркамъ.

Онъ крикнулъ, несчастный, изъ своего
тонкаго горла:

— Гдѣ ты, князь Лазарь, да видишь тебя
Богъ великій!? Помоги мнѣ, тесть мой, те-
перь, или никогда больше! И согналъ те-
бѣ турокъ на быструю рѣку Ситницу; нѣ-
которыхъ я убилъ, а нѣкоторые потонули.

Все это хорошо слышалъ измѣнникъ

Бранковичъ Вукъ и сталъ такъ припирать передъ господами:

— Держись, Милошъ, господское колѣно, покуда хочешь ратовать и биться съ турками! Теперь ты вылатишь мнѣ всѣ зубы до единого! ⁸⁾

Но князь Лазарь говорилъ своему зятю Вуку:

— Молчи, замолчи, зять Вукъ! Онѣмѣй у тебя тонкое горло! Я слышалъ теперь, говоритъ онъ прислушавшись, чей-то голосъ вдаль: я сказалъ бы, что это голосъ Милоша Кобыловича. Страхъ меня беретъ, что онъ въ великой бѣдѣ.

И они пошли и вскочили на своихъ добрыхъ коней. А тутъ-то турки подступили и ударили на нихъ, разбили Лазаря, ни съ чѣмъ не оставили, а Вукъ Бранковичъ убѣжалъ въ зеленныя горы. Лазаря они схватили живаго въ руки и отвели его къ честному Отмановичу, ⁹⁾ и съ нимъ привели Милоша Кобыловича.

Еще царь не разстался съ своею душою; такъ говорилъ онъ своимъ пашамъ и ви-
зирямъ:

⁸⁾ Читатель припомнитъ приведенную выше пѣсню о ссорѣ Вука съ Милошемъ, при чемъ послѣдній выбилъ зубы своему другу.

⁹⁾ Султанъ Муратъ — внукъ Отманъ.

— Когда я буду уже разставаться съ своею душою, вы отрубите голову славному Лазарю князю, и вы отрубите также голову Милошу Кобыловичу; и похороните меня на Косовѣ ровномъ полѣ: подъ ноги миѣ положите славнаго Лазаря князя, а Милоша Кобыловича у моей правой руки.

Но когда Милошъ услышалъ свѣтлаго царя, онъ сталъ печально говорить ему такія рѣчи:

— «Могу ли просить тебя о чемъ, свѣтлый царь? Не клади меня у твоей правой руки, а положи ты меня, Милоша, подъ твои ноги, моего тестя Лазаря у твоей правой руки: какъ я ему всегда при жизни былъ хорошимъ слугою, пусть буду ему слугою и въ матері черной землѣ.

Смиловался свѣтлый царь на эти рѣчи.

Но когда Лазарь услышалъ своего зятя, слезы полились у него по бѣлому лицу, и онъ говорилъ ему, Милошу, такія слова:

— Ахъ блаженна мать твоя, которая тебя родила: тобою я всегда славился между братьями и господами! А да будетъ проклята мать, которая родила Вука: онъ опозорилъ меня передъ господами; онъ выдалъ меня на Косовѣ!

Еще хотѣлъ Лазарь бесѣдовать съ Милошемъ, но свѣтлый царь разстался съ

своею душею. Турки отрубили голову славному Лазарю князю, славному Лазарю князю, и Милошу Кобыловичу; Лазаря похоронили у царя по правую руку, Кобыловича Милоша подъ ногами свѣтлаго царя.

Когда Милица услышала печальныя вѣсти, у нея отъ горя разорвалось живое сердце». ¹⁰⁾

Близъ Приштины протекаетъ рѣчка Ситница. Тутъ же недалеко виденъ небольшой горный хребетъ, Голешъ. Сюда, говорятъ, отступилъ во время сраженія Вукъ Бранковичъ. Около этихъ мѣсть путешественнику попадается множество мусульманскихъ могилъ. Между ними показываютъ гробъ Гази-Сипана, визиря Амуратова войска, исполниа ростомъ и силою, павшаго отъ руки Милоша Обилича, когда тотъ, прозивъ султана, отбивался отъ цѣлаго турецкаго войска.

— «Да, страшный былъ человекъ этотъ Милошъ, замѣтилъ Гильфердингу дервишъ, хранитель гроба Гази-Сипана:— не только Гази-Сипана и его оруженосца убилъ онъ; вотъ все эти могилы кругомъ — это все турки, которыхъ погубилъ Милошъ.» ¹¹⁾

1877 г. 11-го января.

¹⁰⁾ Зап. Им. Р. Геогр. Общ. XIII. 248—263.

¹¹⁾ Ibid. 283.

XX.

Милица узнаетъ о ходѣ Косовской битвы. —
Разсказъ Владѣты воеводы. — Утро другого дня. —
Прилетѣть вороновъ съ Косова поля. — Разсказъ
Милутина слуги. — Смерть жены Югъ-Богдана. —
Обрѣтеніе главы князя Лазаря.

Милица съ двумя дочерьми въ томитель-
ной тоскѣ ждетъ вѣстей съ Косова поля.
Тамъ все ея близкіе. Живы ли они? Тамъ
отецъ ея Югъ-Богданъ старый; тамъ и
братья ея девять Юговичей; тамъ и мужъ
Милицы князь Лазарь; тамъ и оба зятя ея:
Милошъ Обиличъ и Вукъ Бранковичъ. Но ни-
кто не является съ Косова, и только на-
конецъ подъѣзжаетъ Владѣта воевода.

«Прохаживается царица Милица подъ бѣ-
лымъ городомъ Крушевцемъ; съ нею двѣ
милыхъ дочки: Вукосова и Мара прекрас-
ная. Подъѣзжаетъ къ нимъ на добромъ ко-
нѣ ворономъ Владѣта воевода; конь у Вла-
дѣты весь въ поту, покрытъ бѣлою пѣной.

Спрашиваетъ Владѣту царица Милица:

— Заклинаю тебя Богомъ, воевода кня-
жескій! Что это у тебя конь такъ запо-
тѣлъ? Не съ Косова ли ѣдешь ты поля?
Не видѣлъ ли ты тамъ честнаго князя,
господина моего и твоего?

Отвѣчаетъ ей Владѣта воевода:

— «Клянусь Богомъ, царица Милица! Хоть иду я съ Косова поля, но не видѣлъ я честнаго князя; а видѣлъ только его копя; гоняются за нимъ по Косову турки, а самъ князь, думается мнѣ, погибъ».

Какъ услышала то царица Милица, пролила она слезы по бѣлому лицу и еще спрашиваетъ Владѣту воеводу:

— Еще скажи ты мнѣ, воевода княжескій. Когда ты былъ на Косовѣ ровномъ, не видѣлъ ли ты девять Юговичей и десятаго Югъ-Богдана стараго?

Отвѣчаетъ ей Владѣта воевода:

— «Я проѣхалъ чрезъ ровное Косово, и я видѣлъ девять Юговичей и десятаго Югъ-Богдана стараго: они были на Косовомъ полѣ; окровавлены у нихъ руки по самыя плечи; окровавлены мечи ихъ по самую рукоять; ослабѣли у нихъ руки, съкучи по Косову турокъ».

Еще говорить ему царица Милица:

— Стой, подожди, воевода княжескій! Не видѣлъ ли ты двухъ зятьевъ моихъ: Вука Бранковича и Милоша Обилича?

Отвѣчаетъ ей Владѣта воевода:

— «Я проѣхалъ чрезъ ровное Косово, и я видѣлъ Милошъ-Обилича: онъ стоялъ на полѣ Косовомъ, боевымъ копьемъ подвирался онъ; боевое у него переломилось».

копше; турки на Милоша навалились. Думается мнѣ, что и онъ погибъ. Но не видѣлъ я Вука Браиновича, не видѣлъ его, не видѣло бы его солнце! Онъ предаль честнаго князя, господина моего и твоего». ¹⁾

Но Милица не можетъ удовольствоваться одними предположеніями. Она хочетъ знать истину, какова бы она ни была. Весь день и всю ночь проводитъ царица въ мучительномъ ожиданіи новыхъ вѣстей.

«Когда утромъ утро разсвѣло, прилетѣли съ широкаго поля Косова два ворона-гаврана, опустились на бѣлую кулу славнаго Лазаря; одинъ каркаетъ, другой приговариваетъ:

— Да вѣдь это кула славнаго князя Лазаря! Или никого нѣтъ въ кулѣ?

И точно, изъ кулы никто не слыхалъ того, а услыхала то царица Милица; вышла она передъ бѣлую кулу; она спрашиваетъ двухъ вороновъ-гаврановъ:

— Богъ на помощь вамъ, два ворона-гаврана! Вы откуда утромъ прилетѣли? Не съ того ли Косова вы поля? Видѣли ли вы двѣ сильныхъ рати? Ударились ли въ бой тѣ рати, и чья рать побѣду одержала?

Отвѣчаютъ ей два ворона-гаврана:

¹⁾ Карадж. II, 307—309.

— «По Богу скажемъ тебѣ, царица Милица! Съ утра мы изъ Косова ровнаго; видѣли мы двѣ сильныхъ рати; онѣ спшибли еще вчера; оба тутъ царя погибли; отъ турокъ еще кое-что осталось, а отъ сербовъ что осталось, все то ранено и окровавлено».

И вотъ пока они такъ бесѣдовали, подбѣзжаетъ слуга Милутинъ; правую руку держитъ онъ въ лѣвой; на самомъ семнадцатилетнѣмъ, и весь конь у него кровью покрытъ.

Спрашиваетъ Милутина Милица госпожа:

— Что это, несчастный ты, Милутинъ-слуга? Или предаль ты царя на Косовѣ?

Отвѣчаетъ ей Милутинъ слуга:

— «Сними меня сперва, госпожа, съ коня богатырскаго, умой меня водицею студеною и напои краснымъ виномъ: одолѣли меня раны тяжкія».

Сняла его съ коня госпожа Милица, умыла его студеною водицею и напоила краснымъ виномъ.

Какъ прителъ въ себя Милутинъ слуга, спрашиваетъ его Милица госпожа:

— Что же было на Косовомъ полѣ? Гдѣ погибъ славный князь Лазарь? Гдѣ погибъ старый Югъ-Богданъ? Гдѣ погибли девять Юговичей? Гдѣ погибъ Милошъ воевода?

Гдѣ погибъ Вукъ Бранковичъ? Гдѣ погибъ
Страхинья Бановичъ. ²⁾)

Вотъ и началъ слуга сказывать:

— «Всѣ остались, госпожа, на полѣ Ко-
совѣ. А гдѣ погибъ славный князь Лазарь,
много тамъ копій изломано, изломано и
турецкихъ и сербскихъ, и больше серб-
скихъ, чѣмъ турецкихъ, при защитѣ, го-
спожа, государя, государя, славнаго князя
Лазаря. А Югъ, госпожа, погибъ при на-
чалѣ, въ первомъ бою. Пали и восемь Юго-
вичей тамъ, гдѣ не хотѣлъ выдать братъ
брата, пока хотъ одинъ изъ нихъ двигал-
ся. Но остался еще Башко Юговичъ; кре-
стовое у него знамя развѣвается ко Косову;
еще разгоняетъ онъ турецкія толпы, словно
соколъ птица голубей. А гдѣ стоитъ кровь по
волѣно, тамъ погибъ Страхинья Бановичъ. А
Милошъ, государыня, погибъ при Ситницѣ,
при рѣкѣ студеной, гдѣ погибли многіе изъ
турокъ; Милошъ погубилъ турецкаго царя Му-
рата и турокъ двѣнадцать тысячъ. Да про-
ститъ Богъ того, кто родилъ Милоша!
Оставилъ Милошъ память роду сербскому;
будутъ говорить и рассказывать о немъ,
люба есть люди и пока есть Косово. А что

²⁾ О Страхинѣ Бановичѣ, зятѣ Миланци, есть
дѣлая очень большая пѣсня. Карадж. II, 262—
287. Въ „Сборникъ“ г. Гербея она вошла въ
переводѣ г. Н. Берга. См. стр. 52—60.

спрашиваешь о проклятомъ Вукѣ, да будетъ проклятъ и тотъ, кто поредилъ Вука! Да будетъ проклято ему и племя и колѣно! Онъ предалъ царя на Косовѣ и отвелъ съ собою, госпожа моя, двѣнадцать тысячъ лютыхъ латниковъ». ³⁾

Страшная судьба постигла не одну Милицу. Долго сдерживала свое сердце и старая мать девяти Юговичей, не выдержала только послѣдняго испытанія и пала мертвою.

«Когда полегла на Косовѣ рать, и врати той полегли девять Юговичей и десятый Югъ-Богданъ старый, молила Бога мать Юговичей, чтобы далъ ей онъ очи соколиныя и бѣлыя крылья лебединыя, чтобы полетѣть ей на Косово ровное, чтобы видѣть девять Юговичей и десятаго Югъ-Богдана стараго. Что молила у Бога—вымолила: далъ ей Богъ очи соколиныя и бѣлыя крылья лебединыя; полетѣла она на ровное Косово, нашла мертвыми девять Юговичей и десятаго Югъ-Богдана стараго; надъ ними девять боевыхъ коней, на коняхъ девять соколовъ, около коней девять добрыхъ коней, около нихъ девять лютыхъ звѣрей. Тогда заржали девять добрыхъ коней, зарычали девять

³⁾ Карадж. II, 292—295.

лютыхъ звѣрей, закледали девять соколовъ: и тутъ мать скрѣпила свое сердце и не проронила слезы. Взяла она девять добрыхъ коней, взяла она девять лютыхъ звѣрей, взяла она девять соколовъ и вернулась къ своему бѣлому двору. Издали увидѣли ее снохи, кинулись къ ней на встречу, закуковали девять вдовицъ, заплакали девять сиротъ, заржали девять добрыхъ коней, зарычали девять лютыхъ звѣрей, закледали девять соколовъ: и тутъ мать скрѣпила свое сердце и не проронила слезы.

Но вотъ въ полночь заржалъ конь сына ея Демьяна; спрашиваетъ мать Демьянову любу:

— Сноха моя, Демьянова люба! Что это ржетъ Демьяновъ Зеленко? Не хочетъ ли онъ бѣлой пшеницы? Не хочетъ ли онъ воды изъ Звечана?

Отвѣчаетъ ей Демьянова люба:

— «Свекровушка, Демьянова матушка! Онъ не хочетъ бѣлой пшеницы; онъ не хочетъ воды изъ Звечана; а приучилъ его Демьянъ до полуночи ѣсть мелкій овесъ, а за полночь въ путь-дорогу ѣздить, и тоскуетъ онъ по своемъ господинѣ, что не вынесъ онъ Демьяна съ Косова».

И тутъ мать скрѣпила свое сердце и не проронила слезы.

Когда утромъ день разсвѣлъ, вотъ летятъ два ворона-гаврана; по плечи у нихъ крылья окровавлены; бѣлой пѣною покрытъ клювъ, и несутъ они руку молодечью, на рукѣ перстень золотой; уронили они руку на грудь матери.

Взяла руку мать Юговичей, поворачиваетъ ее, разсматриваетъ и зоветъ любу Демьянову:

— Сноха моя, Демьянова любя! Узнаешь ли ты руку эту?

Отвѣчаетъ ей любя Демьянова:

— «Свекровушка, Демьянова матушка! Рука эта нашего Демьяна. Узнаю я, матушка, перстень; тотъ перстень со мной на вѣнчаньи былъ».

Взяла мать руку Демьянову, поворачиваетъ ее, разсматриваетъ и тихонько руку приотвариваетъ.

— Ты, рука моя, вѣтка зеленая! Гдѣ росла ты, гдѣ ты срублена? А росла ты на груди моей, а срублена ты на Косовѣ ровномъ!

Не вынесла мать Юговичей, не вынесла, и пала она бездыханная, и отошла за спинами девятью Юговичами и десятымъ Югь-Богданомъ старымъ». ⁴⁾

⁴⁾ Карадж. II, 304—307. Прозаическій, нѣсколько отдаленный отъ подлинника, не полный переводъ этой пѣсни читатель найдетъ въ Русск. Вѣстѣ 1858 г. 1, Смѣсь, 11—12.

Последняя из пѣсенъ о Косовомъ побоищѣ рассказываетъ объ обрѣтеніи главы князя Лазаря. Своимъ религіознымъ характеромъ пѣсня эта производитъ успокоительное впечатлѣніе. Бюто послѣ всѣхъ этихъ страшныхъ картинъ всего умѣстнѣе закончить обзоръ событій царства сербскаго съ точки зрѣнія религіозной легенды и народнаго эпоса.

«Когда на полѣ Косовомъ отѣкли Лазарю прекрасную главу, никого тутъ не было изъ сербовъ, а случился тутъ одинъ турокъ молодой, истый турокъ, но отъ матери рабыни; родила его рабыня сербка.

Говоритъ турецкій мальчикъ молодой:

— Вы турки, мои молодые братья! Вотъ голова государя! Грѣхъ отъ Бога Единого, что клюютъ ее орлы и вороны, что толчутъ ее кони и юнжки.

Взялъ онъ главу святаго Лазаря, завернулъ ее въ верхнюю одежду разноцвѣтную и понесъ ее къ источнику водному, опустилъ ее въ воду ключевую. И лежала глава въ студенцѣ доброе время, сорокъ лѣтъ, а прекрасное тѣло на Косовѣ. Ни орлы, ни вороны не ѣдятъ его; ни кони, ни юнжки не толчутъ его.

Милосердый Боже, за все тебѣ хвала! Поднялися возницы молодые отъ прекраснаго бѣлаго города Скупля. Они везутъ

грековъ и болгаръ; они идутъ въ Нишу и Виддину; на Косовѣ ночлеги учинили. Поужинали возницы молодые, поужинали; потомъ захотѣли напиться воды»

Они стали искать воды по Косову и случайно набрали на источникъ.

«Говоритъ одинъ возница молодой:

— Вотъ въ водѣ сіянье мѣсяца.

Говоритъ другой возница молодой:

— «Это, братъ, не мѣсяца сіянье».

Третій ничего не говоритъ, повернувся онъ лицомъ къ востоку, помянулъ Бога Истиннаго, Бога Истиннаго и святаго Никола:

— Помоги Боже и отче Никола!

И вошелъ онъ въ воду источника и вынулъ оттуда главу святителя сербскаго Лазаря, положилъ ее на зеленую траву и зачерпнулъ воды кубкомъ».

Утоливъ жажду, взглянули возницы на зеленую траву, но не нашли уже святой главы: она соединилась съ обезглавленнымъ тѣломъ.

«Когда утромъ бѣлый день разсвѣлъ «подали голосъ» возницы молодые, подали голосъ старымъ священникамъ. И сошлись тутъ священники, триста старыхъ священниковъ и двѣнадцать владыкъ великихъ и четыре старыхъ патріарха: первый Лептскій, другой Цариградскій, Васильевскій и Иерусалимскій; облачились они въ

одежды великія, возложили камилавки на главы, взяли въ руки книги староставныя и читали великія молитвы и держали великое бдѣніе цѣлыхъ три дня и три ночи темныхъ; не сидѣли и не отдыхали, не ложились и не спали, молили святаго, гдѣ, въ какой задушбинѣ угодно ему успокоиться....»

Но святой не пожелалъ успокоиться ни въ одной изъ названныхъ ими задушбинъ, а пожелалъ лечь въ задушбинѣ, въ своей прекрасной Раваницѣ, подъ высокою подъ Кучай-планиною, что соградилъ Лазарь церковь еще при жизни своей, что соградилъ себѣ задушбину на свой хлѣбъ, на свои деньги, безъ елезъ безъ еиротскихъ. *)

19-го января.

*) Карадж. II. 324—326.

Продается въ конторѣ редакціи «Современныхъ
Извѣстій»: Москва. Воздвиженка, Ваганьковскій пере-
улокъ, домъ Александровскаго подворья; у книгопро-
давца Салаева: Москва, Мясницкая, домъ Гагариной, и
у прочихъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Цѣна 45 коп.